

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

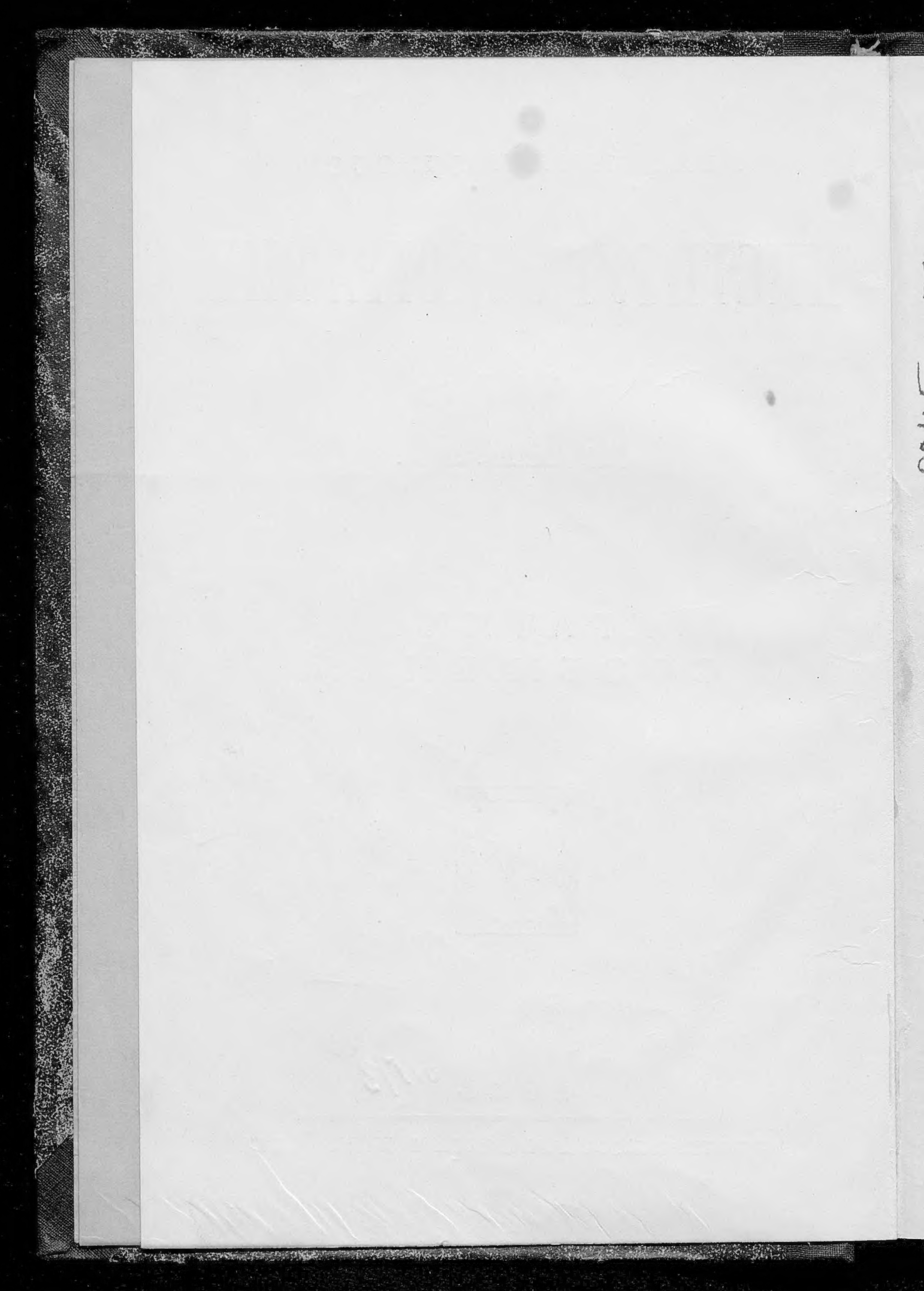
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

1948 №173

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1948

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» Института этнографии посвящен в основном отчетам об экспедиционных работах Института в 1946 г. Сюда не включены материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (руководитель проф. С. П. Толстов), которым, ввиду их обширности, намечено отвести специальный выпуск.

В 1946 г. в Ученом совете Института этнографии защищены две докторские и десять кандидатских диссертаций. По техническим причинам в настоящем выпуске публикуются автореферата и тезисы лишь некоторых из этих диссертаций.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Ф. СИМОНЕНКО

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТРЯД ЗАКАРПАТСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ[1]

Этнографический отряд комплексной Закарпатской экспедиции работал с июля по август 1946 г. в 19 селах пяти административных округов: Раховского (5 сел), Хустского (7 сел), Перечинского (4 села), Свалявского (2 села) и В.-Березнянского (1 село) (см. карту). В состав отряда входили: И. Ф. Симоненко (начальник отряда), М. Н. Шмелева, И. А. Прокопович, М. Д. Торен, Л. Теременко, К. Чугунова, О. Пчелина, Т. Пантюхина, А. А. Лебедева и В. И. Котовский (последние двое — из Музея народов СССР).

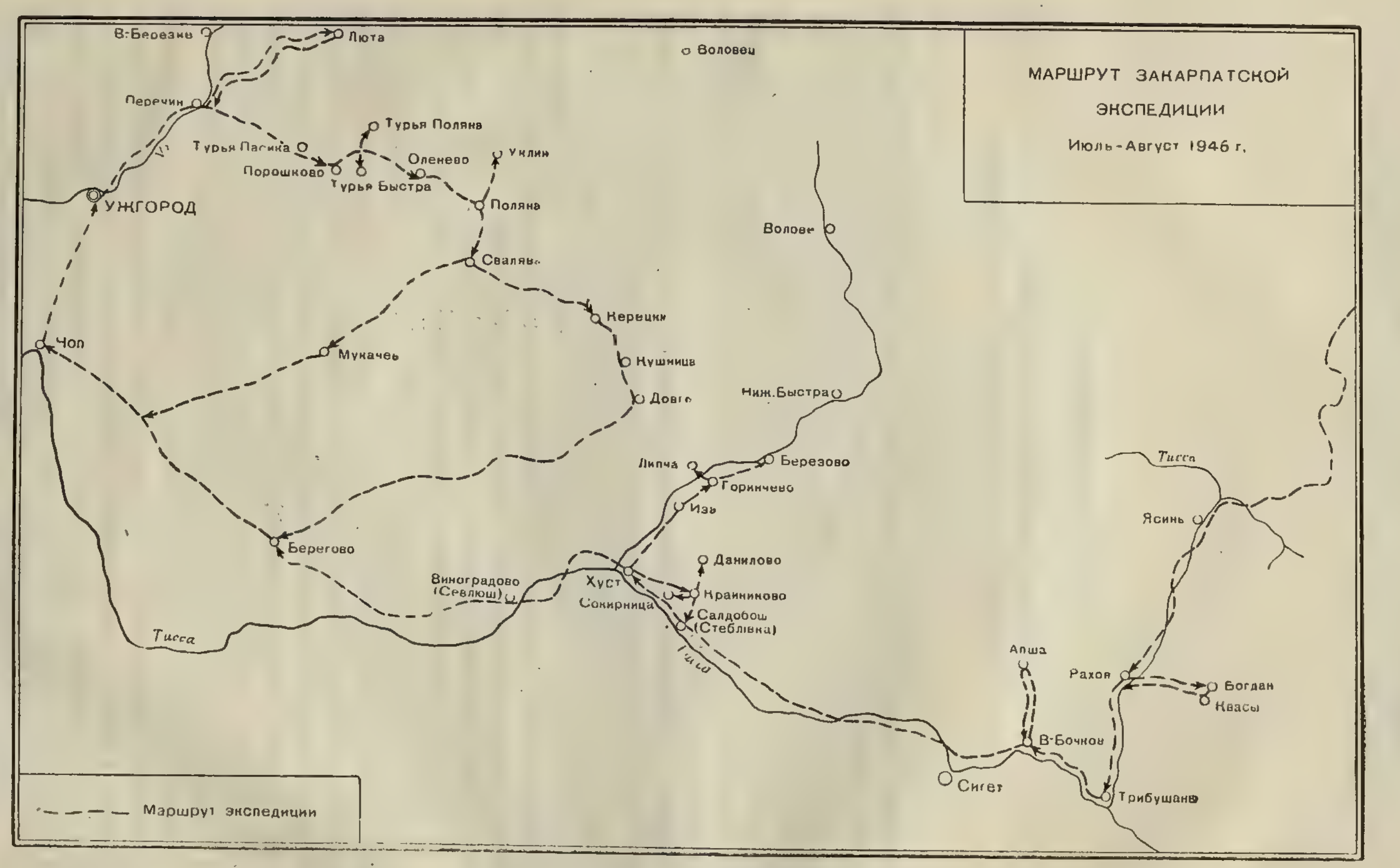
Пчелина, Чугунова и Пантюхина работали совместно с фольклорным отрядом. Большую помощь в работе экспедиции оказали Областной комитет КП(б)У и Облисполком. Отряд собрал большой и разнообразный материал по материальной и духовной культуре населения.

Жилище закарпатского населения представляет собой деревянный сруб, обмазанный снаружи и внутри глиной и выбеленный (рис. 1 и 3), а иногда только выбеленный, а глиной обмазаны пазы (рис. 2). Сруб поставлен на каменный фундамент, высотой от 15 до 75 см, в старых постройках сруб покоится прямо на земле. В некоторых селах (с. Люта) сруб не оштукатурен, стоит на высоком фундаменте со стороны фасада, потому что установлен на сравнительно крутом склоне. Крыша четырехскатная, реже — двухскатная, в большинстве домов покрыта дранкой, «шинклями» (см. рис. 1 и 2), реже — соломой (см. рис. 3). Конструктивно четырехскатная крыша представляет собой простой шалаш. Со стороны фасада часть обследованных жилищ имеет «турнац» — ганок шириной до 1 м; крыша турнаца составляет одно целое с крышей хыжи (см. рис. 1 и 3). Некоторые жилища имеют турнац и со стороны фронта. Пол в большинстве жилищ земляной, реже — деревянный.

Во всех селах, где работала экспедиция, бытуют и трехкамерный, и двухкамерный типы жилища. Трехкамерное жилище (хыжа — сени — комора или хыжа — сени — хыжа) отмечено во всех селах, но распространено неравномерно. Двухкамерный тип неоднороден и также неравномерно распространен. Часть жилищ этого типа, состоящая из хыжи и сеней, является недоразвитым типом трехкамерного жилища (см. рис. 2). Среди двухкамерных встречаются постройки, по плану и конструкции напоминающие восточно-славянскую «пятистенку». К двухкамерному

---

[1] Доклад, прочитанный на сессии Института этнографии 12 февраля 1947 г.

Карта маршрута этнографического отряда

типу относится также жилище, имеющее турнац с двух сторон и вход через него в каждую камеру отдельно (см. рис. 1). Внутри камеры между собой не сообщаются. Обе камеры жилые. Такое жилище чаще всего встречается в Хустском и Тячевском округах.

Одежда закарпатских украинцев отличается очень большим разнообразием форм, типов и орнаментации. Особенно разнообразна женская одежда. Каждый из посещенных экспедицией округов имеет свои формы одежды, отличные друг от друга; более того, почти каждое село имеет свои отличительные черты.

Мужской костюм состоит обычно из сорочки (имеющей много вариантов в покрое), широких штанов (гатей, или холошней), лайбыка (жилета), уйоша (кожуха, или сердака), сапог (ботинок, или постолов) и шляпы (зимой — бараньей шапки) (рис. 4).

Женский костюм состоит из сорочки, фартука, пояса, платка (рис. 5 и 6) и уйоша. В некоторых районах костюм дополняется запаской, или юбкой, и безрукавкой (лайбыком) (рис. 7). По орнаменту и покрою женская сорочка имеет много вариантов; наибольший интерес для этнографов представляет сорочка, бытующая в районе Довге — Кушница — Керецки.

В Закарпатье, как показывает материал экспедиции, имеются два типа керамики: хустский и ужгородский. Они близки друг к другу по форме, размерам и технике выделки, но различаются больше всего по орнаменту. Ужгородская керамика имеет в орнаменте западные элементы, тогда как хустская несколько ближе к орнаменту киевской керамики. В связи с изучением керамики собран большой и интересный материал по терминологии, из которого видно, что для одного и того же предмета имеется несколько различных названий; например, сосуд для воды с узким горлышком называют и «корчага», и «пивниця».

Пестрота в терминологии касается не только керамики, но и вообще предметов материальной культуры (жилища, одежды, утвари, инвентаря и т. д.). Характерно, что терминология пестрее и разнообразнее самих предметов, к которым она относится. Например, вместо слова «топор» повсеместно можно встретить термины: «сокира», «балта», «топôр», «фейса», «плинкач», «бардо», «фарагу», «побывач» и др. Термин «бардо» встречается также у венгров (bard), румын (barda) и болгар (брадва); термин «балта» — у словаков, сербов, болгар, венгров, турок и далее широко распространен как в Передней, так и в Средней Азии, а «фейса» и «фарагу» — только у венгров.

В Закарпатье преобладает мелкое малоземельное крестьянское хозяйство [1], экономическая направленность которого зависит от географических условий, так как территория делится на две различные зоны: горную и равнинную. В первой преобладает скотоводство, а как подсобное занятие — лесоразработки и земледелие; во второй — земледелие и подсобное скотоводство. Главными земледельческими культурами почти повсеместно являются кукуруза и картофель. Рожь, пшеница и овес преобладают только в районах юго-западной равнины. Обработка земли в горных районах стоит на довольно низком агрикультурном уровне, преобладает двухпольная система. В некоторых горных районах сохра-

[1] За время, истекшее с момента сбора публикуемых материалов, в хозяйстве и быте населения Закарпатской области произошли серьезные изменения. Материалы 1947 г. и более поздние данные свидетельствуют о крупных успехах социалистического строительства в этой области.

1. Хыжа из с. Данилова, Хустского округа. Снаружи и внутри обмазана глиной. Двухкамерная, с «турнацем», вход в каждую камеру отдельно

2. Хыжа в с. Керецки, Свалявского округа. Двухкамерная, не обмазана глиной, а лишь выбелена. Старинная постройка

3. Хыжа в с. Сокырнице, Хустского округа. Двухкамерная (сени и хыжа), обмазанная и выбеленная. Крыта соломой

4. Тип летней мужской одежды. На снимке показана молотьба овса на ручной молотилке.

Сел. Крайниково, Хустского округа

нилось еще подсечно-огневое мотыжное земледелие, т. е. «пасіка», как, например, в с. Люта. Заключается оно в том, что осенью, после полевых работ, рубят лесные заросли. В течение зимы вырубленное сохнет, а весной его разрубают на мелкие куски и сжигают на месте. После пожога на этом участке высевают рожь, затем разрыхляют поверхность земли мотыгой и до самой уборки ржи никакой работы больше не производят. Раньше этот участок после уборки ржи забрасывался. Последние 3—4 года после ржи стали сажать картофель, а затем этот участок включают в общий двухпольный севооборот.

Сельскохозяйственный инвентарь весьма ограничен: деревянный плуг с железными лемехом, череслом и полицей, борона (в ряде районов не применяется), мотыга, серп и коса. Последняя употребляется, главным образом, для покоса травы.

В связи с земледелием отмечена одна характерная особенность: почти по всей области в народной традиции неизвестен обряд «дожинок», и только в с. Люта, т. е. там, где сохранилось подсечно-огневое мотыжное земледелие, бытует этот обряд. Он заключается в том, что из последнего снопа, который называют «королем», плетут венки. Один венок надевают на голову девушки и идут домой. «Газда» (хозяин) идет сзади и несет косу, к которой привязано два колоска. Хозяин дома покупает «паленку» (водку), а женщины готовят пищу. Когда приготовления окончены, все участники плетения венка угощаются, а после угощения венок снимают с головы девушки и кладут на «полицю», где он и «лежить аж доки другий не прийде». У некоторых домохозяев сохранилось по 10—15 венков.

В горной зоне, где занимаются скотоводством, преобладают овцы. На втором месте стоит мелкий рогатый скот. Овцеводство дает сыр, который играет большую роль в пищевом режиме, мясо, а также шерсть на одежду. Овцеводческое хозяйство ведется на низком уровне: здесь имеется очень много архаических элементов.

В общественном строе населения Закарпатской области весьма интересен отмеченный экспедицией в ряде сел пережиток патронимии. В селах Крайникове, Данилове, Сокыринце, Салдобош и др. имеются солидные кровнородственные группы, насчитывающие до 100 дворов (семейств). Хозяйство каждой семьи номинально обособлено, но фактически зависит от всей группы, так как работы производятся коллективно всей группой. Браки внутри группы раньше исключались; не так давно стали допускать их только в седьмом колене. Обычно существовал порядок, при котором девушек отдавали замуж в одну группу, а себе брали жен из другой. [1]

Собранный материал по народным обрядам и обычаям показывает, что в Закарпатье сохранился целый ряд обрядовых действий, давно уже забытых восточными славянами; эти архаические обряды еще живут здесь полной жизнью. Наибольшее место среди них занимают семейные обряды, подробно нами прослеженные. Например, автором этих строк записано 15 вариантов свадебного обряда. Этот материал позволяет сделать следующие обобщения:

а) некоторые ритуалы свадебного обряда выполняются различно и в деталях, и во времени, хотя имеют один и тот же характер;

б) значительная часть ритуалов весьма древнего, дохристианского происхождения;

---

[1] Подробно см. статью «Пережитки патрономии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области» в журн. «Советская этнография», 1947, № 1.

5. Уборка овса серпом

6. Летний костюм пожилой женщины. На снимке — расчесывание овечьей шерсти

Сел. Люта, В.-Березнянского округа

7. Костюм девушки, вид спереди и сзади

Сел. Крайниково, Хустского округа

в) большинство ритуалов свадебного обряда символизирует обеспечение материального благополучия семьи и создание нового поколения.

Гораздо интереснее для этнографов обряд, связанный с похоронами. Здесь характерно то, что в ряде районов сохранился обычай хоронить умершего в любое время года на санях, тогда как у восточных славян этот обычай давно забыт и известен только по описанию летописцев. Умершего везут хоронить только на волах. Кроме того, главной частью похоронного обряда являются устраиваемые различного рода игры, «аби ся люди не смутили». В некоторых селах игры устраиваются только тогда, когда умирают дети, в других, наоборот, при похоронах детей игры не устраиваются. Игры по своему содержанию далеки от религиозного христианского обряда. Это в основном любовные игры, весь смысл которых сводится к поцелую; сатирические, высмеивающие религиозный обряд похорон, особенно — попа, и спортивные (испробование силы, уменья, ловкости и т. д.). Число игр велико, и только автором записано 35 различных игр. Количество и разнообразие их зависит от уменья исполнителей и руководителей придумывать все новые и новые. Игры устраиваются в первый день вечером, после того как умершего обмоют и приготовят к похоронам. Играют всю ночь в том же помещении, где лежит умерший. Играми руководит приглашенное лицо, специалист своего дела; участвуют в них мужчины и женщины, парни и девушки, даже дети-подростки. Широко распространены такие игры, как «провід», «сьатити церкву», «гусака печи» (или «дідо»), «коза», «лопатки» (четырех видов), «шийки», «качулки», «дідо і баба», «медвідь», «керть заложити», «коні гнати», «порохно дути», «ножа збивати», «на коневісь нести», «обзирачка» (пародия призыва в старую армию) и др.

В фольклоре населения Закарпатья значительное место занимают сказки. По сюжету из 42 записанных сказок преобладают волшебные, затем бытовые, юмористические и исторические. Большинство сюжетов отражает тот социальный строй, в котором бытовали сказки до момента записи. Почти во всех сказках подчеркивается социальная дифференциация и стремление разбогатеть у бедных, низовых слоев населения. В основной своей массе записанные волшебные сказки имеют близкие сюжетные варианты среди сказок восточных славян (по каталогам сказочных сюжетов). Однако они имеют отпечаток местной среды, географических условий и экономики. Иногда в сказке отражено влияние современной техники: самолет, телефон, «авто» и т. п., но по стилю передачи сказочником и по художественным качествам сказка не связана с влиянием книги. Среди записанных имеются сказки, сюжеты которых еще не известны по каталогам сказочных сюжетов, и сказки исключительно местного характера, особенно бытовые.

Большой интерес у исследователей вызывает и лицо сказочника. Широко известен, например, сказочник Андрей Грыга из с. Керецки, Свалявского округа, 52 лет, бедняк. Он славится в округе своими сказками. Его же считают лучшим знатоком и исполнителем «фиглей» — различных игр, особенно похоронных. Грыга хорошо играет на «пішчалке» (свирели) и знает много песен. В его репертуаре около 150 сказок и до 50 похоронных игр

Собранный этнографическим отрядом материал не ограничивается сказанным. Он значительно обширнее и охватывает многочисленные стороны быта населения Закарпатья.

В. Ю. КРУПЯНСКАЯ

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОТРЯД ЗАКАРПАТСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ[1]

Фольклорная работа Закарпатской комплексной экспедиции велась отрядами этнографическим и фольклорным, работавшими в разных районах. В этнографическом отряде (начальник И. Ф. Симоненко) фольклорную работу вели аспиранты Института Л. А. Старцева и И. С. Сергеева. Фольклорный отряд работал в составе десяти фольклористов: старшего научного сотрудника В. Ю. Крупянской (начальник отряда), докторанта Института В. К. Соколовой, младшего научного сотрудника Б. Г. Гершкович, аспиранта Московского университета Л. Н. Пушкарева и студентов того же университета: И. Амнуэль, М. Данковой, Н. Репуховой, С. Рождественской, Л. Уховской и Н. Шлюгер. В фольклорном отряде работали также студентки-этнографы К. Чугунова (по жилищу), О. Пчелина (по костюму) и Т. Пантюхина (по народному орнаменту).

В работах фольклорного отряда приняли непосредственное участие проф. П. Г. Богатырев и заведующий отделом искусств Исполкома Закарпатской области П. В. Линтур.

Первая половина работ (с 16 июля по 8 августа) проведена в Хустском округе. Фольклорным обследованием охвачены следующие пункты — отрядом Крупянской села: Горинчево (основная база отряда), Липча, Березово и Нижний Быстрый; отрядом Симоненко (с 16 июля по 4 августа) села: Крайниково, Салдобош и Сокирница. Затем оба отряда соединились, и работы были перенесены в Перечинский и Свалявский округа. Обследованы села: Порошково, Турья Пасика и Турья Быстра, Перечинского округа, и Поляна, Уклин и Оленево, Свалявского округа.

Во всех этих пунктах фольклорное обследование велось по следующим темам.

Ф о л ь к л о р. Большое внимание уделено экспедицией изучению фольклорных жанров: сказок, песен, коломыек. Изучение сказки проводилось по двум направлениям: 1) изучался сказочный репертуар и условия бытования сказки в обследованных районах; 2) выявлялось творческое лицо закарпатского сказочника (вопрос, мало освещенный в отношении закарпатского сказочного материала).

---

[1] Доклад, прочитанный на сессии Института этнографии 12 февраля 1947 г.

Работа по изучению сказок в основном проводилась членами экспедиции Б. Г. Гершкович и Л. Н. Пушкаревым. Основной материал собран в Хустском округе, где экспедиция столкнулась с богатой сказочной традицией. Здесь широко бытуют сказки бытовые, волшебные, местные предания, былички и т. д. Как показали наблюдения, в различных возрастных группах превалируют различные сказочные жанры. Так, долгая волшебная сказка является уделом преимущественно сказочников старого поколения. Молодежь с почтением и даже с некоторым удивлением относится к сказочникам подобного типа, но волшебные сказки почти не перенимает. Среди молодежи, главным образом, распространена бытовая сказка, анекдот, быличка. Ряд интересных наблюдений в этом отношении сделан студенткой Н. Репуховой, много общавшейся с молодежью на вечерницах, где рассказывание сказок является одним из любимейших развлечений.

Сказка занимает в жизни закарпатского крестьянства очень большое место, чему способствует обилие коллективных работ: сказки рассказываются на лесозаготовках, рыбной ловле, на вечерницах. Летом сказку можно услышать в любой праздничный день. Мы неоднократно наблюдали рассказывание сказок стариками и молодежью в воскресные дни, обычно на улице, где-нибудь на завалинке.

В Хустском округе экспедиции удалось встретить ряд весьма одаренных сказочников. Таков сказочник с. Березова — Василь Текза, по прозвищу Плескун, 62 лет, слепой. В молодости он много ходил по работам: был в Галичине, Польше, Боснии, Южной Сербии; участник первой мировой войны. Он большой любитель смешных сказок, которые рассказывает с неподражаемым юмором. Излюбленные его сюжеты: про попа, пьяниц, неверных жен и т. д. В том же селе проживает известный по всей округе сказочник Юра Текза, по прозвищу Парадюк, знаток волшебной героической сказки. Творчество этого сказочника совершенно не изучено. За ограниченностью времени экспедиции удалось записать от него только две сказки.

Главная работа была проведена со сказочником с. Горинчева — Андреем Степановичем Ка̀лином, 1908 г. рождения. Это также любитель долгой волшебной сказки. С 15 лет Ка̀лин ходил на заработки в Венгрию, Словакию и Чехию, где работал на лесозаготовках. Однако большую часть сказок Ка̀лин перенял не на чужбине, а будучи еще ребенком, у 90-летнего старика из с. Монастырец (против с. Горинчева, на другом берегу реки) Илько Голищового. Сказки Ка̀лин начал рассказывать с 12 лет. В его репертуаре насчитывается сейчас 40 сказок (не считая анекдотов, быличек, преданий, которым, по словам сказочника, нет числа). Членами экспедиции Б. Г. Гершкович и Л. Н. Пушкаревым записано от Ка̀лина 15 текстов. [1] Записи велись в присутствии слушателей-односельчан, что позволило одновременно делать наблюдения и над публикой. Сказки Ка̀лина отличаются своеобразием контаминаций.

В Свалявском округе, в с. Поляне, произведены записи от сказочника Шехайды. Это — человек неграмотный, мастер на шутки, («фигли»), неизменный участник похоронных игр.

В том же округе, в с. Оленеве, нами встречен талантливый сказочник Василий Лизанец, 1899 г. рождения, усвоивший сказки от отца и

[1] В настоящее время с Ка̀лином работает П. В. Линтур, записавший от него 35 сказок.

деда. Нам удалось только прослушать его сказки и определить общий репертуар сказочника.

Специальное внимание было уделено изучению коломыйки. В Хустском округе коломыйка издавна имела широкое распространение. Так, еще в 1900 г. вышел сборник М. Врабеля «Угро-русские народные спиванки, т. I. Спиванки Мармарошские», изданный в Будапеште. Там помещено 869 номеров.[1] Помимо коломыек в сборнике помещен ряд песенных новообразований, сюжетно и тематически чрезвычайно разнообразных: песни новеллистического содержания (трагическая судьба детей после смерти матери; молодая жена обманывает старого мужа; девушка отравляет легиня и выходит замуж за другого и т. д.), песни исторические (главным образом, на тему первой мировой войны), солдатские (о смерти воина на поле брани) и т. д. Эти новые песни возникли на основе коломыек, по их складу и ритму. С тем же явлением мы сталкиваемся и в галицийской коломыйке.

Материалы, собранные экспедицией (записано более 5000 текстов), обнаруживают те же процессы. В Хустском округе коломыйка тематически чрезвычайно богата. Она почти вытеснила свадебную песню старого типа, так называемую «латканя», причем свадебная коломыйка по своему содержанию теснейшим образом связана с обрядом: таковы коломыйки, которые поют при плетении венков, украшении «курагоу» (свадебного знамени) и т. п. В коломыйке получили яркое отражение события второй мировой войны, героическая борьба закарпатских партизан и т. д. На почве коломыйки сложились в основном и новые, отражающие современность песни. Они затрагивают, главным образом, тему войны. В ряде песен с большой теплотой вырисовывается образ товарища Сталина, с именем которого закарпатский народ связывает свое освобождение.

Всего записано 20 текстов современных песен.

Экспедиции удалось наблюдать самое возникновение новых песен: зарождение цельной песни из чередующихся вопросов и ответов (обычный прием амебейного исполнения коломыек). Ярким примером может служить запись студентки Н. Репуховой. Она наблюдала исполнение серии коломыек, певшихся поочередно хлопцем и девушкой и развивавших одну общую тему. В этом подборе коломыек несомненен элемент зарождения новой целостной песни.

Ряд современных закарпатских песен является переработкой старых «катунських» (солдатских) песен, в частности, песен первой мировой войны. Такова, например, одна из популярнейших на Мармароше песен:

Це вы чули, мілі братя,
Як воёвали Карпатя...

(Старый вариант этой песни см. в сборнике Врабеля, № 546).

Вопрос о географическом распространении коломыйки, о ее отношении к старой традиционной песне, о различных ее музыкальных типах требует дальнейшего пристального изучения.

Н а р о д н ы й к а л е н д а р ь (годовой круг праздников). Собран материал по святочному циклу (описаны во всех деталях «святый вечер», рождество, новый год, «бабин вечер» и «водощи»), записано 65 текстов колядок (с мотивами апокрифическими, господарскими и сва-

[1] Следует отметить, что сборник Врабеля отличается большой неточностью записи.

дебными). Особое внимание обращено на изучение весенней обрядности: обрядов, обычаев, примет и гаданий, связанных с праздниками благовещенья, великодня, с троицкой обрядностью («русальна пятница», «свята неділя»), с празднованием Юрьева дня, Иван-дня и т. д.

Большой интерес представляет обычай пасхальных игр: в первый день пасхи молодежь собирается около церкви (или на кладбище) и играет в разные игры: в «лапту»; «блохи» или «котика» (горелки), в «городок», в «жону и чоловіка» и т. д. Этот обычай был зарегистрирован во всех обследованных экспедицией селах Хустского округа (а также в Раховском округе, где экспедицией были проведены рекогносцировочные работы); в селах Перечинского и Свалявского округа пасхальные игры отсутствуют. В последнем округе собран интересный материал по ритуальному печению пасхального хлеба: «паски», «пащаной сестры» и «брата верченика».

Весенняя обрядовая поэзия почти полностью исчезла в Закарпатье; вот почему большой интерес представляют записанные экспедицией тексты песен (латканя) на Русальную пятницу. Эти песни поются ворожками при сборе ими зельев (иначе, по поверью, зелье будет «глухое»). Осенняя обрядность выражена слабо.

Собраны обычаи и обряды при постройке дома, при сельскохозяйственных работах: пахоте, посевах, взращивании фруктовых деревьев; особенно много обычаев связано с культурой конопли.

Собран материал по коллективным женским работам: «пряхам» («вечерницам»), «пироскубам» (щипанье пуха для перин), лущенью кукурузы. Записаны молодежные игры. Зафиксированы обычаи, отражающие свободу взаимоотношений молодежи на этих сборищах (игра в «пекло», обычай совместного спанья на стеблях вылущенной кукурузы после окончания работы).

Народное знахарство и ворожба. Экспедицией собраны сведения о типах и приемах ворожбы, о средствах народной медицины, составлены биографии знахарей. Особый интерес представляют материалы студентки М. Данковой (с. Горинчево), непосредственно наблюдавшей ворожбу (любовный приворот) и посвящение в «баянье». Вера в ворожбу в Закарпатье пока еще сильна. Знахарь, по поверью, может передать свое искусство и сообщить тексты заговоров только на «святый вечер» (канун рождества), иначе заговор теряет свою лечебную силу. Вот почему добиться от пользующего знахаря сообщения заговоров — дело очень трудное. М. Данкова записала 17 текстов заговоров. Экспедицией составлен гербарий лечебных трав, собраны сведения об их целебных свойствах. Следует отметить связь народной медицины с магией. В ряде случаев применение лечебных трав сопровождается колдовскими действиями знахарей.

В день Маккавеев (14 августа н. ст.) экспедицией сделаны наблюдения над освящением трав («зелья») в церкви; засняты типы знахарок.

Собрано большое количество поверий и легенд о так называемых «двудушниках» (босорканях, вовкулаках), об утопленниках (упирах), «повитрулях» и т. д.

Семейная обрядность. Экспедицией собран значительный материал по обрядам и обычаям, связанным с рождением ребенка, его первыми днями и крестинами; записаны песни, которые поют на крестинах — «щинях».

Тщательно изучен во всех обследованных районах свадебный обряд. Сделано 32 записи обряда от лиц различного возраста. В основном работа по изучению свадебного обряда проводилась студенткой С. Рождественской. Часть записей сделана от людей, являющихся блюстителями и хранителями свадебной традиции (свадебные старосты, женщины, постоянно приглашаемые на свадьбы; составлены биографии этих лиц). Экспедиции удалось дважды наблюдать свадьбы в селах Липча и Нижний Быстрый. Записи, произведенные по непосредственным наблюдениям, содержат обилие отмеченных деталей и представляют большой научный интерес.

Столь же тщательно изучался и похоронный обряд. Записи произведены во всех обследованных экспедицией районах (сделано 24 записи). В Перечинском и Свалявском округах сохранились еще архаические формы похоронного обряда: здесь хоронят и летом на санях, обязательно на волах. Очень полно сохранились и похоронные игры (т. е. игры, разыгрываемые при покойнике в первую ночь после его смерти). В с. Оленеве, Свалявского округа, было записано 24 похоронных игры.

Репертуар похоронных игр в селах Перечинского и Свалявского округов содержит в среднем 20—25 игр. В Хустском округе он значительно беднее (в среднем 5—8 игр). Повсеместно распространены игры: «шийка», или «шуть» (жгут), «студень» (колодец), «я вишу».

Некоторые игры носят чрезвычайно театрализованный характер с элементами бутафории, костюма, развитым словесным текстом. Таковы, например, игры: «млин» (с традиционными персонажами «дідо» и «баба»), «церьќоу» (пародийное отпевание покойника). По просьбе членов экспедиции эти игры с большим темпераментом, живо и остроумно были разыграны молодежью с. Оленева. Это дало возможность произвести их запись во всех деталях. Игры эти характерны не только как обрядовый материал, но и как проявление народной театральной традиции.

Всего экспедицией записано 97 похоронных игр. По своему характеру большинство их не имеет уже непосредственной связи с обрядом и носит развлекательный характер. То же было зафиксировано проф. П. Г. Богатыревым во время его поездок в Закарпатье в 1923—1926 гг. (см. статью П. Г. Богатырева «Les jeux dans les rites funèbres en Russie subcarpatique»). В Хустском округе большинство похоронных игр те же, которыми молодежь забавляется на посиделках (вечерницах).

Экспедиция уделила также внимание вопросу о похоронных причетах. Профессиональные вопленицы отсутствуют. Каждая женщина умеет причитать. Причитают только по родственникам. Записанные тексты причетов обнаруживают устойчивость традиционных мотивов.

Фольклорные работы, произведенные экспедицией этого года, носят лишь рекогносцировочный характер. Необходимо начать планомерную, систематическую работу по изучению богатейшего и столь еще мало исследованного закарпатского фольклора. Организация изучения фольклора в Закарпатье в стационарных условиях должна стать ближайшей и неотложной задачей.

В. В. БУНАК

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УССР[1]

Материал. Летом 1945 г. в Закарпатье работал антропологический отряд, включавший В. В. Бунака, В. П. Якимова и К. В. Архангельскую. Исследованный контингент составился исключительно из мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, главным образом, рабочих лесопильных заводов, отчасти — крестьян. Национальные группы Закарпатья — украинцы (русины), мадьяры, евреи, словаки (в западной части) и другие — живут в тесном соседстве. Поэтому было уделено много внимания тому, чтобы по данным о происхождении родителей как можно более точно установить этническую принадлежность исследуемого. Достаточный материал удалось собрать о мадьярах в г. Берегове, центре мадьярского расселения (100 человек), и украинцах (свыше 1000 человек). При обработке материала исследованные украинцы разбиты на 9 территориальных групп, перечисленных в табл. 1.

Таблица 1

Распределение исследованных закарпатских украинцев по районам

Районы	Местность	Число исследованных
I	Рахов	94
II	В.-Бочков	174
III	Иза (близ Хуста)	49
IV	Волове	165
V	Воловец	27
VI	Свалява	152
VII	Мукачев, с. Рузское и Севлюш	116
VIII	Люта	71
IX	В.-Березнс	120

В табл. 2 и 3 приведена характеристика суммарной группы украинцев, а также указаны пределы колебаний групповых средних (минимальная и максимальная средняя, min — max) и отмечены номерами, соответствующими табл. 1, те территории, в которых найдены эти предельные значения средних величин.

[1] Краткое изложение доклада, прочитанного на сессии Института этнографии в феврале 1947 г.

Таблица 2

Размеры и индексы головы и лица и длина тела у закарпатских украинцев и мадьяр

Признаки	Группы	N	Min — max	$M \pm m\ (M)$	$\sigma \pm m\ (\sigma)$	$M_1 - M_2$	№₁ — №₂
Продольный диаметр (мм)	Закарпатские украинцы	968	164—209	185.4 ± 0.22	6.74 ± 0.15	182.3—188.6	III—X
	Мадьяры	102	171—199	185.3 ± 0.62	6.25 ± 0.44	—	—
Поперечный диаметр (мм)	Закарпатские украинцы	965	136—174	155.8 ± 0.18	5.46 ± 0.12	153.2—156.7	III—VII
	Мадьяры	102	144—182	155.3 ± 0.65	6.54 ± 0.48	—	—
Голо́вной указатель	Закарпатские украинцы	965	73.0—95.8	84.1 ± 0.11	3.45 ± 0.08	82.9—85.6	X—IV
	Мадьяры	102	77.5—96.0	84.0 ± 0.36	3.64 ± 0.25	—	—
Высота лица морфологическая (мм)	Закарпатские украинцы	965	112—150	124.8 ± 0.22	6.92 ± 0.16	124.2—126.8	X—I
	Мадьяры	101	108—145	123.6 ± 0.67	6.71 ± 0.47	—	—
Скуловой диаметр (мм)	Закарпатские украинцы	967	121—158	140.7 ± 0.18	5.59 ± 0.13	139.7—142.4	III—VII
	Мадьяры	102	126—158	139.2 ± 0.53	5.34 ± 0.37	—	—
Лицевой указатель морфологический	Закарпатские украинцы	965	70.8—108.4	88.9 ± 0.17	5.29 ± 0.12	87.4—90.6	X—I
	Мадьяры	101	74.7—101.5	90.0 ± 0.52	5.18 ± 0.36	—	—
Физиономическая высота лица (мм)	Закарпатские украинцы	896	151—213	184.2 ± 0.33	9.88 ± 0.23	183.0—186.1	III—I
	Мадьяры	94	164—209	183.2 ± 0.94	9.14 ± 0.67	—	—
Лобный наименьший диаметр (мм)	Закарпатские украинцы	964	92—121	106.4 ± 0.14	4.33 ± 0.10	105.3—108.2	III—V
	Мадьяры	98	97—115	105.9 ± 0.40	4.02 ± 0.29	—	—
Лобно-скуловой указатель	Закарпатские украинцы	964	66.7—87.0	75.7 ± 0.10	3.01 ± 0.07	75.1—76.2	VII—IV
	Мадьяры	102	68.4—83.3	76.1 ± 0.27	2.72 ± 0.19	—	—
Нижнечелюстной диаметр (мм)	Закарпатские украинцы	963	89—125	107.9 ± 0.18	5.56 ± 0.13	105.8—109.4	V—IX
	Мадьяры	102	91—118	106.4 ± 0.51	5.14 ± 0.36	—	—
Нижнечелюстной скуловой указатель	Закарпатские украинцы	963	64.8—87.5	76.9 ± 0.12	3.62 ± 0.08	75.5—77.4	VII—IX
	Мадьяры	102	66.9—86.8	76.4 ± 0.37	3.70 ± 0.26	—	—
Носовой указатель	Закарпатские украинцы	911	43.3—87.2	61.9 ± 0.21	6.39 ± 0.15	60.5—63.7	I—X
	Мадьяры	101	46.3—78.8	61.5 ± 0.66	6.63 ± 0.47	—	—
Ширина рта (мм)	Закарпатские украинцы	896	38—66	52.8 ± 0.14	4.09 ± 0.10	51.6—54.3	VI—IX
	Мадьяры	100	44—64	51.2 ± 0.37	3.68 ± 0.26	—	—
Высота верхней губы (мм)	Закарпатские украинцы	909	8—29	16.5 ± 0.09	2.79 ± 0.07	16.0—17.2	I—III
	Мадьяры	101	10—23	16.3 ± 0.29	2.88 ± 0.20	—	—
Толщи́на губ (мм)	Закарпатские украинцы	905	5—25	14.7 ± 0.12	3.70 ± 0.09	14.0—15.5	VII—I
	Мадьяры	100	8—24	14.8 ± 0.33	3.34 ± 0.24	—	—
Длина тела (см)	Закарпатские украинцы	923	144.6—185.2	166.0 ± 0.21	6.24 ± 0.15	160.4—167.7	V—II
	Мадьяры	96	149.1—181.2	165.2 ± 0.65	6.35 ± 0.46	—	—

N — число исследованных; в последних двух графах M_1 и M_2 — минимальный и максимальный средние размеры отдельных групп; №₁ и №₂ — порядковый номер групп, в которых найдены эти размеры; в прочих графах — обычные параметры вариационных рядов.

Таблица 3

Варианты окраски, волосяного покрова и формы частей лица у закарпатских украинцев и мадьяр

Признак и вариант	Закарпатские украинцы				Мадьяры	
	N	P	$P_1 - P_2$	№$_1$ — №$_2$	N	P
Цвет радужины						
1—4	959	18.2	7.4—26.6	V—III	101	24.8
5—8		40.8	28.2—49.0	IX—IV		38.6
9—12		41.0	33.6—59.3	VII—V		36.6
Цвет волос						
9—26	881	5.0	2.2—7.8	III—IV, X	85	4.7
8		14.0	7.7—18.0	VIII—I		14.1
6—7		54.5	48.4—74.1	II—V		48.2
5		11.1	3.7—15.7	V—IV		14.1
4—27		15.4	7.4—21.4	V—I		18.8
Густота бровей						
1	668	3.9	1.1—7.3	X—III	70	1.4
2		61.4	50.8—70.6	II—IX		60.0
3		34.7	27.4—42.1	IX—II		28.6
M		2.31	—	—		2.37
Рост бороды						
1—2	653	21.1	13.8—36.1	IV—IX	69	17.4
3		39.2	30.0—44.0	III—X		47.8
4—5		39.7	28.6—51.2	V, X—VII		34.8
M		3.19	—	—		3.17
Наклон лба						
1	965	1.3	0.9—2.9	X—II	102	2.0
2		46.7	34.0—73.5	I—III		31.4
3		52.0	26.5—63.9	III—I		66.6
M		2.51	—	—		2.65
Лицо (форма)						
1—2	944	15.6	8.2—25.9	III—VII	63	12.7
3		57.4	50.0—67.3	VI—III		57.2
4		11.1	7.4—16.2	V—I		20.6
Прочие		15.9	9.4—27.7	II—VI		9.5
Скулы (профиль)						
1	945	0.5	0.6—3.7	II—V	102	1.0
2		98.0	92.6—100.0	I—III, VI—IX		96.1
3		1.5	0.9—6.4	VII—I		2.9
M		2.01	—	—		2.02
Профиль нижней части лица						
1	959	19.4	12.9—23.7	VII—I	102	9.8
2		75.1	69.2—78.0	V—II		81.4
3		5.5	1.3—9.5	VI—VII		8.8
M		1.86	—	—		1.99

Продолжение таблицы 3

Признак и вариант	Закарпатские украинцы				Мадьяры	
	N	P	$P_1 - P_2$	$№_1 - №_2$	N	P
Верхнее веко (набухание)						
0	955	50.8	38.0—63.0	VI—V	102	56.8
1		45.1	25.9—55.3	V—VI		36.3
2—3		4.1	1.8—11.1	IV—V		6.9
M		—	—	—		—
Губы (выступание)						
1	905	5.1	1.9—15.9	VII—IX	98	8.2
2		94.0	82.6—100.0	IX—V		90.8
3		0.9	0.7—3.2	VI—II		1.0
M		1.96	—	—		1.93
Высота переносья						
1	954	0.7	1.4—7.4	IX—V	99	1.0
2		95.7	88.9—98.6	V—IX		86.9
3		3.6	1.8—10.0	IV—I		12.1
M		2.03	—	—		2.11
Профиль спинки носа						
1	956	7.5	3.2—10.2	I—X	102	9.8
2		58.2	49.6—69.5	VII—II		57.8
3		0.8	0.9—4.1	VII, X—III		—
4		15.7	11.9—20.5	X—IV		21.6
5		4.8	1.4—10.2	IX—III		3.9
6		13.0	6.5—20.2	II—I		6.9
Основание носа						
1	960	25.6	12.8—33.8	I—IX	102	22.5
2		65.6	58.6—74.2	X—II		70.6
3		8.8	6.1—14.9	III—I		6.9
M		1.83	—	—		1.84
Кончик носа						
1	960	27.5	16.0—35.2	I—IX	102	34.3
2		61.3	51.5—71.4	IV—III		57.9
3		11.2	7.0—17.0	IX—I		7.8
M		1·84	—	—		1.74

N — число исследованных; *P* — процент данного варианта в суммарной группе; P_1 и P_2 — минимальный и максимальный проценты в отдельных группах; $№_1$ и $№_2$ — порядковый номер групп, в которых найдены эти проценты; *M* — средний балл. Цифровое обозначение вариантов признаков: форме лица — *1* квадратная, *2* — круглая, *3* — прямоугольчая, *4* — овальная; профиль спинки носа: *1* — вогнутый, *2* — прямой, *3* — выпуклый в нижней части, *4* — выпуклый в средней части, *5* — выпуклый в верхней части, *6* — волнистый; обозначение остальных признаков — обычное

Длина тела, пигментация, волосяной покров. Закарпатские украинцы в целом — типично среднерослая популяция. Низкорослые индивидуумы (161 см и ниже) составляют немного более многочисленную долю, чем высокорослые (170 см и выше). Колебания районных средних, если исключить небольшую группу из Воловца, простираются от 164—165 см в центральной зоне, которую некоторые исследователи считали областью расселения бойков (Волохе, Свалява), до 167—168 см в восточной зоне гуцульской группы из Рахова и В.-Бочкова. В западных районах, условно районах расселения лемков (Люта, В.-Березне), средняя длина тела такая же, как и в центре Закарпатья. Средняя величина роста установлена и для мадьяр из Берѐгова — 165 см.

Окраска радужины в суммарной группе светлая или средняя. Та и другая категории составляют по 40%. Доля светлоглазых повышается, с одной стороны, в гуцульских районах до 44%, с другой стороны, в западных районах — до 56%. В центральной зоне радужина более темная (группа из Воловца, ввиду ее малочисленности, не принята во внимание). Мадьяры имеют более темную радужину, примерно такую же, как в центральных районах.

По окраске волос в суммарной группе преобладают темнорусые или светлокаштановые оттенки (№ 6—7 по шкале Фишера), составляющие 55%. Блондинов 10%. В центральном районе, а также у мадьяр волосы более темные.

Брови и борода у мужчин старше 25 лет относительно густые (средний балл 2.31 и 2.19). По этому признаку намечаются различия между восточными районами — мужчины с более обильным ростом бороды и более густыми бровями — и западными, где эта особенность выражена менее резко. Центральная зона и мадьярская группа не отличаются от восточной.

Размеры головы и лица. Закарпатские украинцы имеют средней величины продольную ось, большую поперечную ось и типичный брахикефальный головной указатель. Долихо- и мезокефалы вместе составляют около одной трети популяции, крайние брахикефалы около одной четверти. Более 40% наблюдений падают на размеры индекса 82—86. В западных районах оба диаметра головы, особенно продольный, несколько крупнее (188 мм), в восточной зоне средняя длина головы около 182 мм; различие в поперечном диаметре менее значительно (155—156 мм). Головной указатель в западной зоне около 83, в центре 85, на востоке 84. Аналогичным образом изменяется наименьший лобный диаметр.

Мадьяры из Берéгова по головным указателям вполне сходны с украинцами.

Высота лица (от назиона до подбородочной точки), скуловая ширина и лицевой указатель относятся к средней категории. Узколицые варианты более многочисленны в восточной зоне, чем в западной. Это различие создается, главным образом, меньшей величиной скулового диаметра в восточной части Закарпатья — 140 мм, в западной части средняя величина составляет 142 мм. Центральные районы занимают промежуточное место, точно так же и мадьяры по лицевым размерам дают почти одинаковые средние с украинцами.

Ширина лица в углах нижней челюсти и по абсолютной величине, и по отношению к скуловому диаметру относится к среднему классу. Средние челюстно-скулового и лобно-скулового индексов почти одинаковы (77 и 76). Таким образом, форма лица в целом имеет прямоугольные

очертания. Районные различия в этих признаках выражены неопределенно. По общей (физиономической) высоте лица намечаются такие же различия, как и по высоте лица, измеренной от назиона. Носовой указатель дает небольшую среднюю величину — около 62, в западных районах 63, в восточных 61. Ширина рта изменяется в соответствии со скуловой шириной. Губы имеют небольшую ширину в слизистой части (меньше 15 мм), высота верхней губы умеренная. Эти признаки выражены довольно однообразно в разных районных группах украинцев. Тот же тип констатируется и у мадьяр.

Форма лицевого скелета, мягкие и хрящевые части лица. У закарпатских украинцев резко преобладает прямой лоб, слабо выраженные надбровные дуги, прямоугольной формы лицо, средний горизонтальный профиль скуловой области, близкий к вертикальному профиль нижней части лица. Разрез глаз горизонтальный, широко или средне открытый, с тонким, плотно прилегающим к глазному яблоку верхним веком. Впрочем, в половине случаев наблюдается небольшое набухание века в верхней части или небольшая складка, точнее, морщина кожи. Губы имеют слабо выраженный профиль. Во всех этих признаках территориальных различий не обнаруживается. Мадьярская группа очень сходна с украинцами. Нос имеет спинку или прямую, или с небольшой, едва заметной вогнутостью. Выпуклая спинка чаще встречается в восточных районах, так же как и опущенное основание носа.

Характеристика областных типов. Колебания средних по отдельным районам не выходят за пределы одного морфологического типа и не всегда достигают статистической достоверности, но в целом все же слагаются в характерные комплексы.

Восточный комплекс по сравнению с западным отличается более густыми бровями и бородой, более темно окрашенной радужиной, меньшим продольным диаметром головы, более высоким головным указателем, более узким лицом и носом, несколько более частой выпуклостью профиля спинки носа и опущенным основанием. Длина тела сравниваемых групп одинакова.

Закарпатские украинцы центральных районов отличаются меньшей длиной тела, менее светлой окраской волос и радужины, наиболее высоким головным указателем. По лицевым размерам и по форме носа центральные группы занимают промежуточное положение. Все же вариации признаков в отдельных селениях центральной зоны очень значительны, и по имеющимся материалам нельзя считать установленной целостность этого комплекса признаков. Возможно, что центральный вариант представляет собой лишь смесь двух крайних.

Мадьярская группа в целом стоит ближе к западному и центральному типам, но в отдельных признаках, например, в лицевых размерах почти неотличима от восточных вариантов.

Данные других исследований. Антропологические материалы о закарпатских украинцах были опубликованы В. Суком[1] и И. Гашпаром.[2] Данные обоих авторов методически несравнимы с материалами настоящего исследования, но в общем устанавливают

[1] V. Suk. Anthropologie podkarpatské Rusi.— Spisy Masarykovy University, 1932, Cis. 150.

[2] И. Гашпар. Антропологическое исследование Закарпатья (на венгерском языке).— Hajnal, 1943, № 1—4.

преобладание того же типа — среднерослого, относительно светлоглазого, брахикефального, среднелицего, с прямой спинкой носа.

По данным И. Гашпара, намечаются различия западной и восточной зон, аналогичные установленным выше по форме носа и лицевому указателю, но по головному указателю различия не обнаруживаются. Длина тела и доля светлоглазых вариантов понижается в центральной зоне.

В. Сук[1] опубликовал результаты определения кровяных групп у закарпатских украинцев (757 проб): группа O—31.9%, группа A—42.5%, группа B—19.1%, группа AB—6.5%. Таким образом, характерно значительное усиление группы A.

Антропологические типы смежных территорий. В Станиславской области, прилежащей к Восточному Закарпатью с севера, по данным Мидлярского[2] о призывных, средняя длины тела 164 см, головного указателя 84, лицевого 86.6, носового 66; по сравнению с Западной Галицией лицо и нос менее широки. Принимая во внимание различия в методике измерения и различный возраст исследованных, можно заключить, что в Станиславской области представлен тот же тип, что и в Восточном Закарпатье. В Буковине головной указатель 83—84, в Мармарош-Сигете у румын 85. Пигментация, повидимому, более темная, чем у украинцев Восточного Закарпатья (Лебцельтер).[3], [4]

Характерное для северо-западной части Закарпатья сочетание относительно светлой радужины, широколицести, высокорослости свойственно и словакам (Кнебль); пограничные зоны Галиции более брахикефальны и темноокрашены (Мидлярский).

Имеющиеся данные позволяют заключить, что восточно-карпатский элемент входит в серию типов, простирающихся от украинцев верхнего Днестра и Подолии до Северной Трансильвании. Западно-карпатский тип имеет связь с вариантами, представленными в Словакии и Силезии (Столыхво).[5] Этот же тип преобладает и у мадьяр Берéгова.

Расовый диагноз. Проф. В. Сук и другие исследователи относят преобладающий у закарпатских украинцев тип к альпийской расе, восточный элемент — к динарской или к светлоокрашенной динарской, центральный северный вариант — к лапоноидной расе, основываясь при этом на несколько меньшем росте, более широком лице, учащении более выгнутых спинок носа и на других признаках, присваиваемых горному населению Центральных Карпат.

Отнесение к одному расовому типу территориально разобщенных групп приобретает убедительность лишь при наличии веских данных о связи этих групп в прошлом или о присутствии аналогичных вариантов в промежуточной зоне. Обе эти предпосылки, поскольку речь идет о закарпатских типах, полностью отсутствуют. Заключение о динарском, альпийском, лапоноидном типах выражает не генетическое родство, а лишь морфологическое сходство, притом крайне поверхностное.

---

[1] V. Suk. Cabbage and Goitre in Carpathian Ruthenia.— Anthropologie, 1931, Praha, vol. IX.

[2] I. Mydlarski. Sprawozdanie z wojskowego zdjęcia anthropologicznego Polski.— Kosmos, 1925, vol. L(A).

[3] V. Lebzelter. Über die Verbreitung des Kopfindexes bei den Rumänen.— Bull. Sect. Ac. R., 1933—1934, vol. XVI.

[4] V. Lebzelter. Über die Verbreitung der Haar- und Augenfarbe bei den Rumänen.— Bull. Sect. Ac. R., 1935, vol. XVIII.

[5] K. Stolychwo. Struktura anthropologiczna Polskiego Ślaska.— Polsk. Akad. Umiejęt, Prace Anthrop., 1934.

Украинцам Восточного Закарпатья вовсе не свойственны характерные для динарцев массивная челюсть, выступающий подбородок, крупные поперечные размеры тела и другие признаки. С представлением об альпийском типе не вяжется большая редкость у закарпатских украинцев квадратной формы лица, отсутствие плоских затылков. Не имеется также никаких специфических признаков лапоноидности ни в строении лица, ни в пропорциях тела. Отсутствие набухлости века и специфической сероглазости не говорит за сближение с балтийским типом. Характерная для всего Закарпатья особенность — большое распространение чисто голубых глаз (не серых), сравнительно светлых волос, преобладание прямой спинки носа, прямоугольного, средних пропорций, лица. Этот комплекс признаков, особенно ясно представленный в западных районах, и морфологически и территориально связывается с серией вариантов Средней и Восточной Европы, объединяемых понятием центрально-европейской расы, в которой западно-карпатский, или угский (по названию р. Уг) элемент занимает место особой подрасы. Восточный элемент диагностицируется труднее. Дальнейшие исследования в смежных районах должны показать, следует ли считать его вариантом — восточно-карпатским или верхне-тисским — брахикефальной, сравнительно темной (альпийской? динарской?) расы или неоморфным вариантом понтийской расы. В первом случае верхне-тисский вариант связан преимущественно с югом, во втором случае — с востоком.

Р. С. ЛЕВМАН

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ БЕССАРАБСКИХ МОЛДАВАН

Антропология современного молдавского населения Бессарабии до настоящего времени освещена в литературе очень слабо. Лебцельтер (Lebzelter), обследовавший 4000 румынских солдат, среди которых были и бессарабцы, опубликовал данные только по головному указателю и цветности. Питтар и Доничи (Pittard et Donici) в работах, посвященных румынам, почти не затрагивали бессарабских молдаван. О. Некрасова (Яссы), исследовавшая в Молдове и на севере Бессарабии около 4000 человек, работала по сокращенной программе, почти совершенно не касаясь описательных признаков. Кроме того, она чисто механически подошла к разработке полученного материала, ограничившись вычислением процентного соотношения различных расовых типов в данной популяции. Работа Шлугера, к сожалению, неудачна в смысле выбора района, так как она относится к группе, где смешаны переселенцы из Бессарабии, Валахии и Молдовы. Между тем антропология молдаван Бессарабии имеет тем больший интерес, что до сих пор не существует единой точки зрения на происхождение молдавского народа. Различные существующие на этот счет взгляды базируются в основном на лингвистических материалах, очень слабо подкрепленных данными археологии и этнографии. Кроме того, ряд авторов включает Бессарабию в ареал формирования восточных славян, следовательно, и с этой стороны вопросы антропологии представляют определенный интерес.

Материал для настоящей работы был собран мною в Молдавской ССР осенью 1946 г. Все обследованные считают себя молдаванами по отцовской и материнской линиям. В отличие от молдаван румынской Молдовы, называющих себя то румынами, то молдаванами, молдаване Молдавской ССР всегда отделяют себя от собственно румын. Всего было обследовано 340 мужчин в возрасте от 18 до 55 лет. Большинство обследованных — крестьяне-сезонники.

Географически весь материал разбивается на три группы, приуроченные к трем исторически сложившимся областям: 1) северная группа — население Белецкой степи (материал собирался во Флорештском районе Сорокского уезда, обследовано 100 человек); 2) центральная группа — население Кодр (материал собирался в Кишиневском районе и на юге Оргеевского, обследовано 165 человек); 3) южная группа — население южной оконечности левобережной части Молдавской ССР (материал собирался на границе Слободзейского и Тираспольского районов левобережья Молдавской ССР, обследовано 75 человек).

Суммарно вся группа характеризуется следующим образом. Рост выше среднего, форма головы слабо брахикефальная. Преобладающая окраска волос — темная. Преобладающий цвет глаз — смешанный, светлых глаз больше, чем темных. Брови густые; складка века развита слабо. Лептопрозопия. Рост бороды у мужчин старше 25 лет выше среднего. Лоб прямой, надбровье развито слабо. Выступание скул среднее или слабое. Вертикальная профилировка нижней части лица чаще всего средняя. Переносье выше среднего. Лепториния. Спинка носа больше чем в половине случаев прямая, выпуклые и вогнутые формы встречаются одинаково часто; основание и кончик носа чаще всего прямые, приподнятые формы встречаются немного чаще опущенных; нос выступающий. Форма лица преобладает овальная.

Таким образом, в отношении рас первого порядка данная группа безусловно принадлежит к европеоидной расе без сколько-нибудь заметной монголоидной примеси. Для установления места исследуемой группы среди рас второго порядка сравним молдаван Бессарабии с их соседями — украинцами и болгарами (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные антропологические данные молдаван, болгар и украинцев

Признаки	Группы		
	Болгары Филиппольского района (Дрончилов)	Молдаване (вся группа) (Левман)	Украинцы Котовского района (Чебоксаров)
Рост (см)	169.2	166.60	167.30
Продольный диаметр (мм)	188.8	187.40	185.80
Поперечный диаметр (мм)	147.0	151.90	155.90
Головной указатель	78.8	81.40	84.00
Высота лица (от переносья) (мм)	119.4	120.40	121.20
Наибольший скуловой диаметр (мм)	135.0	140.20	141.50
Носовой указатель	65.6	63.60	71.08
Цвет волос (% темных)	100.0	75.00	85.00
Цвет глаз (% светлых)	14.0	27.70	36.00
Спинка носа (% вогнутых)	—	14.00	11.00
Основание носа (% опущенных)	—	10.70	12.70
Высота переносья (средний балл)	—	2.36	2.06

Из табл. 1 ясно, что молдавская группа более короткоголова, чем болгарская, менее пигментирована и более широколица. По сравнению с украинцами молдаване более длинноголовы, более узколицы и темноглазы. Таким образом, молдаване представляют собой как бы переходную группу между болгарами Филиппольского района (Дрончилов) и украинцами Котовского района (Чебоксаров). У болгар Филиппольского района ярко выражены черты понтийского типа, у украинцев Котовского района хорошо представлен так называемый центрально-европейский тип.

Таким образом, можно сделать два предположения: или перед нами группа, где процессы брахикефализации и депигментации не зашли еще так далеко, как у типичных «центрально-европейцев», или же это группа метисная, образовавшаяся в результате скрещивания брахикефальных и долихокефальных типов. Анализ вариационных кривых дает отклонение от нормального распределения, что указывает на неодно-

Таблица 2

Антропологическая характеристика молдаван Молдавской ССР

Измерительные признаки

Признаки	Группы		
	Северная	Центральная	Южная
	$M+m$ (M)	$M+m$ (M)	$M+m$ (M)
Рост (см)	166.37 ± 0.44	167.2 ± 0.38	166.58 ± 0.55
Продольный диаметр (мм)	188.35 ± 0.52	187.3 ± 0.32	186.37 ± 0.67
Поперечный диаметр (мм)	152.47 ± 0.52	150.97 ± 0.35	153.95 ± 0.53
Головной указатель	80.75 ± 0.30	81.34 ± 0.27	82.80 ± 0.42
Наименьший лобный диаметр (мм)	106.11 ± 0.40	105.99 ± 0.35	105.30 ± 0.38
Нижнечелюстной диаметр (мм)	108.39 ± 0.61	108.93 ± 0.44	108.20 ± 0.67
Скуловой диаметр (мм)	139.80 ± 0.39	141.0 ± 0.31	140.20 ± 0.67
Морфологическая высота лица (мм)	125.01 ± 0.76	123.99 ± 0.67	124.05 ± 0.44
Лицевой указатель	89.95 ± 0.90	89.00 ± 0.83	89.62 ± 0.57
Высота носа (от назиона) (мм)	56.70 ± 0.37	55.67 ± 0.32	56.01 ± 0.38
Ширина носа (мм)	36.20 ± 0.30	35.16 ± 0.26	36.20 ± 0.44
Носовой указатель	63.92 ± 0.73	63.46 ± 0.32	64.3 ± 0.69

Описательные признаки

Признаки	Группы		
	Северная	Центральная	Южная
Волосы (% темных, № 4, 5, 27)	83.40	77.00	57.00
Глаза:			
% светлых	22.20	28.50	25.00
% темных	15.50	16.80	16.30
Профиль спинки носа:			
% вогнутых	21.00	12.50	10.50
% выпуклых	10.00	16.00	17.40
Рост бороды (средний балл)	3.25	3.38	3.45
Густота бровей (средний балл)	2.75	2.57	2.11
Высота переносья (средний балл)	2.39	2.36	2.39
Горизонтальная профилировка (средний балл)	2.57	2.21	2.22
Поперечное сечение носа (средний балл)	2.53	2.45	2.47
Форма лица:			
Квадратное	—	1.20	6.80
Круглое	5.20	13.30	5.50
Прямоугольное	32.00	11.50	9.60
Овальное	52.50	51.00	59.00
Прочие	10.30	23.00	19.10
Наклон лба (средний балл)	2.96	2.96	2.95
Развитие надбровья (средний балл)	1.08	1.11	1.13

родность группы. Вычисление коэфициентов корреляции дает определенное направление связи. Выделяются два комплекса: 1) более длинноголовый, темнопигментированный, узколицый и 2) брахикефальный, умеренно светло пигментированный с более широким лицом.

Если перейти от анализа всей группы в целом к рассмотрению составляющих ее компонентов, то географическое распределение признаков на данной территории приводит к выводу (см. табл. 2), что по сравнению с северной группой центральная группа выше ростом, более брахикефальна, лицо шире, чем у северной группы, пигментация слабее, рост бороды сильнее, а рост бровей ослаблен, нос менее выступающий, горизонтальная профилировка ослаблена, лицо шире и ниже.

Таким образом, в северной группе резче выражены черты понтийского типа, а в центральной — центрально-европейского, хотя ни в том, ни в другом случае нельзя говорить об исключительном преобладании только одного типа. Южная группа также отличается от северной в сторону снижения понтийских черт, но наличие более поздних смешений с переселенцами из Молдовы и Валахии, с одной стороны, и украинцами — с другой, несколько затемняет картину.

Повышение головного указателя в Бессарабии с севера на юг и ослабление пигментации в том же направлении констатируют также материалы Лебцельтера и Некрасовой. Это говорит в пользу того, что выявленные на моем материале комбинации признаков не являются случайными. Хорошим подтверждением реальности существования данных комбинаций явилось бы наличие на соседних территориях групп, характеризуемых отдельно каждым из этих комплексов в чистом виде. Для этого нужно исследовать, как распределяются упомянутые признаки в Румынии и прилежащей к Бессарабии части Украины.

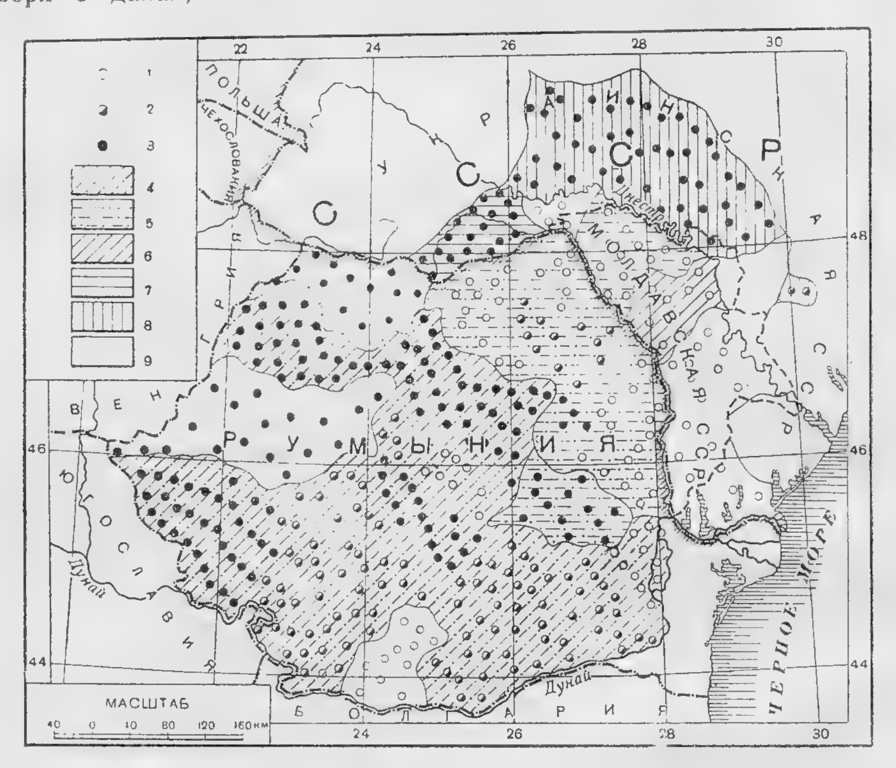
При рассмотрении распределения головного указателя (см. карту) бросается в глаза, что Бессарабия вместе с прилежащими к ней частями Молдовы и Валахии является зоной относительно сильного понижения головного указателя. В прилежащих к Болгарии районах Валахии и на Волыни оно не достигает таких размеров. Примыкающие к Бессарабии районы Подолии и Буковины отличаются особенно высоким указателем. Распределение пигментации показывает, что наиболее темноволосы румыны Валахии и Баната, наиболее светловолосы украинцы Подолии, молдаване южной группы и молдаване Буковины. Бессарабские молдаване являются группой промежуточной и менее пигментированы, чем молдаване румынской Молдовы.

Украинцы в массе более высокорослы, чем румыны, у которых рост в среднем составляет 165—166 см. Бессарабские молдаване в общем выше румын, ниже украинцев и близки к буковинским молдаванам.

Из изложенного ясно, что один из выделенных среди бессарабцев компонентов — брахикефальный, относительно светло пигментированный и высокорослый, локализован среди украинского населения Подолии и молдаван Буковины. Лебцельтер отмечает среди румын в качестве одного из составляющих компонентов норийскую расу — высокорослую, со светлокаштановыми волосами, серыми или зеленоватыми глазами и брахикефальной головой. Этот же тип, по Лебцельтеру, встречается в Болгарии и Югославии, являясь одним из основных компонентов у южных славян. Сложнее обстоит дело со вторым из выделенных элементов — понтийским. Этот элемент в чистом виде нигде на смежных с Бессарабией территориях не встречается, хотя ясно прослеживается в виде примеси к основному типу среди румын. Эта же примесь еще более

ясно выражена среди болгар, где некоторые группы совершенно отчетливо характеризуются сильной пигментацией и долихокефалией.

Первый тип, широко представленный среди бессарабцев и румын и преобладающий на соседних с Бессарабией районах Украины, очевидно, уже очень давно бытует на этой территории. Все древние авторы, говоря о даках, отмечают их светловолосость и высокорослость.

Карта распределения головного указателя и цвета волос среди населения Румынии и Молдавской ССР.

1—головной указатель ниже 82; *2*—82—83.9; *3*—84 и выше; *4*—свыше 90% темных волос; *5*—80—89.9%; *6*—70—79.9%; *7*—69—69.9%; *8*—59.9% и ниже; *9*—неисследованные районы

По данным Питтара и Некрасовой, население горных районов Румынии, где лучше сохранился древний тип, более светло пигментировано, чем население равнин. Две черепа, найденные Морошаном в Измаильском уезде на юге Бессарабии и датируемые им латеном, брахикефальны и очень сходны с брахикефальными латенскими черепами Центральной Европы, которые Чебоксаров связывает с центрально-европейским типом. Второй тип — понтийский, значительная примесь которого встречается среди бессарабцев, румын и особенно болгар, тоже встречается на данной территории издавна. Он же, повидимому, встречается и у части антских племен, а также и в чистом виде, и в примесях у ряда восточно-славянских племен, населявших территорию Украины. Не исключена возможность, что в формировании антропологического типа молдаван принимали участие и другие расовые типы, но об этом пока трудно сказать что-нибудь определенное.

Б. М. ШИЛЛИНГ

ДАГЕСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1946 г.[1]

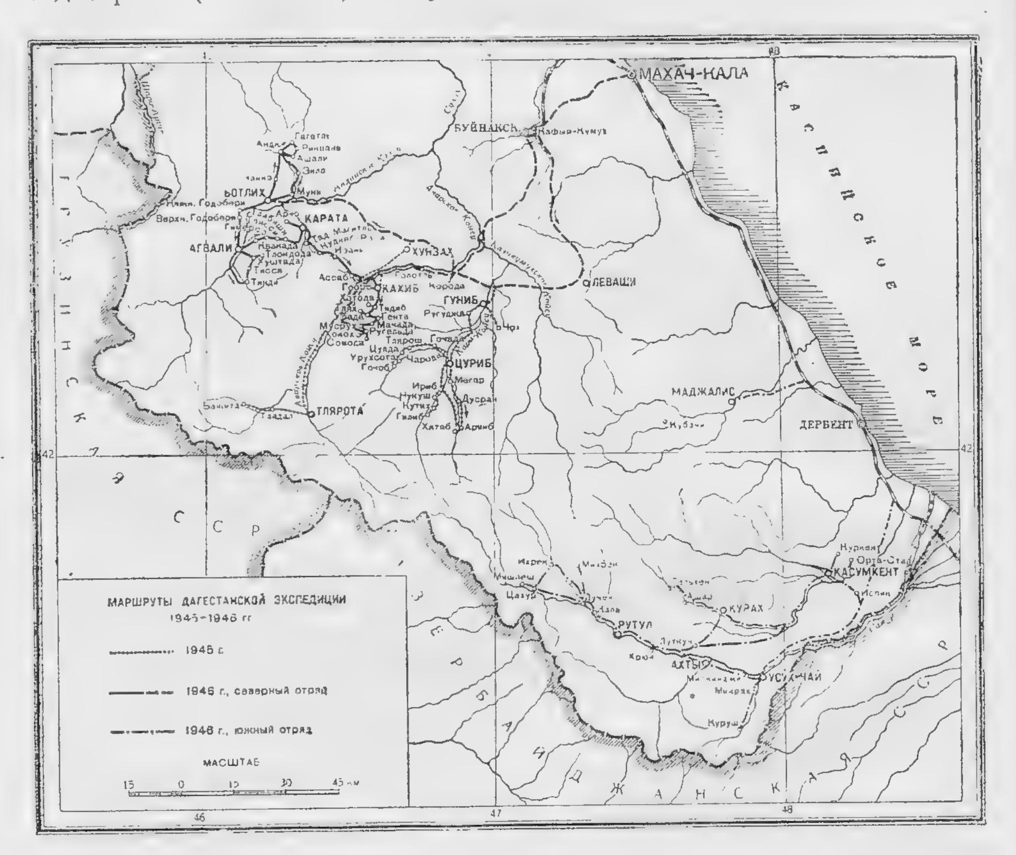
Дагестанская этнографическая экспедиция, организованная Институтом этнографии при участии Московского университета и Академии архитектуры, работает с 1944 г.; поездка 1946 г.— третья по счету. Объектом исследования являются два наиболее крупных по численности народа Дагестана — авары (167 тысяч) и лезгины (180 тысяч), кроме того, родственные им малые народности (из которых десять принадлежат к аварской группе и два — к лезгинской), и, наконец, горские евреи. Естественно, что не по всем этим народностям удалось провести исследование одинаково полно: по аварскому комплексу работа близка к завершению, по лезгинскому — лишь началась. Маршруты экспедиции указаны на прилагаемой карте.

Этнографическая тематика, которой занимались члены экспедиции, касалась, главным образом, отдельных сторон материальной или духовной культуры той или другой народности или даже ее части. Насколько представлялось возможным, были созданы стационарные условия работы. Общее руководство экспедицией, как и раньше, принадлежало автору этих строк, который непосредственную работу вел в северном отряде. В этом же отряде экспедиции, кроме того, работали архитектор Г. Я. Мовчан, два его помощника — студенты Московского архитектурного института О. Лепарский и Г. Гаврилов, студентки Московского университета Г. Сергеева, Н. Борисова, В. Толокина, Л. Бурьян, окончившие университет этнографы Ю. Иванова, Д. Лурье, Р. Сницер, научный сотрудник кинокабинета при Московском университете Я. А. Федоров, при нем кинооператор М. Котельников с помощником.

Имея отправной базой аваров, которыми мы занимались и в прошлые годы, северный отряд экспедиции в 1946 г. еще раз направил основное внимание на ту удивительную часть Западного Дагестана (входящую в Аварию в широком понимании этого наименования), которая по многоязычию населения на столь небольшом пространстве занимает едва ли не первое место в Союзе (районы Ботлихский, Цумадинский, Ахвахский, Кахибский). Мало изученные языки этих народностей лингвистика, как известно, объединяет, вместе с аварским, в аваро-андоцезскую группу восточной ветви кавказских яфетических языков; из них на долю так называемой андийской подгруппы приходится восемь. Чрезвычайно трудно было объехать эти восемь народностей и ориенти-

[1] Из доклада, прочитанного 13 февраля 1947 г. на научной сессии Института этнографии, посвященной итогам экспедиционных работ 1946 г.

роваться в характерных чертах культуры каждой из них. Наиболее крупной народностью являются андии, живущие в 8 селениях и насчитывающие до 6 тысяч человек (т. е. примерно столько же, сколько хевсуры, о которых существует значительная литература). Остальные народности еще меньше по численности. Последними в их ряду стоят годоберины (1.5 тысячи), живущие в двух аулах.

Схематическая карта маршрутов Дагестанской экспедиции в 1945 и 1946 гг.

1 – маршрут 1945 г.; *2* —маршрут 1946 г., северный отряд; *3*—маршрут 1946 г., южный отряд

Надо представить себе отдаленную от городов горную зону, длинный поперечник которой не превышает 60—70 км, с общим количеством жителей около 30 тысяч. Многоязычие этих 30 тысяч усугубляется тем, что восемь их языков делятся на множество говоров. Речевые перегородки между аулами (разбросанными по высоким плато, склонам и котловинам, большей частью в удалении от главной речной артерии) издавна преодолеваются знанием аварского — языка общих сношений, ныне совершенно органически — языка письменности, литературы и школьного преподавания.

Меня давно интересовал вопрос, в чем заключается, помимо языковых признаков, сущность непомерной дробности населения Западного Дагестана, какие этнографические особенности имеют отдельные народы, каковы их взаимоотношения. После поездок 1945 и 1946 гг. многое

стало ясным. Все эти народы в этнографическом отношении оказываются чрезвычайно близкими между собой и с соседними группами аваров. Этнографическая дробность не столь велика, как языковая. Можно говорить о единой в основном аваро-андо-цезской культуре, хотя и обладающей местными вариантами. Исследуемые народности не достигли завершенности процесса национальной консолидации. Сознание общности развивалось скорее по линии общеаварской. Характерно, что сами местные разноязычные жители считают себя аварами и говорят: «наш язык аварский, но есть у нас и другие языки — аульные». Фиксировать местные самоназвания и собирать этнонимические термины оказалось труднее, чем можно было предположить. Это не помешало, однако, записать самоназвания и этнонимику, используемую для наименования соседей, в среде каждой из восьми народностей андийской подгруппы, в результате чего получается таблица из 8 параллельных столбцов, содержащая до 120 терминов, пополняющая и исправляющая то, что имеется по этому вопросу в литературе. Сейчас трудно еще говорить о выводах, которые можно будет извлечь из таблицы, но ее практическое значение при написании монографий для тома «Народы Кавказа» уже сказывается.

Для понимания этнографии изучаемой части Дагестана необходимо остановиться на вопросе о характере замкнутости и изоляции. Бассейн р. Андийское Койсу, которым определяется территория обитания малых андо-цезских народностей,— географический тупик, обращенный своей открытой (восточной) стороной к собственно Аварии. С других сторон он отделяется хребтами от Грузии, Грозненской области и северных окраин Дагестана. Наибольший удельный вес имеет граница с Грозненской областью, которая сама по себе в прошлом представляла собой замкнутую отсталую область центральных нагорий Северного Кавказа. Вполне понятными кажутся именно здесь, в этом «тупике», рельеф которого к тому же сильно расчленен, застойность, дробность речевых перегородок, наличие сугубой многоязычности и существование множества чисто этнографических разновидностей. Вместе с тем дробность, изоляция и замкнутость удивительным образом сочетаются с основной общностью и связями. Это противоречие в конкретном историческом процессе следует представлять себе результатом не только конвергенции (вследствие которой одинаковые стадии и условия порождают сходные результаты), но и генетической родственности людских групп, их перемещений и инфильтраций — близких и далеких. Интересно, что ту же картину представляет культура аваров. Казалось бы, что это крупный и целый народ, изучение которого не требует особенно дифференцированного подхода. На деле оказывается иное. Совокупность аварских групп можно сопоставить с андо-цезской многоязычной совокупностью. Разница лишь та, что в аварском комплексе менее ярко выражена (но все же сказывается диалектами и говорами) языковая дробность. Получается, что в некоторых случаях этнографическая общность между определенной аварской группой и смежной андийской или цезской народностью ближе, чем общность этой же аварской группы с другой аварской, но расположенной чересполосно.

Наблюдения над андо-цезскими народами позволяют установить их группировку, не совпадающую с принятой лингвистической классификацией и менее, чем она, дробную. В настоящий момент (поскольку собранные материалы в достаточной мере еще не проанализированы)

можно ориентировочно наметить следующую этнографическую классификацию, нарушающую строгие лингвистические грани между подгруппами аварской, андийской и цезской: 1) андии, сближающиеся с соседними аварами Ботлихского и Гумбетовского районов; 2) ботлихцы — жители оазиса; 3) тиндалы и багулалы (как объединяющаяся среда); 4) годоберины, чамалалы и хваршины (как элемент промежуточный); 5) каратины и ахвахи, как объединяющаяся среда, ахвахский элемент которой вместе с тем сближается с аварами Кахибского района и более отдаленными цезами; 6) бежитины и хунзалы, как объединяющаяся среда, сближающаяся с юго-западными частями аваров Тляротинского района.

Своеобразное сочетание изолированности и общности на территории Западного Дагестана чрезвычайно усложняет вопрос об этногенезе народов андийской подгруппы. В качестве примера приведу выдержки из составленной мной для многотомника статьи «Андии»[1].

«Становится очевидным, что современных андиев нельзя рассматривать, как однородную нетронутую этническую группу. В ее составе усматривается ряд перемешавшихся в разное время и спаявшихся в одно целое элементов, главным образом, собственно андийских и соседних аварских. Именно андийско-аварская общность кажется нам наиболее ясно выраженной и представляющей собой основной слой аборигенов. Из аварских элементов этого комплекса надо назвать следующие: 1) ближайшие авары Ботлихского района, входившие в состав общества Технуцал; 2) авары общества Бактли (восточные соседи); 3) авары общества Накбак (примыкающие к Бактли с севера); 4) авары Хунзахского плато (соседящие с юго-востока).

Некоторые из перечисленных аварских элементов, повидимому, или потеснили андиев на запад, или сами являются обаварившимися андиями. Основной слой усложняется инфильтрацией — проникновением с севера чеченцев, кумыков, и может быть, монголов, а позже ногайцев; с юга — отдельных мелких вкраплений со стороны Ахваха, Караты, Ботлиха и, наконец, что проявляется особенно ясно,— из Восточной Грузии.

Особого пояснения требует вопрос об элементах еврейских и армянских, о которых очень определенно говорят этногонические предания андиев. Этнографические наблюдения показывают, что так называемые горские татоязычные евреи были когда-то более многочисленным народом, обитавшим не только в Прикаспийской зоне, но и в нагорных местах, вплоть до западной половины Дагестана. В Аварии, например, популярные предания и остатки памятников говорят о еврейских элементах в ряде населенных пунктов (Араканы, квартал Шотота в Хунзахе, Ругуджа, Корода, Салта). Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться, что совокупность перечисленных точек отнюдь не создает впечатления чего-либо случайного и беспорядочно разбросанного. Она как бы намечает полосу еврейских элементов, некогда врезавшуюся в направлении с востока на запад с прибрежной равнины в глубину нагорья, пересекавшую пространства Восточной и Центральной Аварии и имевшую последним своим звеном на западе андийское селение Муни. В свете такого сопоставления становятся понятными андийские сказания о еврейском происхождении Муни и о проникновении еврейских элементов отсюда на север. Представления мунийцев о трех

[1] Термин «андии» в узком смысле — имя одного народа, в широком — принятое лингвистикой наименование восьми народов (так называемая андийская подгруппа).

старейших селениях Дагестана, из которых два (Муни и Корода) оказываются частями намечаемого нами «еврейского клина», могут говорить лишь о давности процесса, когда этот клин был ассимилирован окружавшей его аваро-андийской средой.

Менее ясен вопрос об армянских элементах в происхождении андиев. Наблюдения, относящиеся к более обширной территории, однако, свидетельствуют, что в пределах аваро-андийской области некогда могли действительно существовать отдельные вкрапления

1. Сел. Гагатль. Андии. Ребцну—деревянное пахотное орудие с железным лемехом и с «ушами» на пяте

армян, преимущественно в крупных населенных пунктах, как, например, Анди или Хунзах и Чох. В этом последнем имеются фамильные наименования, объясняющиеся из армянского.

Общий вывод по этногенезу андиев, в краткой формулировке, неизбежно схематичной и не отражающей многообразия действительности, сводится к следующему. Нами установлено: 1) наличие в качестве основы и наиболее раннего этнического слоя андийско-аварской базы (с частичной ассимиляцией андийских элементов соседними, аварскими); 2) существование наряду с этим слоем некоторых весьма древних горско-еврейских элементов, первоначально на южном краю андийской области, затем распространившихся отсюда к северу и впоследствии ассимилированных; 3) наличие разновременных конкретно определяющихся инфильтраций как из соседних местностей, так и из

более отдаленных, включая Юго-Восточный Дагестан и Восточное Закавказье вместе с Кахетией.

Из приведенного видно, насколько сложна картина этнообразовательного процесса одного из народо́в Западного Дагестана (в данном случае андиев) и как действительная замкнутость старого обихода андиев сочетается с началами, казалось бы, ей противоречащими.

В существующей литературе этнографический материал по интересующим нас народностям Западного Дагестана до крайности скуден. Когда год назад явилась необходимость составить описание этих народов для многотомника, пришлось ограничиться общей сводной статьей со сведениями лишь справочного характера. В настоящий момент явилась возможность по каждому народу написать небольшую монографию.

2. Сел. Тинди. Тиндалы. Медная кованая утварь местной работы: большой водоносный кувшин (высота 60 см); сосуд для молока, он же подойник (буралъа) (высота 30 см); уполовник (кӏвагьа) (длина рукоятки 40 см, глубина ковша 7 см, диаметр 16 см); цедилка для молока (инсатӏано) (общая длина 40 см, глубина 12 см). Сфотографировано на крыше жилого дома

Остановлюсь кратко на некоторых других собранных материалах:

1. В скотоводстве, являющемся в некоторых местах ведущей отраслью хозяйства, старая традиция представляла замкнутую пастбищно-пастушескую систему, державшую поголовье на одном среднем уровне и не дававшую перспектив для развития.

2. В земледелии, в оазисных полосах, старая традиция устанавливает большое значение садоводства и виноградарства, а для доисламской поры — виноделия. Пахотное орудие ребццу до сих пор используется колхозами на горных полях, расчлененных на участки по конфигурации склона, вследствие чего современные сельскохозяйственные орудия, в том числе и тракторы, здесь неприменимы.

3. Из кустарных и домашних производств отмечено, что раньше в пределах Ботлихского оазиса существовал крупный гончарный центр; повсюду велась обработка дерева, камня, кожи и шерсти; в прошлом ахвахские женщины изготовляли водоносные сосуды из воска, смешанного с толченым древесным углем и рубленым волосом (факт, параллелей которому не могу привести); во многих местах были развиты златокузнечество и обработка железа и меди (рис. 2).

4. Изучение средств передвижения позволило установить применение волокуш (рис. 3), используемых при перевозках по горным бездорожным участкам, а для прошлого — и повозок со сплошным колесом двух типов.

3. Сел. Гагатль. Андии. Волокуша (чанагъи) на пару быков (длина 2.2 м, ширина 1.3 м, высота 0.4 м). Служит для доставки хлеба с полей, сена с покосов, для перевозки в ауле строительных материалов и других тяжестей.

4. Сел. Анди. Андии. Женский головной убор (чухтlо), носимый 20–25 лет назад большинством женщин. В настоящее время не употребляется. Передняя часть убора — род туго набитого шерстью чепца (ширина 35 см, высота 20 см), крытого лиловым и красным шелком

5. Сел. Ботлих. Ботлихцы. Женский головной убор (кlамабалъи кlашда, т. е. рогатый убор), в настоящее время употребляемый только старухами; лет 20 — 25 назад носился почти всеми женщинами. Отличается от андийского (см. рис. 4) меньшей шириной передней части и ее более угловатыми очертаниями. Поверх кlашда виден головной платок (кlлази)

5. При изучении национальной одежды наиболее примечательными оказались тиндийские, багулальские, ботлихские, годоберинские, андийские и другие варианты женского головного убора (связанные с племенными различиями и с доисламской религией) (рис. 4—7); собраны также сведения о давно вышедшей из употребления мужской и женской одежде из овчины, надевавшейся прямо на тело и отражавшей преобладание скотоводческого хозяйства.

6. При исследовании семейного и общественного быта записаны варианты свадьбы, сведения по родовому строю. Выяснено, что у багулалов существовали в прошлом организации холостых мужчин, живших в особом общественном мужском доме и ведавших военными делами,— институт, близкий к тому, который раньше был зафиксирован мной в Кубачах и который представляет собой форму типа так называемых мужских союзов. У тех же багулалов весьма интересны сведения об истории межтухумных взаимоотношений. Нынешние аулы первоначально представляли собой отдельные разбросанные «родовые поселки», управлявшиеся «ханами», т. е. выделившимися старейшинами сильной ветви того или иного тухума. Генеалогия этих «ханов» и предания возводят память о них ко времени, когда ислам здесь лишь завоевывал положение, что может относиться к периоду от XIII до XV в. (в разных местах по-разному).

6. Сел. Тинди. Тиндалы. Женский головной убор (чухтlар). Передняя часть убора—род гладкого чепца с большими серебряными височными кольцами (килик) (диаметр 12×14 см). Этот убор употребляется до настоящего времени. На снимке видны также нагрудное украшение и серьги, изготовленные местным мастером

7. Сел. Хуштада, Багулалы. Серебряная серьга (баш) с изображением петуха (хlелеко) и тремя привесками, воспроизводящими изображение кисти руки (лела) (диаметр 3 см, общая длина 5 см). Работа мастера-каратина из с. Арчо

7. По вопросу о религии собраны материалы по доисламским верованиям, дополняющие данные предыдущих поездок (культ священ-

8. Сел. Кванада. Багулалы. Деревянный двухместный диван (кьошда) с резьбой

9. Сел. Корода. Авары. Резной камень (со сложным орнаментом) в кладке мечети

ных рощ и деревьев, праздник весны, апотропейный смысл знака креста и др.). В некоторых из этих элементов Западный Дагестан обнаруживает ряд фактов, зафиксированных в литературе для абхазов, адыгов, горцев Грузии, осетин и других. По Дагестану этот слой освещен не был. В отношении почитания священных рощ и деревьев наблюдается также большая общность Западного Дагестана с Азербайджаном.

10. Сел. Тинди. Тиндалы. Женщина с прялкой (гьума) на крыше жилого дома

8. По народному изобразительному искусству собран большой материал, пополняющий сборы предыдущих лет. Говорить о нем сейчас не представляется возможным. Укажу лишь на то, что мы встречаем здесь:

а) архаическую петрографику с охотничьими и боевыми сценами, изображениями солярных знаков, крестов, спиралей, лабиринта, знака руки, решеток, зубцов и других простейших геометрических фигур;

б) в резьбе по дереву — стиль примитива, смыкающийся с некоторыми элементами петрографики (рис. 8).

в) тиндийско-багулальские рогатые деревянные сосуды, привлекшие в 1927 г. внимание А. А. Миллера, который сопоставлял их с керамикой кобанской культуры из раскопок в Осетии;

г) развитую и сложную, высокого мастерства, орнаментацию на дереве и камне в виде плетенок, построенную с геометрической точностью (рис. 9);

д) развитой орнамент растительного характера, родственный мотивам кубачинского серебра и соприкасающийся с искусством стран Ближнего Востока.

Фольклором мы специально не занимались. Однако было выяснено наличие у ряда андийских народов песен на родном языке, вопреки установившемуся мнению, что песня у них исключительно аварская.

При сборе материалов по любому вопросу соблюдался принцип историчности и фиксировалось новое в быту и культуре.

В качестве вещественных итогов по северному отряду в целом мы имеем, кроме полевых дневников, 100 этнографических зарисовок по материальной культуре, 20 эстампажей, 600 фотографий, объемистый портфель материалов по архитектурному обмеру (принадлежащий Г. Я. Мовчану), небольшую музейную коллекцию по резному дереву и амулетам и небольшой кинофильм (по Ботлихскому району).

Г. Я. МОВЧАН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ О ТИПОЛОГИИ ЖИЛИЩА НАРОДОВ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА[1]

Народная архитектура Дагестана не изучена.[2] Это обстоятельство побудило Академию архитектуры СССР принять приглашение Института этнографии АН участвовать в совместной экспедиции в Нагорный Дагестан, руководимой Е. М. Шиллингом. Задача архитектурного отряда состояла в обследовании памятников народной архитектуры и, в первую очередь, жилища. Попутно с жилищем фиксировались и другие объекты, имеющие художественный или бытовой интерес: башни и другие военнооборонительные сооружения, мечети, надгробия, общественные печи, мельницы, а также мебель, утварь, орнамент и петроглифы. Объекты выбирались вне каких-либо хронологических границ. Внимание было уделено как древним памятникам, так и относящимся к новому времени, вплоть до наших дней.

За две летние экспедиции 1945 и 1946 гг. обследование было проведено в Гунибском, Чародинском, Кахибском, Ахвахском, Цумадинском, Ботлихском и Буйнакском районах Дагестанской АССР, захватив, таким образом, значительную часть территории, населенной аварами, территорию арчин и северо-западную горную часть Дагестана, населенную мелкими народностями андийской группы — андиями, ботлихцами, годоберинами, чамалалами, багулалами, тиндалами, каратинами и ахвахами, а также в небольшой части, территорию кумыков.

В этой области, не изученной еще со стороны архитектуры, первой задачей нашего обследования должно было явиться накопление первоначального фактического материала. Поэтому метод самой фиксации памятников пришлось принять достаточно эскизный, пожертвовав в пользу широты охвата подробностью и тщательностью обмеров.

---

[1] Доложено на сессии Института этнографии 13 февраля 1947 г.

[2] Насколько известно автору, горные районы Дагестана были обследованы из архитекторов только Н. Б. Баклановым в 1925 г. Его материалы частично опубликованы в 1935 г. в работе «Архитектурные памятники Дагестана». Народное жилище в ней представлено единственным объектом — так называемым «домом каменщика» в аварском селении Корода. В те же годы по Нагорному Дагестану много путешествовал художник-академик Е. Е. Лансере, оставивший много весьма ценных архитектурных зарисовок, разбросанных, однако, по различным частным и государственным собраниям. Работа А. С. Башкирова «Искусство Дагестана» касается архитектуры лишь побочно. Сообщения авторов-неархитекторов об архитектуре народного жилища весьма кратки, неясны. Материал обычно лишен иллюстраций.

В большинстве случаев зарисовывалось в форме набросков только то, что представляло интерес в данном памятнике: схемы планов по этажам с основными размерами и набросок фасада, когда он казался заслуживающим этого. Кроме того, памятник фотографировался. Более детально фиксировались лишь памятники, наиболее полно сохранившиеся из древних, наиболее типичные или имеющие особые художественные достоинства. В этих случаях обмер производился более полно и тщательно, зарисовывались и фотографировались детали и т. п. Такой метод позволил проводить в селении короткое время — от 5—6 дней до нескольких часов, в зависимости от наличия в нем интересных объектов, и, не отрываясь от остальной экспедиции, обследовать за 3 с небольшим месяца, проведенных в обеих экспедициях в полевых условиях, 43 селения, зарисовать до 200 объектов и сделать около 700 фотоснимков.

Архитектурная группа состояла из архитектора, автора этой заметки, и его помощника. Кооперация в работе с этнографической группой состояла в согласованном выборе общих объектов обследования, где на нашу долю выпадала задача фиксации, так сказать, физической стороны жилища, а на долю этнографа (обычно, руководителя экспедиции Е. М. Шиллинга) — составление легенды-описания исторической, бытовой и других сторон того же жилища.

Обследование вскрыло наличие чрезвычайно богатого архитектурного материала в области народного жилища почти во всех районах и большую архитектурную одаренность народов Дагестана и в прошлом, и в наше время. Если в иных районах или селениях не сохранилось памятников жилой архитектуры древности, часто именно здесь можно было встретить жилища нового времени выдающегося архитектурного качества.

Темой настоящей статьи является один из вопросов, связанных с добытыми материалами, а именно вопрос о морфологических различиях старого жилища в пределах обследованной территории на основе сохранившихся кое-где образцов жилища, относящегося или восходящего по своим свойствам к эпохе, предшествовавшей русскому завоеванию. Русское завоевание связано с коренным и быстрым видоизменением форм горской жилой архитектуры. Эти новые формы не рассматриваются в настоящей заметке.

На небольшой территории, протяженностью не более 100 км, обнаружено чрезвычайное разнообразие композиций жилища. Многочисленные варианты зафиксированы как в структуре основного элемента жилища — собственно жилого помещения (в древнейших образцах повсеместно однокамерного, за исключением одного описанного далее типа с двумя одинаковыми жилыми камерами в двух этажах, друг над другом), так и, в особенности, в компоновке жилища в соединении с подсобными элементами (службами). В пределах одной народности и даже одного селения часто можно было наблюдать большую пестроту композиций. Вследствие трудности в таких условиях нащупать определяющие каждую территорию черты, автор просит предлагаемые заметки считать не окончательными формулировками, а лишь первыми непосредственными впечатлениями.

1. От старой жилой архитектуры андиев (обследованы селения Анди, Гагатль, Риквани, Ашали, Чанко, Зило и Муни) сохранилось очень мало памятников и то, главным образом, в отдаленных и бедных

селениях (Чанко, Риквани, Ашали). Можно все-таки притти к заключению, что это преимущественно одноэтажные дома с жилым помещением, перекрытие которого покоится на деревянных столбах, расположенных в три ряда — возле продольных стен и посредине, со срединным очагом у среднего столба,[1] без окон, с дымовым отверстием в крыше. Земляной пол помещения заглублен на 50—70 см ниже уровня земли, так что дом является полуземлянкой. С фасада к жилому помещению примыкает галлерея с навесом на деревянных столбах, тоже заглубленная. В торце галлереи — летний пристенный очаг.

Службы (хлев, сеновал и пр.) расположены в примыкающих одноэтажных же строениях со входами из небольшого двора. Усадьба огорожена стеной, сложенной, как дом и службы, из камня, с большим арочным входным порталом (табл. I, рис. 1, 2).

Несмотря на архаизм самого типа жилого помещения, сохранившиеся образцы принадлежат к недавнему времени: дом уже разделен на комнаты, деревянные элементы измельчали. Найденные экземпляры примитивны по архитектуре. Есть основания предполагать, что лучшие образцы архитектуры прошлого просто не сохранились: район подвергся катастрофическому разрушению во время русского завоевания. Качество же жилищ новой эпохи указывает на распространение высоких архитектурных традиций.

2. К андийскому типу ближе всего примыкает жилище каратин (обследованы селения Карата и Арчо). Здесь господствующий тип жилища виден отчетливо в подавляющем количестве образцов. Это такое же низкое одноэтажное жилище, выходящее на фасад деревянной галлереей. Однако жилое помещение не заглублено в землю. Под ним, в подвале, часто целиком ниже уровня земли, устраиваются хлева, освещаемые через продухи во дворе перед галлереей. Усадьбы, огороженной стеной, у каратин нет (табл. I, рис. 3, 4, 5).

3. Жилище ботлихцев (обследовано с. Ботлих) не сохранилось в древних образцах. Однако старые строительные традиции, отличные от предыдущих и, видимо, свойственные ботлихцам издавна, можно видеть по перешедшим в современность приемам. Это преимущественно двухэтажная структура по распространенной в Дагестане схеме: хлев (первый этаж) — жилье (второй этаж), а также употребление выносных, на консольных балках, крытых крышей деревянных балконов во всю длину фасада, вместо обычных, углубленных в тело здания, лоджий или галлерей (табл. I, рис. 6). Распространенными особенностями ботлихского жилища являются также крытые плоской крышей-террасой дворы, а также богатые, отдельно стоящие порталы, отмечающие вход на участок.

4. Совершенно непохоже на предыдущие жилище тиндалов (обследованы селения Тинди и Тисси), зафиксированное в достаточном количестве старых образцов прекрасного качества. Это громадные, высокие каменные блоки с глухими стенами и массивными спаренными окнами, без лоджий и галлерей, обычно в три этажа: хлев — сеновал — жилье.

Жилое помещение представляет собой большой зал вытянутых вдоль фасада пропорций. Он имеет особенность, имеющую аналогию с далее описанным жилищем Гидатля, а также отдаленное сходство с жилищами некоторых других народностей Кавказа, например, сван-

[1] Так расположен очаг во всех описанных далее типах.

скими: вдоль задней стены, противоположной окнам, тянется массивная деревянная перегородка, аккуратно срубленная из горизонтальных пластин. Для предохранения конструкции от выпучивания на большой длине и придания ей устойчивости она перерублена, обычно в трех местах, короткими поперечными стенками, тоже из горизонтальных пластин, соединенных с перегородкой вполдерева. Эти поперечины, подобные русским коротышам, заканчиваются под потолком своеобразными, напоминающими клювы, выступами. Перегородка, как и столбы андийских или каратинских домов, является основной конструкцией дома. На ней покоится все перекрытие. В перегородке проделаны одна или две двери. Узкий проход за нею не разделен на части.

Все службы в таком доме включены в один объем с жилым помещением. Дворов или усадеб нет совсем (табл. II, рис. 1, 2, 3, 4).

5. Старые жилища в багулальских аулах, лежащих в долине Андийского Койсу (обследованы селения Хуштада, Тлондода, Кванада и Гимерсо), показывают распространение подобной же основной жилой камеры, что и у тиндалов, находящейся, однако, в совершенно других условиях. Вместо расположения ее в верхнем этаже большого блока, объединяющего все элементы хозяйства, она у багулалов поставлена на землю и даже глубоко врыта в нее. При низком одноэтажном доме нет никаких служб. Хлева и сеновалы вынесены в особые аульные кварталы.

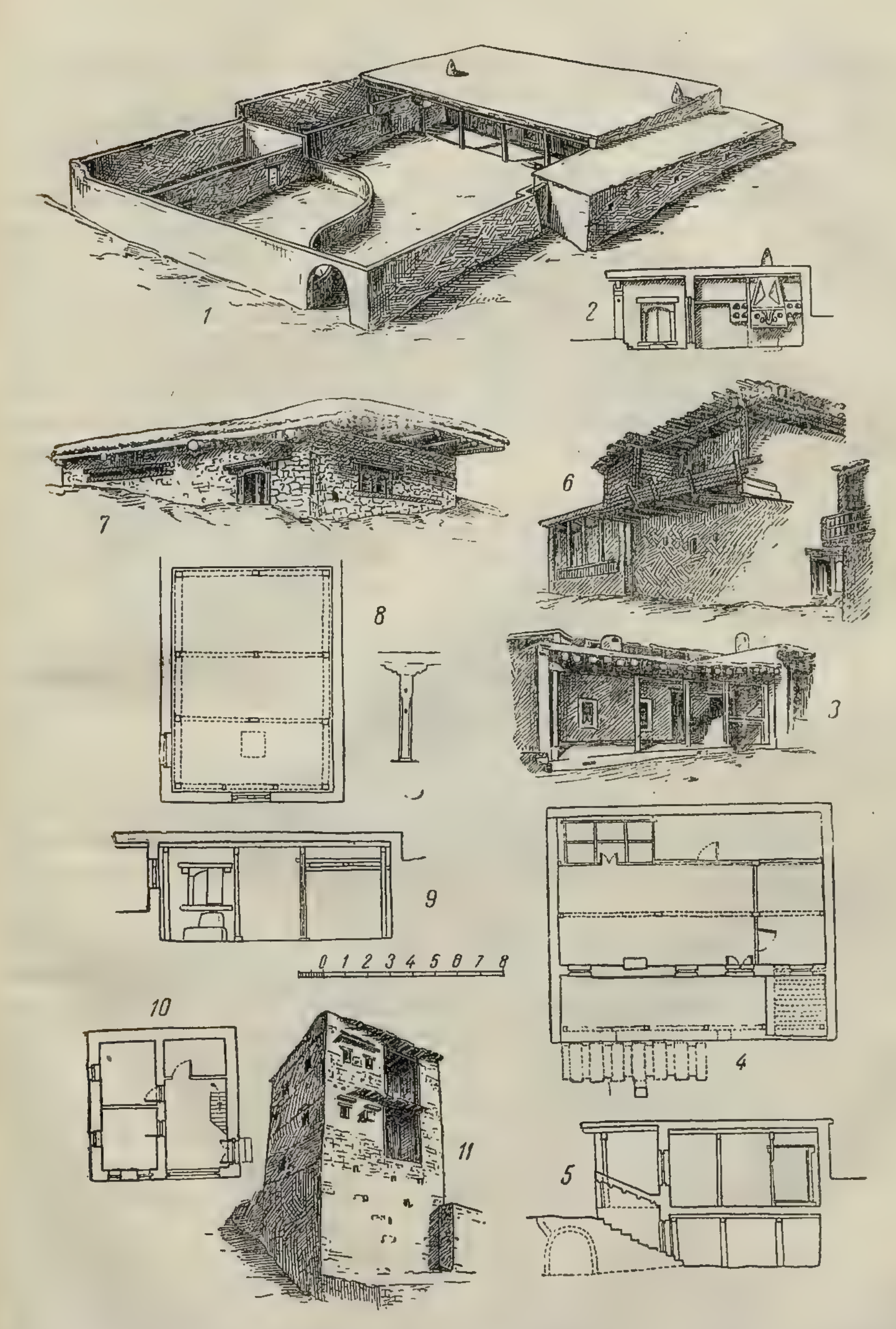
6. Старые жилища годоберин (обследованы селения Верхнее и Нижнее Годобери) сохранились тоже в достаточном количестве. Это, как и предыдущие, одноэтажные и заглубленные в землю сооружения, выходящие на фасад глухой стеной со спаренными «тиндальскими» окнами. Планировка жилой камеры, однако, существенно разнится от тиндало-багулальской и скорее похожа на андо-каратинскую. В ней нет перегородки, а имеются столбы в два ряда, делящие помещение (квадратное в плане, а не вытянутое) на три поперечных нефа. В первом — инвентарь и топливо, в главном — очаг и диван. Третий пролет, повидимому, был занят деревянными амбарами (г'инкушами), лицевая сторона которых, совместно со столбами, образовала нечто вроде перегородки в жилищах тиндалов или багулалов.

Хлева у годоберин расположены отдельно, но сеновалы находятся почти всегда в примыкающих к жилью деревянных сооружениях. Открытая площадка перед домом, служащая двором, у годоберин не окружается стеной (табл. I, рис. 7, 8, 9).

Можно думать, что багулальский и, особенно, годоберинский жилой дом представляет собой продукт диффузии двух различных линий архитектурного развития, представленных жилищем тиндалов, с одной стороны, и андо-каратин — с другой.

7. Старинного жилища ахвахов (обследованы селения Кудияб-Росо и Изани) не удалось обнаружить в достаточной сохранности. Единственный прекрасный старый дом в ауле Кудияб-Росо внутри переделан. Это — отдельно стоящий дом-башня компактного квадратного плана в три этажа: хлева — жилье — жилье. Следов перегородок, подобных тиндало-багулальским, нет. Расположение столбов неизвестно. Тем не менее ясно, что здесь мы имеем дело с совершенно новым морфологически типом жилища (табл. I, рис. 10 11).

Характер ахвахского селения резко отличен от багулальских и соседних каратинских; нет галлерей, как нет в старых домах снаружи

Жилище андиев. Дом Ширамазанова в с. Анди: *1* — вид усадьбы; *2* — поперечный разрез дома; показан камин; планировка дома (многокомнатная) не показана. *Жилище каратин.* Старый дом в с. Карата: *3*—вид дома; *4*— план жилого (первого) этажа; пунктиром показана лестница в подвал (хлев) и находящийся в подвале перед галлереей телятник с верхним светом; *5* — поперечный разрез по лестнице в подвал; телятник сводчатой конструкции показан пунктиром. *Жилище ботлихцев:* *6* — вид старого дома в с. Ботлих с закромом (г,инкуш) на балконе. *Жилище годоберин.* Дом Ибрагимова в с. Верхн. Годобери: *7*—вид дома; *8* — план дома и главный столб у очага; *9* — поперечный разрез. *Жилище ахвахов.* Дом-башня в с. Кудияб-Росс: *10* — план этажа (перегородки позднейшие); *11* — вид дома (лоджия, вероятно, позднейшая)

дерева вообще. Преобладают массивы каменных стен с небольшими окнами, как в Тинди, но окна другого типа.

На ахвахские аулы похожи соседние с ними багулальские, которые по отношению к р. Андийское Койсу находятся за перевалом (обследованы селения Тлисси и Тлибиши).

8. Жилище арчин (обследовано с. Арчиб с семью прилегающими хуторами) имеет жилую камеру совсем другого устройства. Она подразделена на два, а иногда даже на три отсека поперечными простенками, выступающими от задней стены помещения до его середины. По концам простенков уложен продольный прогон, поддерживающий поперечные балки перекрытия. Между последними, вместо повсюду распространенного наката из жердей, проложены шиферные плиты, несущие кровлю. Таким образом, поперечные каменные стенки заменяют собой деревянные столбы других типов. Один из отсеков используется как жилая комната, другой — против входа — служит сенями и кладовой.

Жилье находится во втором этаже, внизу скот. Лоджий и галлерей нет. Наиболее старые из сохранившихся объектов не имеют окон и освещаются только через небольшое отверстие в крыше или через продух в стене под самым карнизом. Есть, впрочем, и старые окна треугольной формы (табл. II, рис. 8, 9).

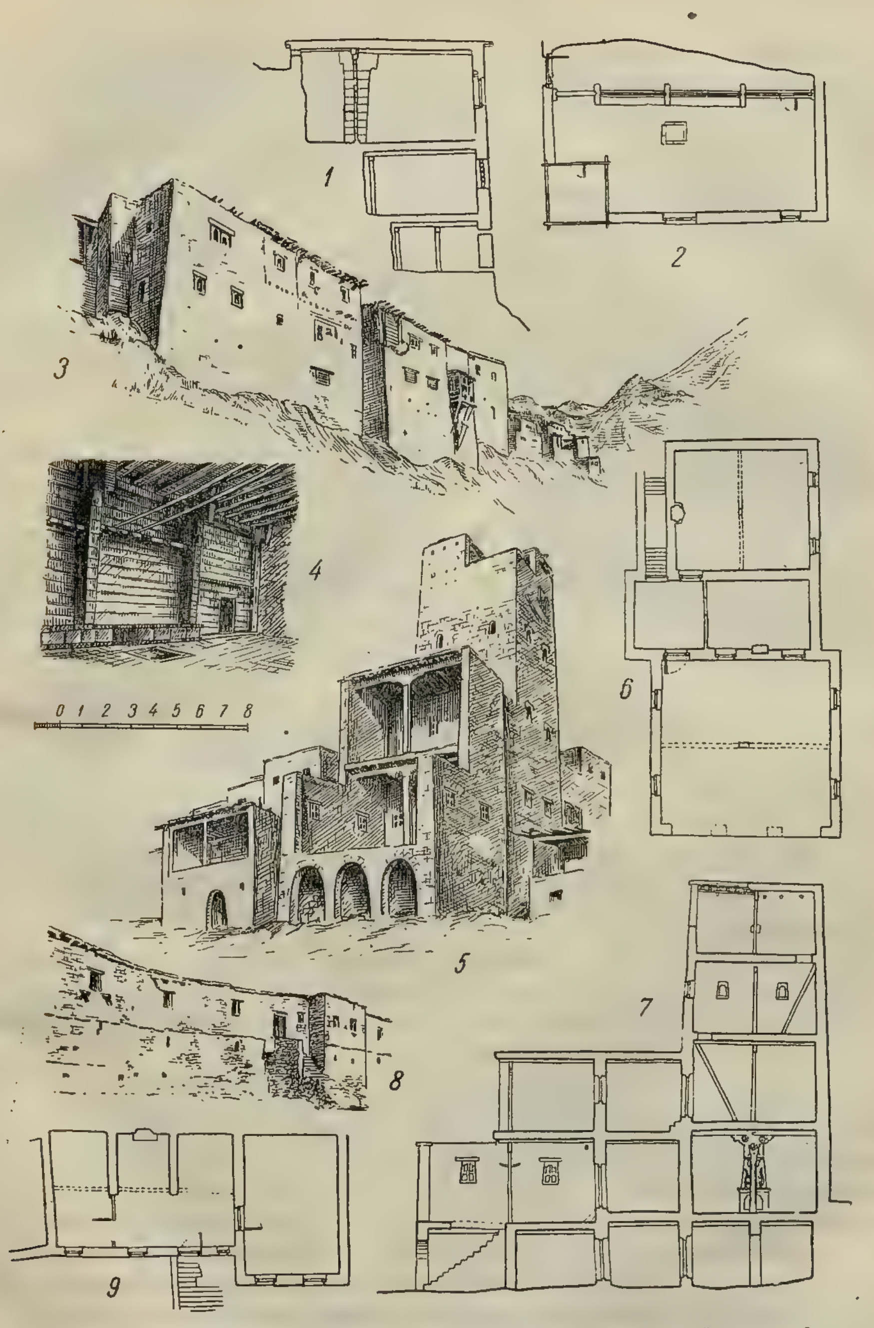
Любопытной особенностью жилища арчин, общераспространенной прежде (по словам местных жителей), является устройство подполья между первым и вторым этажами. Подполье имеет до 1 м высоты и служит помещением для спанья зимой. Тепло от животных, проходя через щели подполья, обогревает последнее. В полу верхнего жилого помещения сделан люк, через который и пролезают в подполье.

9. Из общей массы довольно большого материала по старому жилищу аваров могут быть выделены два яснее других выступающих типа, сильно разнящихся друг от друга. Каждый из них, в свою очередь, распадается на несколько вариантов.

Первый тип в собранном нами материале представлен целой коллекцией прекрасно сохранившихся памятников, совершенно исключительных по художественной полноте и силе. Этот тип мы условно назовем гидатлинским, так как в Гидатле нами были найдены наиболее развитые и лучше всего сохранившиеся его образцы. Он зафиксирован, не считая аулов Гидатля (обследованы селения Тидиб, Хотода, Урада, Тлях, Гента и Мачада), на территориях соседних вольных обществ:[1] Келеб (обследованы селения Ругельда, Мусрух, Сомода и Хонох), Тилитль (селения Кахиб, Бакдаб, Росотль и Гоор) и Каррах (селения Гочоб, Урухсота, Цулда, Тлярош и Гочада) и в с. Ассаб. Следовательно, этот тип жилища имеет, сравнительно с другими, большой ареал.

Гидатлинское жилище по планировке основного жилого ядра похоже на тиндало-багулальское. Это такой же большой продолговатый зал, вдоль задней стены которого идет деревянная перегородка (табл. III, рис. 4, 6). Конструкция ее имеет, однако, в господствующем варианте существенное различие с тиндальской и сближается скорее с предполагаемым устройством в годоберинских домах. По архитектурной же интерпретации она не сравнима ни с чем из описанного.

[1] Даны по известной карте, составленной Мочульским.

Жилище тиндалов. Дом Абдурахмана Газиева в с. Тинди: *1* — поперечный разрез; *2* — план верхнего жилого этажа со встрсенным закромсм в левом нижнем углу; *3*— общий вид домов (дом Газиева в середине); *4*— интерьер. *Жилище аваров* (вольное общество Андалал). Дом Тумана Магомедова в с. Ругуджа: *5*— вид дома; *6*— план второго этажа; *7*—разрез; дом изображен в современном состоянии, с выломанной передней частью и обнажившимся вследствие этого интерьером первой башни. *Жилище арчин.* Жилой дом в с. Хитаб, Арчинского сельсовета; *8*—общий вид; *9*—план второго, жилого этажа; выступающая вперед гостевая комната — позднейшая пристройка.

Она состоит из ряда (от одного до трех) громадных плоских столбов-пилястр, в самых «классических» примерах увенчанных двумя гигантскими полукружиями, вроде греческих ионических волют, поддерживающих основной продольный прогон, на котором лежат поперечные балки перекрытия. Между столбами встроены шкафы-амбары (ц'агуры, к'амы), в каждом пролете по одному, предназначенные для хранения продуктов и вещей. Как столбы, так (в старых экземплярах) и лицевая сторона ц'агуров богато украшены разнообразной орнаментальной резьбой, какой не найти нигде в других описанных ранее домах (табл. III, рис. 5).

На противоположной стороне помещения, возле самой стены с окнами, столбам перегородки отвечает другой ряд столбов, обработанных гораздо проще. Очаг, помещается у центрального столба перегородки.

Кроме перегородки такого устройства, параллельно распространен другой ее вариант с опорами, срубленными крестом в плане из горизонтальных пластин. Три видимые ветви такого креста (четвертая выходит в проход за перегородкой) обрезаны по весьма своеобразному контуру, так что просвет между двумя опорами имеет силуэт, напоминающий овал, срезанный сверху и снизу, с крутыми выемками с обеих сторон посредине высоты. В каждый такой просвет сзади встроен амбар, подобно предыдущему варианту. Такого рода перегородки иногда тоже покрыты резьбой (табл. III, рис. 7).

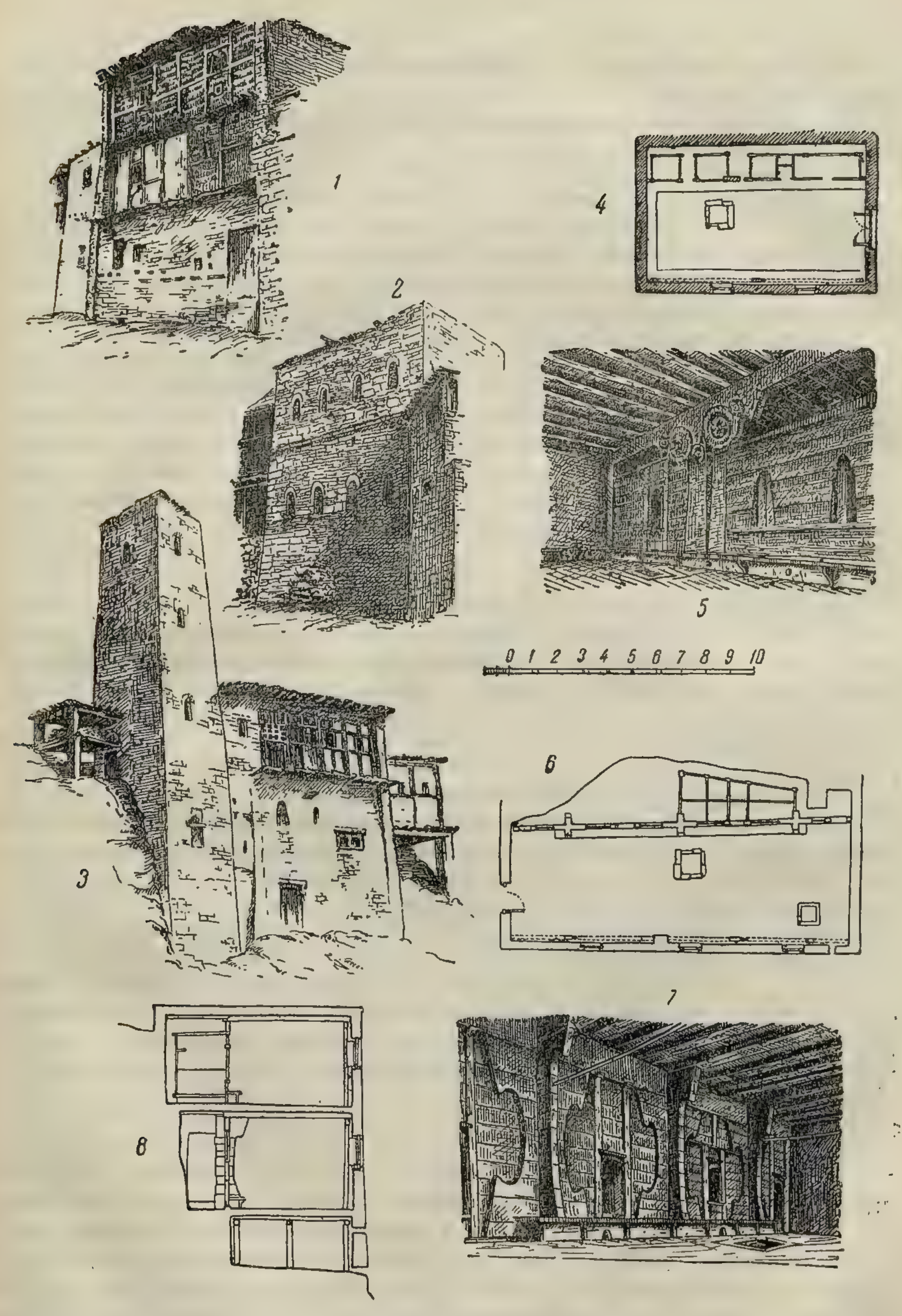
Эта вторая разновидность гидатлинской перегородки еще более сближается с архитектурными приемами тиндалов.

В доме гидатлинского типа мало развитые хлева находятся в первом этаже. Чаще всего дом сооружен в три этажа по схеме: хлев — жилье — жилье (табл. III, рис. 8). Смысл такой композиции, типичный для гидатлинского жилища, а в единичных случаях зарегистрированный на других территориях, например у тиндалов, неясен. Поскольку речь идет о самом интересном типе жилища Нагорного Дагестана, на этом стоит остановиться.

Мы имеем две самые большие камеры, совершенно одинаковые, расположенные друг над другом. Между собой оба помещения не сообщаются. Надо выйти наружу и подняться по горе, чтобы попасть из нижнего помещения в верхнее.

Несомненно, это не деление жилища на мужскую и женскую половины или на летнее и зимнее помещения, а также не позднейшая надстройка в связи с увеличением семьи: во всех случаях оба помещения совершенно одинаковы по устройству и оборудованию и безусловно возведены одновременно. Такую композицию нельзя рассматривать и как решение общей задачи расширения жилища в связи с ростом родовой семьи, ибо, если бы это было так, расширение не могло не пойти по более естественному пути удлинения камеры, по крайней мере в тех случаях, когда позволяло место. Между тем многие дома, расположенные сейчас (а по всем данным, и прежде) достаточно свободно, имеют два самостоятельных жилых помещения в разных этажах.

Самая типичность и, можно сказать, стандартность приема указывает, по мнению автора, на существование каких-то особых явлений этнографического порядка, вызвавших такое разделение. Почему и как происходило разделение родовой семьи на две половины в этих домах, еще надлежит выяснить.

Жилище аваров (вольное общество Гидатль): *1* — каркасный фасад старого жилого дома в с. Урада; *2* — каменный фасад дома Чундаева в с. Хотода; *3* — дом Магомеда Алиева, с башней, в с. Гента. Дом Чег'ерова в с. Урада: *4* — план; *5* — интерьер. Дом Гаджиева в с. Тидиб: *6* — план нижней жилой камеры; *7* — интерьер; *8* — поперечный разрез

Сеновалов при доме нет. Они выделены в особые кварталы, как и добавочные хлева.

По решению наружных фасадов гидатлинские дома сохраняют две различные и отчетливые традиции. У одних из них лицевая стена дома, подобно домам Тляротинского района, во втором и третьем этажах деревянная, каркасная, дощатая или даже плетневая (табл. III, рис. 1), а у других — доверху каменная с арочными окнами (табл. III, рис. 2). Гидатлинский дом имеет еще одну важную и исключительную особенность. К жилому дому здесь весьма часто примыкает своя башня, составляющая с домом единый комплекс (табл. III, рис. 3).

Вторым, достаточно хорошо выкристаллизовавшимся типом старого аварского жилища является дом, зафиксированный в Андалале (обследованы селения Чох, Ругуджа и Корода). Этот второй тип можно определить, как жилое помещение квадратного плана с одним центральным столбом посредине. Наилучшим его примером является опубликованный Н. Б. Баклановым в упомянутом сочинении «дом каменщика» в селении Корода. Надо только учесть, что внутренние перегородки, показанные у Бакланова так, как они выглядят сейчас, без всякого сомнения, позднейшие. В прошлом это было одно большое помещение.

Дома Андалала обычно двухэтажные (по схеме хлева — жилье). Очень интересные варианты жилища с одним центральным столбом обнаружены в с. Ругудже. Это жилые дома-башни до пяти этажей высотой. Хлева находятся в первом этаже, над ними располагается жилье в несколько этажей (табл. II, рис. 5, 6, 7).

Центральный столб имеет оголовье (подбалку) с двумя или тремя резными лучевыми дисками. Столб «дома каменщика» является настоящим шедевром среди столбов такого стиля.

Способ перекрытия помещения при помощи одного центрального столба широко распространен в более современных многоэтажных домах, не только в упомянутых селениях Андалала, но и на примыкающих территориях обществ Тлейсерух (обследованы селения Магар, Дусрах, Ириб, Нукуш, Кутих и Гилиб) и Каррах, однако старых жилищ описываемого типа там найти не удалось.

Таковы основные формы старого жилого дома в обследованном районе. Но даже описанное их многообразие получено в результате упрощения и схематизации той картины, которая имеет место в действительности. Эта картина осложняется еще рядом дополнительных обстоятельств.

На некоторых территориях параллельно с описанными формами, которые кажутся господствующими, существуют другие. Например, у андиев встречаются старые двухэтажные дома с каменной аркадой внизу (хлева) и с деревянной галлереей наверху (жилье) — тип, весьма распространенный повсеместно в Нагорном Дагестане в новое время.

Осложняют картину также территории и селения со смешанными признаками, где жилища являют собой градации переходных форм. Так, среди селений Карраха, в с. Гочоб сохранились жилища гидатлинского типа, в с. Гочада, ближайшем к р. Кара Койсу, жилища напоминают андалальские, а остальные (Тлярош, Цулда, Урухсота) дают ряд переходных вариантов.

Наконец, есть другие территории, где устройство старого жилища осталось невыясненным за отсутствием сохранившихся образцов.

Итак, с точки зрения морфологии старого жилища основным фактом является существование необычайного количества существенным образом различных местных композиций жилого дома на сравнительно небольшой территории Нагорного Дагестана.

В самом деле, мы имеем во внешнем облике все градации форм в диапазоне от каменных громад Тинди или Гоора до низеньких навесов на деревянных столбиках у каратин; в планировке — от жилища, включающего весь комплекс служб в одном блоке (Тинди), до изолированного чисто жилого помещения с вынесением всего остального в отдельные кварталы, вплоть до кладовых, вынесенных по другую сторону улицы (багулалы); от домов вовсе без дворов, расположенных фасад к фасаду, подобно уличной застройке наших больших городов (Гидатль, Андалал, Тинди), до изолированных стеною усадеб (андии) и т. д.

Даже рассмотрение дома с точки зрения его военно-оборонительных функций обнаруживает совершенно различные принципы, положенные в основу решения такой задачи. В одних случаях мы имеем дело с типом дома-башни, где все устройство жилища подчинено целям военной обороны (Ругуджа, Кудияб-Росо, Хотода), в других — с типом вполне гражданского жилого дома, соединенного, однако, в одну композицию со своей башней (Тидиб, Урада, Гента, Кахиб-Бакдаб, Гочоб); далее — с домами без башен, но достаточно неприступными сами по себе (Гидатль, Тинди, Кванада);[1] наконец, с домами андиев, годоберин, каратин и, повидимому, ботлихцев, которые оказываются совершенно не защищенными от нападения. Следов башен при домах здесь тоже нигде не обнаружено. Имелись башни лишь общеаульные или общеквартальные.

Совершенно очевидно, что такое различие в облике и организации жилища не может быть ни в какой степени сведено к различию природных факторов, поскольку последние, в конце концов, для всех одинаковы. Не более того оно может быть отнесено и к различиям общественного строя. Нет никаких данных, чтобы рассматривать различные описанные типы, как относящиеся к различным эпохам.

Факт возникновения столь различных форм жилища у родственных и соседних народов, находящихся в одинаковых природных условиях и переживающих одинаковую стадию общественного развития, сам по себе весьма интересен и мало использован в науке об архитектуре, где, наоборот, распространенным является мнение о неизбежности возникновения сходных форм при таких условиях.

Этот факт находит, однако, полную аналогию в языковой и диалектической пестроте населения данной территории.

Здесь надо только оговориться, что границы распространения архитектурных типов жилища не всегда совпадают с лингвистическими границами. Уже было указано, например, на весьма близкое смыкание типов жилища аварского Гидатля с Тинди и, наоборот, на принадлежность жилища багулалов к разным типам.

Подобно языковым различиям и в архитектуре изучаемых народов под внешне несходной оболочкой может быть, конечно, прощупана и некоторая общая первооснова, роднящая разные типы между собой. Иные

[1] Домов-крепостей в настоящем смысле, с окнами-бойницами, нами не было встречено нигде. Все самые старые дома имеют современные самим домам достаточно широкие окна с деревянными ставнями.

из таких общих черт выступают совершенно явственно, другие должны быть обнаружены более углубленным исследованием.

К первым могут быть отнесены многие элементы жилища и, прежде всего, универсальный для всего Нагорного Дагестана способ устройства плоской крыши, находящий себе аналогии и за пределами Дагестана, а также устройство срединного очага, общие для всего Кавказского нагорья элементы орнамента, общая ориентация не на камень, а на дерево, как на основной конструктивный и художественно выразительный материал,[1] и многое другое.

Интересно отметить, что наиболее стабильной частью жилого комплекса в целом является его основное ядро — жилая камера. Она почти неизменна в пределах одного типа, а в разных типах ее можно расположить в некую цепь последовательных вариаций решения одной программы. Значительно более подвижны, менее устойчивы местные обычаи расположения остальных элементов жилища — служб и пр. Даже в пределах одного типа здесь можно наблюдать большой разнобой. Например, у тиндалов преобладающей композицией является, как сказано, трехэтажная (хлев — сено — жилье), но наряду с ней существует и вариант (хлев — жилье — жилье), как в Гидатле, затем двухэтажная (хлев — жилье) и, наконец, одноэтажная (жилье). Последняя уже почти идентична багулальскому жилищу.

На основании такого наблюдения можно, повидимому, сделать вывод, что жилая камера, как наиболее устойчивый элемент жилища, является и элементом, лучше всего сохранившим самые древние его черты.

Что касается родства между собою различных типов, которое может быть обнаружено на основании более пристального изучения отдельных деталей жилища, приведу одно лишь наблюдение.

Почти все старые жилые дома на обследованной территории включают в себя в качестве непременного компонента деревянный амбар (ц'агур, к'ам — у аваров, г'инкуш — у ботлихцев, годоберин и т. д.). Такой амбар расположен различно в домах разных типов: в гидатлинском доме он является неотъемлемой частью внутренней перегородки в жилой камере; в Тинди он встроен в наружную каменную стену жилого помещения с входом изнутри; в Ботлихе чаще всего располагается на крыше; у андиев — под навесом галлереи, а у багулалов — на улице. Однако все эти амбары, где бы они ни находились, повторяют одну и ту же форму и имеют лишь два конструктивных варианта врубок.

Оказывается, что многие основные элементы дома и, в особенности, жилой камеры (устройство перекрытия, фасадной стены, перегородки) представляют собой при ближайшем рассмотрении подобие форм этого «универсального» амбара. Такое подобие прощупывается в различных типах жилища и заставляет предполагать существование в прошлом единого источника, от которого, эволюционируя, произошли и теперешние амбары и жилые дома, ныне принадлежащие к разным типам.

Проверка высказанного предположения, как и вообще более углубленный анализ фактов, добытых экспедиционным обследованием, еще впереди, и его результаты пока не могут быть выявлены.

---

[1] Эта интереснейшая черта дагестанского горского жилища требует особого изложения и обоснования. За недостатком места автор вынужден отложить это до благоприятного случая.

Л. Б. ПАНЕК

РАБОТА ЮЖНОГО ОТРЯДА ДАГЕСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ[1]

Южный отряд имел целью этнографическое изучение лезгин, а также относящихся к лезгинской группе народностей — рутулов и цахуров. Состав отряда: руководитель — ст. научн. сотрудник Л. Б. Панек, сотрудники — аспиранты К. И. Козлова, М. В. Саидова, студенты Московского университета И. Старцева, А. Трофимова, М. Кургузова и Г. Садилова. Работа производилась в пяти районах: Ахтынском, Докузпаринском, Касумкентском, Курахском и Рутульском. Маршрут экспедиции: Махач-Кала — с. Ахты (с выездами в селения Луткун и Хрюк) — с. Усухчай (с выездами в селения Мискинджи, Микрах и Куруш) — с. Курах (с выездами в селения Гельхен и Ашар) — Касумкент (с выездами в селения Куркент, Орта-Стал и Испик).[2] Сотрудники экспедиции М. В. Саидова и К. И. Козлова были направлены в Рутульский район для изучения рутулов и цахуров. В работе оказывали содействие районные и сельские советы и партийные организации; большую помощь экспедиция получала от учителей, председателей колхозов и рядовых колхозников.

Южно-дагестанский отряд считает долгом выразить особую благодарность Совету министров Дагестанской АССР, который в лице председателя т. Даниялова своим вниманием и поддержкой оказал экспедиции большую помощь.

Отряд собрал большой, совершенно новый этнографический материал по лезгинам. Материал этот представляет интерес не только для этнографии Кавказа, но и для общей этнографии, дополняя и освещая по-новому некоторые вопросы истории развития общества. Большой материал собран по истории селений, записаны сведения о делении селений на кварталы (мяг'ле), о составе населения в этих кварталах (родственное, смешанное, пришлое), о селении как оборонительном пункте, как торговом и административном центре. В некоторых селениях в мяг'ле живут только сородичи, как, например, в с. Гельхен, где термин «мяг'ле» не употребителен, а для обозначения квартала применяют термин «тохум», т. е. род. В ряде случаев родственный принцип в квартале нарушен, и население его носит смешанный характер. Более сильные роды и селения принимали иногда под свое покровительство жителей более слабого селения. Иногда это покровительство

---

[1] Из доклада на сессии Института этнографии в феврале 1947 г., посвященной итогам экспедиционной работы 1946 г.

[2] См. карту маршрутов экспедиции в статье Е. М. Шиллинга (стр. 32).

было совершенно безвозмездным, иногда же оно осуществлялось на определенных условиях.

Многочисленные предания говорят о постоянных нападениях жителей одного селения на другое. В селениях Луткун, Гельхен сохранились следы различных типов оборонительных сооружений.

Материал, собранный по жилищам, служит прекрасной иллюстрацией тесной зависимости конструкции и типа жилища от природных условий, строительного материала, а также от характера социальных отношений. Недостаток и дороговизна лесного материала в с. Куруш, например, является причиной того, что здесь дерево заменяют глиной.

1. Общий вид с. Ахты

2. Улица в с. Ахты

В безлесном Курахском районе в некоторых видах построек дерево отсутствует вовсе. Интересен материал по истории жилища (переход от однокамерного к многокамерному жилью, появление окон со стеклами, ламп, мебели европейского типа и т. п.). Наряду с жилищами для одной семьи имеются дома, в которых под одной крышей живет отец с несколькими выделенными женатыми сыновьями, причем каждая семья имеет свои особые комнаты и помещения для хозяйственных нужд.

Записи по скотоводству дают материал о времени и местах перекочевок, о труде и условиях жизни чабанов. Особенно интересны рассказы Эрзимана Вердиханова, председателя колхоза им. Карла Маркса в с. Куруш, о пастушеских собаках. Материала по этому вопросу в этнографической литературе Кавказа до сих пор еще не было.

Собран материал по земледелию. До недавнего времени в горах широко был распространен архаичный вид сохи (туьрез), с 1935 г. стал распространяться легкий оборотный плуг (куьтен), вполне пригодный для горных условий, за исключением мест с очень тонким почвенным слоем. Молотильные доски постепенно заменяются механизированными

3. Мечеть и минарет в с. Хрюк. Рис. *Т. Л. Юзепчук*

4. Лезгинская девочка, идущая за водой

молотилками, вместо решета для сортировки семян в ряде местностей употребляют машины. По сравнению с прошлым сильно увеличилось число разводимых сортов овощей и фруктов. От учителя-охотника Ибрагимова в с. Курах подробно записаны данные о способах охоты у лезгин. Уделено было внимание также местным средствам передвижения (арба, сани и т. п.). В некоторых колхозах заведены грузовые автомашины (селения Хрюк, Луткун).

Наряду с изучением материальной культуры записаны также семейные обряды: связанные с рождением ребенка, свадебные и погребальные. Собран материал по социальным отношениям предреволюционного периода; со слов стариков записаны сведения о пережитках родового строя (родовом землевладении, родовой взаимопомощи, кровной мести). Имеются данные по разложению родового строя — объединение не по родственному, а по производственному признаку, а также данные о феодальном устройстве (по землевладению, повинностям и т. п.). Представляет интерес подробная запись лезгинских терминов родства. Записано большое число игр как детских, так и для взрослых; из последних особого внимания заслуживает запись игры в шаха, сходная по описанию с такой же игрой в Египте. Собран также материал по народным зрелищам (бой быков, баранов, петухов, представления канатоходцев и т. п.).

Видное место в быту лезгин занимал обычай гостеприимства, которому также уделено место в записях сотрудников экспедиции.

Религия лезгин представляет собой переплетение древних, домусульманских верований с более поздними, мусульманскими. В каждом квартале селения имеются мечети, но наряду с ними всюду почитаются могилы прославившихся какими-либо чудесами святых (пиров). Собраны сведения о магических и анимистических воззрениях лезгин, о празднике весеннего равноденствия, о празднике цветов, о праздниках, связанных с вызовом дождя (пешапай) или его прекращением (алахпех, палапех). Записаны космогонические представления лезгин, а также материалы, связанные со всевозможными видами жертвоприношений и культом мертвых.

Наряду с фиксацией этнографического материала, относящего нас в далекое прошлое и по сохранившимся осколкам позволяющего восстановить архаичные формы материальной, духовной и социальной культуры лезгин, следует отметить и те факторы, которые способствуют прогрессивному развитию изучаемого нами народа и быстро разрушают старые народные воззрения. С присоединением к России и введением русской государственности прекратилась пора бесконечных грабительских набегов одних селений на другие, державших в страхе местное население и мешавших его культурному росту. Жители стали спускаться с гор, втягивались в мирную торговлю, и в этих торговых центрах (например, с. Ахты), где происходил обмен между горцами-скотоводами и земледельцами равнины, стали развиваться различные производства (кинжальное, деревообделочное, кожевенное, ювелирное и т. п.). Наиболее передовые лезгины понимали пользу и необходимость слияния с Россией и вопреки общественному мнению, которое жило еще воспоминаниями кавказской войны и заветами газавата, стремились приобщиться к русской культуре — получали русское образование, строили русские школы (например, в с. Хрюк), вводили элементы рус-

ской культуры в свой материальный быт (в овощеводстве — картофель, в домашнем обиходе — мебель и пр.).

Вследствие малоземелья и невозможности прокормиться в горах, многие мужчины, зачастую со своими семьями, уходили в отхожие промыслы, преимущественно в Баку на нефтяные разработки. Проведя несколько десятков лет в Баку, эти рабочие возвращались под старость в свой родной дом, с которым не порывали связи, и, естественно, вносили в жизнь на родине новые культурные элементы, явившиеся результатом их длительного пребывания в городе.

5. Приготовление хлеба в общественной пекарне

Национальная политика советской власти с ее социалистической культурой стремительно вытесняет отживающие древние формы общественного уклада и приобщает лезгин к советской культуре. Наконец, Великая Отечественная война, в которой лезгины принимали участие наравне со всеми другими национальностями Советского Союза, в тесном контакте с русскими, расширила их кругозор, выведя его далеко за пределы их узких ущелий, и сильно изменила идеологию лезгинского народа.

Следует указать, что преподавание в школах на русском языке, результатом которого является приобщение широких масс лезгинского народа к русской культуре, сильно тормозится отсутствием лезгино-русского и русско-лезгинского словарей (имеется всего лишь один маленький словарь М. Гаджиева для 3-го класса). Без этих словарей не может быть нормального обучения на русском языке.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛАРСКИХ БУРЯТ

Летом 1946 г. я имел возможность произвести антропологические наблюдения среди бурят, живущих к западу от р. Ангары. Исследовано 250 мужчин и 200 женщин. Одной из задач исследования являлась проверка антропометрических данных экспедиции Центрального государственного научно-исследовательского института Наркомздрава СССР (Москва), собранных в 1930 г. Как известно,[1] эти данные указывали на резкие различия в ряде расовых признаков (в частности в скуловом диаметре) между бурятами б. Нельхайской волости, где преобладает земледелие, и б. Унгинской волости, где относительно высок удельный вес скотоводства. Различие в хозяйстве обеих групп сохранилось и при колхозном строе. В 1946 г. величина площади посева зерновых на одно хозяйство в нельхайской группе в полтора раза больше, чем в унгинской. С другой стороны, количество крупного рогатого скота на каждый гектар площади в унгинской группе почти вдвое больше, чем в нельхайской.

Данные экспедиции указанного Института и основанные на них выводы упомянутой статьи Сергеева не подтвердились. Скуловой диаметр у мужчин равен в среднем 149 мм как в унгинской, так и в нельхайской группе. Длина тела, по материалам экспедиции, равна 160—161 см у взрослых мужчин и 150—151 см у женщин. В девяностых годах прошлого столетия, по данным Поротова, длина тела у аларских бурят составляла 163 см. На этом основании Сергеев заключил, что «снижение роста в данном случае можно объяснить сдвигом во времени наступления пубертаса в связи со все бóльшим внедрением земледельческих условий у бурят». По моим данным, длина тела взрослых мужчин в обеих группах 163 см, т. е. не отличается от данных Поротова, у женщин — 153 см. По всей вероятности, экспедиция Института не обращала должного внимания на условия статистической выборки, и удельный вес больных и слабых в собранных ею материалах был слишком высок. Так или иначе, по моим данным, роль паратипических факторов в формировании расовых особенностей далеко не столь значительна, как это следовало из статьи Сергеева.

Основной задачей исследования являлось собирание материала для сравнения с народами Северо-Восточной Азии. В предварительных сообщениях о моих работах 1945 г.[2] приведены данные о том, что

---

[1] В. И. Сергеев. Антропологический журнал, 1932, № 2.

[2] См. «Краткие сообщения Института этнографии», № 1 и 3.

оленные чукчи, в противоположность сложившимся представлениям, совсем не характеризуются «американоидными» особенностями, а сближаются с типичными монголоидными формами Сибири. Представителями американоидного компонента, характеризующегося пониженной частотой эпикантуса и более резко очерченным носом, являются не чукчи, а эскимосы.

На основании этих данных можно было думать, что эскимосы представляют собой остаток древнего населения Тихоокеанского побережья Азии, а чукчи, особенно оленные, являются потомками более поздней волны переселенцев из внутренних областей Азии.

Для решения этой задачи выбор района, в котором исследованы буряты, оказался не вполне удачным. Аларские буряты по образу жизни очень мало отличаются от соседящих с ними русских. Они широко занимаются земледелием (не только в б. Нельхайской, но и в б. Унгинской волостях), живут в домах русского типа, хорошо знают русский язык. Браки с русскими теперь представляют обычное явление. В недавнем прошлом они были реже, но все же я отметил немного более одного процента взрослых людей, у которых заведомо имелась русская примесь в первом и даже во втором поколении. Эти лица в разработку не вошли, но несомненно, что не меньшее число исследованных имеет незарегистрированную примесь русской крови. Это обстоятельство затрудняет сравнение, хотя незарегистрированная европейская примесь имеется, конечно, также у исследованных мною эскимосов и чукчей.

Частота эпикантуса, высота переносья и форма поперечного профиля спинки носа действительно сближают бурят с оленными чукчами в большей мере, чем с эскимосами. При стандартном распределении возрастов (50% в возрасте 26—39 лет и по 25% более молодых и более старых) частота эпикантуса у бурят определяется в 55—60%, т. е. близка к общечеловеческому максимуму.

Однако по другим признакам буряты ближе стоят к эскимосам. Так, например, характерное для оленных чукчей поперечное расположение осей ноздрей встречается у бурят довольно редко. Спинка носа у $^2/_3$ исследованных прямая, выпуклая форма встречается вдвое чаще, чем вогнутая. Волосы у $^3/_4$ исследованных прямые и жесткие (тугие), у оленных чукчей и у ламутов тугие волосы встречаются вдвое реже. Рост бороды также оказался более интенсивным, чем предполагалось. В возрасте старше 25 лет очень слабое развитие бороды (полное отсутствие ее или редкие волосы на подбородке — балл 1 по схеме Бунака) отмечено у $^2/_3$ исследованных. С поправкой на несколько иное соотношение возрастных групп примерно такая же частота этого типа найдена у эскимосов. У оленных чукчей и у ламутов борода растет гораздо слабее.

Третья группа признаков довольно резко отличает бурят как от чукчей, так и от эскимосов. Сюда относится, например, пигментация. Белая кожа (не темнее № 9 шкалы Лушана) отмечена у $^2/_3$ исследованных, смешанные и светлые глаза (последних, впрочем, очень мало) встречаются у $^1/_4$. Волосы почти у всех черные, но № 27 шкалы Фишера встречается в единичных случаях. Брови у бурят заметно более редкие, чем у чукчей и эскимосов. В этом отношении буряты сходны с ламутами. Высокое расположение бровей, которое, по наблюдениям Ярхо, является одним из характерных признаков монголоидного лица,

выражено у бурят и ламутов гораздо более резко, чем у чукчей и эскимосов. Расстояние между касательной к нижнему краю бровей и наиболее вдавленной точкой переносья равно у первых 10—11 мм, у вторых — около 7 мм. Внутригрупповая корреляция этого признака с густотой бровей отсутствует или очень мала.

По ширине лица и горизонтальной профилировке его, а также по морфологии губ буряты, чукчи и эскимосы не обнаруживают заметных различий.

Перечисленные выше признаки указывают на отсутствие специфического сходства бурят с эскимосами или чукчами. По одним признакам буряты «более монголоидны», чем чукчи, по другим — менее. Эти данные указывают, что монголоидность нельзя рассматривать как некую имманентную сущность, что за последние годы имело место в антропологических работах, в том числе и в моих.

Для решения этнологических проблем северо-востока Сибири полученные данные важны, так как они делают крайне мало вероятным предположение, что отличия оленных чукчей от эскимосов являются следствием переселения из внутренней Азии того типа, представителем которого являются буряты. Более резкая, по сравнению с эскимосами, монголоидность оленных чукчей является либо следствием переселения какого-то иного типа, либо результатом развития эскимосского типа в направлении выработки педоморфных особенностей. Для решения этих вопросов, помимо разработки общих проблем расообразования, необходимы исследования вдоль побережий Тихого океана.

Л. П. ПОТАПОВ

ИЗ ПОЕЗДКИ К «САГАЙЦАМ»

Хакасский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы организовал в 1946 г. этнографическую экспедицию по изучению хакасов. Работа по экспедиции рассчитана на ряд лет.

Одной из ее основных задач является изучение проблемы этногенеза хакасов. До Великой Октябрьской социалистической революции хакасы не представляли собой единого целого в этническом отношении. Они распадались на ряд племенных групп (качинцы, сагайцы, кызыльцы, койбалы, бельтиры), каждая из которых в свою очередь представляла собой довольно сложный конгломерат. Однако в дореволюционной литературе группы этих племен фигурировали под объединенным названием, например, минусинские, или абаканские татары (иногда вместо татар — тюрки). В 1930 г. эти племена были объединены сначала в Хакасский национальный округ, а позднее — в автономную область. С этого времени среди них идет процесс консолидации в единую национальность, протекающий в исключительно благоприятных условиях, созданных национальной политикой Советского государства.

Проблема этногенеза хакасов до сего времени не только не была разрешена, но и не была должным образом поставлена. Едва ли нужно говорить, какое большое значение имеет изучение этой проблемы для истории хакасов. Оно поможет разрешить и некоторые вопросы происхождения ряда народов и даже групп народов СССР, связанных в той или иной степени в своем историческом прошлом с территорией и древней культурой Саяно-Алтайского нагорья. Важная роль этого нагорья в процессе этногенеза ряда тюркских, монгольских, угрофинских и других народов не подлежит сомнению.

Кроме изучения проблемы этногенеза, экспедиция ставит еще одну крупную задачу: на основании этнографического изучения составить научное описание современного состояния культуры и быта отдельных районов Хакассии. Важной задачей экспедиции является выяснение культурных связей хакасов с соседями и, в первую очередь, с русским народом как в условиях дореволюционной России, так и в настоящее время. Культурное влияние русского народа на хакасские племена еще не было предметом научного изучения даже в советское время. Обычно русское влияние неправильно отождествлялось только с целями и приемами колониальной политики царизма, а исключительно высокая роль русского народа, прогрессивно влиявшего на народы Сибири с их отсталой культурой (в том числе и на хакасов), оставалась невыясненной. Неизвестным оставался также имевший иногда место процесс об-

ратного влияния, т. е. влияния местной национальной культуры на культуру русского трудового населения. Этот пробел прошлого этнографического изучения и должна восполнить Хакасская этнографическая экспедиция.

Наряду с перечисленными задачами в программе работ экспедиции намечено изучение старинных форм быта, ранних форм социальных и семейных отношений, материальной культуры, религиозных верований. Эти пережитки старины, как правило, уже исчезли из быта хакасов и сохранились только в памяти старшего поколения. Зафиксировать, изучить и сохранить их для науки также входит в задачи экспедиции.

Экспедиция приступила к работе летом 1946 г. в составе научных сотрудников Хакасского научно-исследовательского института: П. И. Каралькина, Ю. А. Шибаевой, А. Н. Липского, В. И. Доможакова и автора настоящих строк (руководителя экспедиции) и работала в течение августа — октября в бассейне р. Теи (левый приток Абакана), в районе средоточия так называемых «сагайцев». Племя «сагайцев» доныне оставалось совершенно не изученным. Экспедиция поставила своей целью самое широкое этнографическое изучение и описание этого племени.

Выяснилось, что «сагайцы» сами себя так не называют и даже отрицают этот термин в качестве названия племени. Они поясняют, что это название закрепили за ними до революции по имени «Сагайской думы», в административное ведение которой они входили. Выяснение этногенеза «сагайцев», особенно путем изучения наименований родов (сеоков), дало интересный материал, подтвержденный и антропологическими исследованиями А. Н. Липского. Оказалось, что подавляющее большинство названий сеоков, которые население еще хорошо помнит, а также многие черты культуры и быта «сагайцев» убедительно говорят об этническом единстве их с шорцами. В основе этнографической самобытности тех и других еще в недавнем прошлом лежал один и тот же хозяйственно-культурный комплекс, ведущее значение в котором занимала горно-таежная пешая охота. Единство родовых названий свидетельствует о происшедшем сравнительно недавно переселении части этих родовых групп преимущественно из бассейна р. Мрассы в бассейн Абакана, что подтверждается письменными историческими источниками. Поэтому я избегаю применять название «сагайцы» и заменяю его пока термином «южные хакасы».

Обширный материал собран экспедицией по материальной культуре. Кроме описания оригинальной техники горно-таежной пешей охоты, производимой в зимнее время на лыжах, с применением ручной нарты для перевозки охотничьего груза, кроме описания способов и приемов охоты на отдельных зверей, изучены организационные формы охоты. Собран ценный материал по коллективным формам охоты, в прошлом коллективному распределению добычи, развитому охотничьему религиозному ритуалу и специальному охотничьему языку. Изучен не только дореволюционный, но и современный быт охотников. Этот материал рисует южных хакасов как коренных охотников-звероловов, носителей древней охотничьей культуры, сохраняющих черты этой культуры до сего времени. Подробно изучались и другие формы хозяйства, ныне преобладающие: земледелие с огородничеством и скотоводство.

Ознакомившись с современной техникой колхозного производства — земледелия и скотоводства, экспедиция получила данные и по дорево-

люционному земледелию и скотоводству, что дает возможность сделать сопоставления и выводы. Есть все основания утверждать, что скотоводство южных хакасов в своей основе было русского крестьянского типа, т. е. стойловое. Здесь не доили кобылиц, овец и коз, не изготовляли молочных продуктов, типичных для кочевников (кумыс), не совершали настоящих перекочевок со скотом. Вместе с тем южными хакасами были усвоены и некоторые приемы скотоводства от соседних качинцев, в прошлом настоящих скотоводов-кочевников. Для земледелия большое значение имеют выявленные экспедицией архаические элементы техники (ручная обработка пашни, употребление ручной деревянной мельницы и ступы и т. п.), свидетельствующие о существовании в прошлом у южных хакасов первобытного горно-таежного мотыжного земледелия, характерного для шорцев. Такое же значение имеют и материалы по культу, связанному с земледельческим процессом, характеризующие перенесение охотничьего религиозного культа на область плужного земледелия.

Кроме основных производств, изучались и подробно описаны подсобные промыслы. Из них до сего времени сохраняют существенное значение сбор кедрового ореха и «пчелование», т. е. отыскивание диких пчел в горной тайге с целью собирания меда. Зафиксировано собирание съедобных корней и стеблей дикорастущих растений.

В питании южных хакасов еще в недалеком прошлом едва ли не основную роль играло собирание диких съедобных растений. Только колхозный строй внес коренное изменение в жизнь южных хакасов, заменив их старые ненадежные источники питания более разнообразными и продуктивными.

Общественные отношения у южных хакасов характеризуются обычными чертами нашего государственного и общественного строя. В этом смысле экспедиция зафиксировала закономерные и общеизвестные в нашей стране явления. Но при изучении общественных отношений, господствовавших накануне Октябрьской революции, экспедиция собрала совершенно новый материал. Он впервые дает возможность научного определения дореволюционных общественных отношений у южных хакасов. Известно, что в старой литературе «сагайцы» обычно относились к племенам, находившимся на стадии родового строя. Это неверное, антинаучное представление опровергается результатами работы экспедиции. Родовые, первобытно-общинные отношения были отмечены здесь только в виде слабо сохранившихся пережитков. Отношения по производству давно сложились здесь, как отношения эксплоататорские. Нам удалось выявить не только торгово-ростовщическую эксплоатацию южных хакасов своими баями-торговцами, но и широко распространенную у них систему отработок. Удалось установить различные категории баев, что отразилось в языке путем выработки специальной терминологии, выявить эксплоататорскую роль прежней местной администрации (так называемых «родовых князей»). В процессе работы над этими вопросами была открыта оригинальная патриархально-феодальная форма эксплоатации — наделение бедноты со стороны баев дойными коровами как бы «бесплатно», в порядке «благодеяния» только за прокорм и последующую, казалось бы небольшую, отработку. Эта скрытая форма эксплоатации, аналогичная обнаруженной мною у алтайцев системе «полыш» (буквально — помощь), выступала здесь под названием «сапис» (буквально — «дои и пей»).

Это не значит, что нами не найдено элементов родового быта у современных южных хакасов. Напротив, в этом отношении экспедиция собрала обильный материал, относящийся к области семейного быта и религиозных воззрений. Экспедицией подробно записана номенклатура родства, свидетельствующая о господстве в недалеком прошлом классификационной системы родства, обнаружены явления авункулата и левирата.

Обширные данные собрала экспедиция по религиозным воззрениям южных хакасов. Подавляющее большинство населения до Октябрьской революции официально числилось христианами, или «крещеными». На деле же южные хакасы усвоили только некоторые внешние обрядовые стороны христианства, сущности которого они не понимали. До настоящего времени это еще сказывается в их повседневном быту. Так, почти в каждом доме и юрте имеются иконы (в переднем углу, на божницах). Многие из взрослых, не говоря уже о стариках, крестятся при входе в чужой дом или юрту, перед едой и после еды. Однако эта внешняя религиозность не мешает им не замечать, что икона стоит, например, в перевернутом виде. Порой икона мирно уживается на божнице с картинками совсем не духовными (в одном случае я наблюдал, что на божнице стояли рядом с иконой картинки из журнала «Советские моды за 1945 г.»). Подлинный характер иконы некоторым хакасам настолько неясен, что вместо иконы можно встретить, как это мы наблюдали в с. Верхняя Тея, портрет молодой женщины, видимо купчихи, перед которым возжигают лампаду и молятся.

Несколько иначе обстоит дело с ранними формами религиозных воззрений южных хакасов, поддерживавшихся среди них шаманами, которые до 1930 г. выступали организаторами и служителями шаманского культа. В настоящее время шаманы представляют собой довольно редкое явление, деятельность их сводится к тайному лечению больных при помощи обращения к различным «духам болезни» и мелких жертвоприношений им. Но примитивные религиозные представления бытуют еще, главным образом, среди старшего поколения. Не чужды они и молодежи. Это выражается в системе различных поверий, примет, запретов (например, после захода солнца почти невозможно что-либо получить, купить, принести из другого дома), зарегистрированных экспедицией. Примитивные религиозные представления проявляются особенно, как это мы наблюдали, в обрядовом погребении и в устройстве многочисленных поминок, сводящихся к ритуальному кормлению покойника. Этот ритуал распространялся и на воинов, погибших на поле брани в Великую Отечественную войну. Обычно как только приходило официальное извещение о смерти воина, его родственники ставили на улусном кладбище деревянный крест, но могильный холм при этом не насыпали. Затем устраивали на этом месте поминки в положенные дни, ведя счет их от даты смерти покойного, указанной в официальном извещении. [1] Нам приходилось неоднократно быть на поминках (в верхнем течении р. Теи). Большая часть колхозников того селения, где устраивались поминки, два дня не выходила на работу — в самую горячую пору уборки и обработки урожая и сдачи его государству, когда дорог буквально каждый час,— и проводила эти дни на поминках, где не столько «угощала покойника», сколько угощалась сама.

[1] Поминки устраивают обычно на 1-й, 7-й, 20-й и 40-й день, а затем через полгода и через год.

В настоящее время у южных хакасов уже не устраивают общественных молений горам, столь характерных для них еще в начале нашего века. Однако моления эти еще настолько живы в памяти старшего поколения, что экспедиции удалось подробно описать их со слов участников. Экспедиция зафиксировала много новых, не отмеченных еще в литературе моментов в этих молениях. Особенно интересны моления «таг-таих» — родовым горам, весьма поверхностно описанные в старой литературе. Мы выявили родовой характер этих молений и описали их отдельно для каждого сеока (сеоки: Қарга, Қобый, Сор, Саиын и т. д.), установив места этих молений и восстановив план расположения ритуальных сооружений, предметов, а также участников молений. Помимо большого интереса, который представляют эти описания для установления родового характера культа, для их генезиса, они дали материал и к вопросу этногенеза южных хакасов. Выяснилось, что каждый из сеоков молился своей родовой горе, называя и чествуя ее, прося у нее всякого благополучия для членов своего рода. Замечательно то обстоятельство, что у большинства так называемых «сагайских» сеоков родовые горы находятся в Шории, в бассейне р. Мрассы или Кондомы (у сеока Қарга, например, г. Қаратаг, у сеока Сор — Мустаг и т. д.). Поэтому у некоторых сеоков (сеок Қобый) моление родовой горе производили два шамана, сменяя друг друга. Это мотивировалось дальностью пути к родовой горе, что было не под силу одному шаману. Полное описание родовых молений по сеокам дает материал для решения вопроса об этнической тождественности южных хакасских и шорских сеоков не только по их названию, но и по другим признакам. Я сошлюсь в этой связи на недавно опубликованную мною работу, в которой удалось показать, что почитание родовых гор у шорцев, тубаларов и других племен является отражением общинной родовой собственности на определенную (преимущественно охотничью) территорию.[1] Следовательно, сеоки Южной Хакассии и Шории в прошлом в большинстве своем жили вместе, имели общую территорию и общие родовые горы, расположенные в Шории.

Большую ценность имеют материалы по характеристике и других древних родовых культов, например, по культу огня, культу медведя, по индивидуальным молениям охотников, по поверьям и приметам. Удалось получить также интересные данные по типам шаманского бубна, его символике, семантике его рисунков.

Таким образом, в значительной своей части записи по религиозным воззрениям у южных хакасов представляют собой уникальный материал, значение которого выходит за рамки саяно-алтайской этнографии и который представляет интерес для советской науки о первобытном обществе.

Эти краткие данные о работе нашей экспедиции в 1946 г. позволяют считать, что организация этнографической экспедиции в Хакассию может вполне оправдать возлагаемые на нее надежды.

[1] Л. П. Потапов. Культ гор на Алтае. «Советская этнография». 1946. № 2.

С. М. АБРАМЗОН

ТЯНЬ-ШАНСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ[1]

Летом 1946 г. на Тянь-Шань была направлена первая после окончания Великой Отечественной войны этнографическая экспедиция, организованная на совместных началах Институтом языка, литературы и истории и Музеем национальной культуры Киргизского филиала Академии Наук СССР (КиргФАН) и Институтом этнографии АН СССР.

Полевые этнографические исследования производились на территории Киргизской ССР и раньше. Однако, несмотря на ценность собранных и опубликованных (в весьма малом объеме) материалов, киргизская этнография не располагает еще необходимыми надежными источниками по многим важным разделам, а значительная часть известных в литературе сведений нуждается в серьезной проверке, уточнении и научной документации. Вещественные этнографические памятники представлены, главным образом, в музеях Москвы, Ленинграда и Ташкента. Национальный музей в г. Фрунзе в настоящее время обладает очень небольшим собранием этнографических предметов.

Эти обстоятельства и определили основные задания экспедиции, а именно: а) сбор этнографических материалов, характеризующих различные стороны киргизского народного быта, в первую очередь по темам, не получившим освещения в специальной научной литературе; б) приобретение коллекций для Музея национальной культуры.

В состав экспедиции были включены: младший научный сотрудник Музея национальной культуры Абдуразак Умурзаков, аспирант Киргизского государственного педагогического института Салмоорбек Табышалиев и известный собиратель киргизского фольклора Абдыкалык Чоробаев. Начальником и научным руководителем экспедиции был назначен пишущий эти строки.

Экспедиция развернула свою работу в Тогуз-Тороуском районе Тянь-Шанской области. Среди населения этого района, по имевшимся сведениям, сохранилось много воспоминаний о киргизской старине. Закончив работу в Тогуз-Тороуском районе, экспедиция дополнила свой маршрут поездкой в соседний Акталинский район. За время работы в этом районе, с базой в колхозе «Жангы-талап», производились неоднократные выезды в соседний Куланакский район. В общей сложности в обследованных районах экспедицией пройден маршрут протяженностью более 350 км.

Обследованные экспедицией районы, в особенности Тогуз-Торо-

[1] Доклад, прочитанный на сессии Института этнографии в феврале 1947 г.

уский, представляют в этнографическом отношении особый интерес. Расположенные по среднему течению р. Нарына, они являются как бы связующим звеном между южно-киргизскими районами, находящимися к западу от Ферганского хребта, и коренными районами центрального Тянь-Шаня. Сохраняя в основных чертах этнографический облик, характерный для соседних районов Тянь-Шаня, но обладая также и рядом локальных особенностей, население этих районов тесно связано в экономическом и культурном отношениях с близлежащими районами Джалал-Абадской области.

1. Молотьба при помощи каменного катка (*мала-таш*) на приусадебном участке

Колхоз „Кöк-жар", Акталинского района

Естественно, что обследованные районы Тянь-Шаня должны были испытывать на себе воздействие более развитой оседлой культуры узбеков и таджиков, а отчасти и южных киргизов. Под прямым влиянием юга возникла в Акталинском районе своеобразная религиозная организация «Алка»; в языке указанных районов мы встречаемся с лексикой, характерной для узбеков и южных киргизов. В то же время в Джалал-Абадской области имелся ряд святынь, которые почитались и посещались населением Тянь-Шаня: мазар Арстанбаб (Арсланбоб), являвшийся святыней рода Чоро, мавзолеи Жунус-Пайгамбара, Азрет-Аюба и др.

По записанным от населения преданиям, крупные киргизские батыры (например, батыр племени Саяк — Жамболот) совершали в XVIII—XIX вв. походы из Тянь-Шаня в Ферганскую долину, откуда приводили захваченных в плен жителей. Потомки этих пленников и сейчас живут в некоторых колхозах Тогуз-Тороуского и Акталинского районов. Вместе с тем в этих районах встречаются целые подразделения родов, локализующихся в Джалал-Абадской области. В Тогуз-Тороуском

районе, например, живут группы рода Кудайлят (племя Басыз), представленного в Сузакском районе Джалал-Абадской области. Существующие между этими частями родов связи дополняются родственными связями в результате браков. Тянь-шанцы нередко берут жен из Южной Киргизии.

Отдельные элементы южно-киргизской культуры представлены и в предметах материальной культуры обследованных районов. Так, среди населения Тогуз-Тороуского района широко бытуют киргизские ковровые изделия, изготовлявшиеся ранее в Южной Киргизии.

Хотя скотоводство и не подвергалось специальному изучению, но все же экспедицией собран некоторый материал по народной ветеринарии (записано более 30 способов лечения домашних животных) и коновальству. Вместе с тем удалось записать более 60 примет, поверий и обрядов, связанных со скотоводством и с молочным хозяйством.

Частично была изучена техника земледелия, в частности, система орошения, приемы богарного земледелия, календарь сельскохозяйственных работ и т. д. (рис. 1). Подробно описано устройство водяной мельницы. Наряду с технической стороной земледелия зафиксировано несколько обрядов, сопровождавших отдельные трудовые процессы.

Наиболее разнообразные материалы собраны экспедицией об охоте, причем в записях представлена как ружейная охота, так и охота с ловчими птицами и с борзыми местной породы (*тайган*) (рис. 2). Изучены не только приемы индивидуальной ружейной охоты, но и охотничье снаряжение, способы изготовления боеприпасов, обрядовые моменты (например, обряд посвящения в охотники), охотничьи поверья. Наиболее существенный материал по этой теме получен от одного из трех первоклассных охотников Тогуз-Тороуского района — Абдуллабека Монгошева (по прозвищу «Ак-кӧз» — Белый Глаз) и от охотничьего «старейшины», 84-летнего Ӧмуралы Чонгбалаева.

Одним из наиболее любопытных видов охоты является впервые описанная экспедицией коллективная, облавная охота (*уу*) на крупных животных — горных козлов и архаров. Этот вид охоты имеет некоторые параллели с охотой на горных козлов у таджиков и с облавными охотами у монголов. В конце августа весь состав экспедиции получил возможность принять участие в коллективной охоте на горных козлов, что позволило нам ближе соприкоснуться с охотничьим бытом.

В материалах экспедиции отражены различные темы, связанные с домашними промыслами. Описана техника изготовления шерстяной ткани (*таар*), войлочных узорных ковров, войлочной одежды, витья арканов, плетения и вязания из шерстяных ниток и т. п. Далее следуют материалы, характеризующие технику обработки кожи, рога и кости. Зафиксировано изготовление деревянной посуды на примитивном токарном станке (рис. 3).

Экспедиции удалось собрать данные для описания почти не освещенного в литературе производства серебряных изделий. Современные киргизские серебряных дел мастера (*зергер*) сохраняют еще в своей памяти всю сложную технику обработки серебра, однако производство различного рода серебряных украшений ныне резко сократилось. Большой художественный вкус обнаружила встреченная нами женщина-зергер Бурушбюбю Байбориева (ювелиры-женщины — явление редкое).

2. Один из лучших охотников Тогуз-Тороуского района Медет Азаматов с борзой собакой (*тайган*)

Колхоз „Кош-булак"

3. Мастер (*кырмачы*) Акмат Мадыбаев, изготовляющий деревянную посуду на простейшем токарном станке

Колхоз „Чонг-арык", Куланакского района

Попутно собраны некоторые материалы и по технике обработки железа. Наши наблюдения говорят о том, что в большинстве случаев профессия кузнеца (*темир-уста*) переходила по наследству.

При изучении одежды мы отметили существующие в мужской одежде киргизского населения некоторых районов Киргизии различия, которые, насколько об этом можно судить по имеющимся данным, связаны с племенными и родовыми группировками.

Нами записаны также способы приготовления некоторых видов пищи, преимущественно растительной и, между прочим, старинный способ изготовления водки из кумыса.

Основное внимание экспедиция уделяла изучению социальных отношений и, прежде всего, обрядовой стороны киргизской семейной жизни. В результате удалось осветить почти все важнейшие события семейной жизни в обрядах, их сопровождающих. Подробно описаны от знахарки (*эмчы*), занимавшейся лечением детей (она же повитуха) Батийны Чолпонбаевой обряды, связанные с беременностью, родами и воспитанием детей. В записях содержатся данные, касающиеся способов ухода за детьми, детской одежды и пищи, лечения детских болезней, обряда положения в колыбель, обрезания, усыновления и т. п.

Впервые, в нескольких вариантах, произведена запись полного свадебного обряда (*кыз берӳу*). Информаторами экспедиции являлись как мужчины, так и женщины. Записаны причитания (*кошок*) матери при выдаче дочери замуж. Среди имеющихся материалов отражены также бытовавшие в прошлом обычаи: обычай сговора еще не родившихся детей (*бел куда*) и обычай умыкания девушек (*кыз качуу*). Отметим наличие в киргизской свадьбе многих черт, сближающих ее с казахской свадьбой, а также сохранение в самом обряде и на первом этапе жизни новобрачных некоторых элементов, указывающих на былую матрилокальность брака у киргизов, хотя и в значительно более ослабленной форме, чем, например, у алтайских тюрков.

Был изучен и погребальный обряд. А. Умурзаков находился в течение суток в доме умершего колхозника Малтаева и подробно описал весь ритуал похорон. Попутно отмечен ряд представлений, связанных со смертью и с духами предков (*арбак*). На протяжении всей работы экспедиции проводилось обследование надгробных сооружений (*кӳмбӧз*). Обнаружен ряд мавзолеев, на которых имелись в недалеком прошлом или частично сохранились до настоящего времени своеобразные рисунки, несомненно магическо-анимистического характера (рис. 4).

К погребальному обряду примыкают устраиваемые у киргизов через год после смерти мужчин тризны (*аш*). От Нуралы Тугелева записан весь ритуал тризны, в которой он принимал участие около 60 лет тому назад. Запись содержит ряд ценных деталей, проливающих свет на древние религиозные воззрения киргизов. Таковы, например, указания на изготовление нескольких изображений покойного (*тул*), причем эти изображения участвуют в обряде тризны, на выделение лица, замещающего покойника, и т. д. Собранные материалы включают в себя также описание различных увеселений и спортивных упражнений, которыми обязательно сопровождается тризна (поединок на копьях — *сайыш*, борьба пешая — *кӳрӧш* и борьба на конях — *энгиш*) (рис. 5).

Центральным эпизодом тризны являются обычно большие конские ристалища (*чонг-чабыш*). Наряду с описанием этих и других разновид-

4. Надгробное сооружение (*кўмбöз*) с сохранившимися на нем рисунками
Акталинский район

5. Один из приемов национальной борьбы (*кўрöш*)
Колхоз „Жангы-талап", Акталинского района

ностей конских скачек детально изучен процесс выбора и тренировки скаковых лошадей и их подготовки к скачкам.

Следует упомянуть о материалах, собранных экспедицией по коллективным угощениям, широко практиковавшимся в киргизских аилах (*шерне, жоро-бозо и ӱлӱш*), по народным играм и по воспитанию юношей в старину.

Среди материалов по духовной культуре наиболее значительное место занимают записи по народной медицине. Основным информатором экспедиции по этой теме был знаменитый в Акталинском районе 72-летний народный лекарь (*табып*) Нуралы Тугелев. Применяемые им методы лечения в значительной части основаны на прекрасном знании свойств и использовании местных лекарственных трав. Нуралы является одновременно и костоправом; к нему обращаются за помощью и при заболеваниях домашних животных. Значительно беднее записи от представителя другого направления в народной медицине — знахаря (*дарыкер*) Арыка Арзыматова. В его практике преобладают магические приемы лечения. Сотрудником экспедиции С. Табышалиевым записано около 50 способов лечения различных болезней.

Результаты работы экспедиции в области изучения религиозных представлений относительно невелики. От двух бывших шаманов (*бакшы*) сделаны записи по шаманскому лечению. Следует указать, что в обоих случаях шаманские, знахарские способности были унаследованы от близких родственников.

Собраны некоторые данные о распространении различных почитаемых мест — мазаров. Сотрудники экспедиции посетили крупный в прошлом мазар «Ак-терек», представляющий собой священную рощу; среди его реликвий — гигантский тополь, якобы посаженный сподвижником легендарного Манаса — Бакаем. Чрезвычайно любопытны полученные экспедицией новые данные о существовавшей в прошлом в Акталинском районе религиозной общине суфийского направления, носившей название «Алка». Община имела своего руководителя-наставника, под руководством которого периодически собиравшиеся члены общины занимались чтением религиозных книг. В 1945 г. научный сотрудник Музея национальной культуры КиргФАН А. Умурзаков собрал сведения о существовании в недавнем прошлом аналогичной общины в Сузакском районе Джалал-Абадской области Киргизской ССР. Эти данные говорят о том, что среднеазиатский суфизм находил благоприятную почву и среди киргизского, кочевого, в основном, населения.

Сотрудниками экспедиции записано несколько волшебных сказок, повествующих об одноглазых великанах (*жалгыз-кӧз*), медноклювых старухах (*жез-тумшук*) и т. п. Народное искусство представлено в материалах экспедиции записями (носящими, к сожалению, далеко не исчерпывающий характер) по технике вышивки, изготовления орнаментированных цыновок, тиснения по коже и т. д.

Попутно с основной работой, по просьбе сектора фольклора и эпоса «Манас» Института языка и литературы КиргФАН, экспедицией была собрана, при содействии местных учителей, небольшая коллекция песен о Великой Отечественной войне.

Сделано около 150 фотоснимков и ряд зарисовок.

Экспедиции удалось приобрести для Музея национальной культуры КиргФАН коллекцию, содержащую 200 предметов, причем в ее состав

вошел ряд уникальных экспонатов. В составе коллекции имеются образцы одежды (в их числе — кожаные штаны, употреблявшиеся специально для борьбы) и женских украшений, старинные принадлежности сбруи, отделанные серебром седла; почти полный комплект инструментов серебряных дел мастера и токарный станок простейшего типа для изготовления деревянной посуды; принадлежности для ружейной охоты и охоты с ловчими птицами, своеобразные ступающие охотничьи лыжи, образцы старинного оружия; серия ковровых изделий, вышивки, амулеты, предметы культа и др. Выдающийся научный интерес представляют добытые экспедицией в Джумгальском районе Тянь-Шанской области, благодаря энергии и настойчивости сотрудника А. Чоробаева, остатки военных доспехов киргизского военачальника, батыра Ныша-бия, жившего на рубеже XVIII—XIX вв. Они были извлечены из потайного хранилища — старой ямы для зерна, в котором пролежали около 14 лет. Удалось спасти лишь остатки шлема (*туулга*), панцыря (*чарайна*), кольчуги (*ак-соот*) и пояса (*белдемчи*). Значение этой уникальной находки возрастает в связи с тем, что найденные предметы являлись в прошлом объектами поклонения и родовой реликвией, переходившей из поколения в поколение. Одновременно были приобретены датируемые XVIII веком старинный войлочный головной убор (*кары бойуу киш калпак*) и футляр для чашек, инкрустированный покрытыми резьбой пластинками из кости архара, являвшиеся в последнее время родовой собственностью (подразделение Кара-кучкач рода Курманкожо, племени Саяк). Эти вещи принадлежали батыру Даирбеку — отцу упомянутого Ныша-бия.

Материалы экспедиции, после их обработки, будут использованы для подготовляемой Институтом языка, литературы и истории КиргФАН книги по этнографии Киргизской ССР, а привезенная этнографическая коллекция послужит составной важной частью новой экспозиции Музея национальной культуры.

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

У ДУНГАН ОШСКОЙ ГРУППЫ (КИРГИЗСКАЯ ССР)[1]

Поездка 1946 г. завершала круг полевого этнографического обследования наиболее плотно заселенных дунганами точек Киргизской ССР. В экспедиционных выездах 1944 и 1945 гг. обследованы дунгане-шэньсийцы в районе г. Токмака и дунгане-ганьсуйцы района пос. Ырдык и Чуйской долины (г. Фрунзе, селения Милянфан, Хунчи, Милянтан). Целью выезда 1946 г. было — посетить дунган-ганьсуйцев с. Александровки и обследовать дунган ошской группы (г. Ош и пос. Кзыл-Шарк, Южная Киргизия).

Моими основными информаторами были: секретарь Савайского сельсовета т. Кадырджан Лейбизов, председатель колхоза «Кзыл-Шарк» т. Хайд-ахун Таширов, военрук школы при пос. Кзыл-Шарк т. Нунузов, сын вождя ошских дунган Ма Дарына—Бохаветдин-ахун, старик Ма Даир, участник перехода в Россию Цзинь Сы Маза и др.

Интерес к ошской группе дунган (наименование исторически условное) не раз возникал у русских дореволюционных и советских исследователей. Однако эта группа оставалась как бы белым пятном на этнической карте Киргизии. Сведения об ошских дунганах в литературе крайне незначительны. Если не считать газетных заметок об экономике колхоза «Кзыл-Шарк» и участии ошских дунган в Великой Отечественной войне, то эти сведения можно свести к указаниям на наличие «рабов из дунган» в Ферганской долине. [2] Опросные данные позволяли установить, что ошские дунгане ассимилированы окружающим их узбекским населением Ферганской долины и говорят по-узбекски. Наконец, неопубликованные материалы Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР (г. Ташкент) хранят сведения о переходе ошских дунган в русские пределы и о первых шагах расселения их в Семиречье.

Предстояло установить: можно ли идентифицировать жителей пос. Кзыл-Шарк и ошских дунган, перешедших в Россию в декабре 1877 г.; к какому «землячеству» и подразделению они принадлежат; на каком языке они говорят; каковы пути и степень их ассимиляции и т. д.

Первые записи, естественно, относились к вопросам языка. Родной язык почти забыт как жителями пос. Кзыл-Шарк, так и их родичами, проживающими в г. Ош (расстояние между этими пунктами 21—24 км).

---

[1] Доклад, прочитанный на сессии Института этнографии в феврале 1947 г.

[2] См. Наливкин, Наливкина. Очерк быта женщины туземного населения Ферганы, Казань, 1886.

Говорят и думают по-узбекски. Выступая на партийных съездах и съездах Советов Киргизии, применяют только узбекский язык. Вся производственная и бытовая терминология — узбекская. В основном производстве — взращивании хлопка — отмечен лишь один дунганский термин для орудий труда(баньмо — полуборона). Исключение составляют названия кушаний, где сохранены дунганские формы с дунганскими же терминами. Однако и здесь часты отклонения: так, мясной суп (жутан) называют «рутан», пельмени — «бянза», вместо «бяньши» и т. д.

Мужчины, как правило, двуязычны и даже треязычны: знают русский, узбекский, уйгурский, а иногда и киргизский языки. Женщины двуязычны реже. Дунганский язык помнят немногие; говорят на родном языке с трудом, мысленно переводя на него с узбекского. Дунганский язык лишен красочности, сочности образов. Значительную роль в утрате родного языка сыграло изъятие его из программы школьного преподавания.

Попытки фольклорных записей дали очень небольшой, но интересный результат. Бытуют рассказы двух типов: сказочно-бытового и исторического (связанного с историей восстания 1861—1878 гг. и приходом в Россию). Все, что относится к текущим событиям и сказочно-бытовому повествованию, дается сухим, лаконичным языком, без обычной красочности образов, вычурности рисунка сказки и т. п. Все, что связано с фактами старины (пословицы, исторические повествования и т. д.), сохраняет язык в его нетронутом виде (повидимому, на момент переселения в Россию). Языковые данные позволили отнести ошских дунган к ганьсуйской группе дунган. Однако «землячество» не прощупывалось.

Целиком воспринята ошскими дунганами и узбекская одежда. Из элементов дунганского костюма сохранены (с дунганским же термином) только наушники (эртоза). Одежда мужчин состоит из нательного халата — «яктак» (дунг. саньза), штанов — «иштан-ладым» (дунг. куза), чалмы — «урамачарсу» (дунг. тэйза); двух платков-подпоясок — «чарсу» (дунг. шуцзин). На ноги надеваются туфли — «калуш», «кауш» (дунг. хэй). Дунганские термины приводились параллельно из любезности к гостю (соответствия терминов не всегда точны, например, калуш — хэй).

У ошских дунган встречено жилище двух типов: пахсовое, узбекского образца, и синкретичное, дунгано-уйгуро-узбекское. Пахсовое жилище узбекского типа, как правило, бескаркасное. Условия почвы Карасуйско-Ошского района позволяют при подготовке строительной площадки ограничиться простой нивелировкой при помощи кетменя. Основным условием стройки является наличие воды. К строительной площадке подводится рукав от уличного арыка. Яма для подготовки (замеса) пахсы располагается вдоль будущей наружной стены строения. Пахса выкладывается здесь на подсушку. Затем производится разметка камер. Обычно строение двухкамерное. Первая камера снабжена камином и служит зимней кухней. Вторая камера — комната, включающая глинобитную площадку (супа), на которой семья спит. Возведение стен идет в 5 ярусов, обычно одинаковых по высоте, но не одинаковых по толщине. Нижняя грань яруса несколько шире верхней. Нижний ярус шире верхнего. Разность в толщине распределена по наружной стороне стены так, что профиль стены полуконусный (внутренняя стена вертикальная, внешняя чуть наклонна). Обычно в доме два окна: большое для комнаты, малое — в кухне. Оконная рама комнаты

укрепляется от второго яруса; окно кухни выводится от третьего яруса. Дверей тоже две: наружная, выводимая прямо от строительной площадки, и внутренняя (ведущая в комнату), имеющая либо высокий порог, либо выводимая от первого яруса. Над наружной дверью устраивается фрамужка, повышающая освещенность кухни. Окна и наружная дверь обычно выводятся в одной, внутрь обращенной стене. В кухне выкладывают очаг типа камина с широким вертикальным дымоходом, заканчивающимся невысокой квадратной трубой. В нижней части камина выкладывают из кирпичей собственно очаг с огневым цилиндром (высотой 30 см), открытым топкой в комнату. Поверх цилиндра ставят казан — уплощенный котел с двумя ушками. Пол кухни равняют; иногда его покрывают тонким слоем пахсовой обмазки. В комнате выводится супа (50—60 см), занимающая $^2/_3$ комнаты. Бытование кана (обязательной для домов дунган обогреваемой лежанки) отмечено лишь в трех случаях. Тип его во всех случаях простейший (не калориферный). Вместо кана широко распространен обогреватель узбекского типа (сандал). Выведение крыши идет после подсушки стен. Матицу (лян) укладывают продольно, прямо на грань стены, укрепляя ее 2—3 рядами малых кирпичей. Сшив матицы приходится точно на грань между камерами и дополнительной опоры не требует. В длинных строениях (колхозные амбары, конюшни и т. п.) опорой сшива служат столбы с горизонтальной плахой типа узбекских мадахилей. На матицу кладут полужерди (типа узбекских «васса») с расстоянием 50—80 см. Затем следует накат камыша, обмазка его водонепроницаемым слоем и толстым (до 40 см) слоем глины с саманом. Обмазка подновляется ежегодно. Стройку дома ведут мастер (усто) с подручным, который подает мастеру пахсу при помощи лопатки на длинной ручке (бель). Интересно, что на бескаркасное строение перенесен обряд «лимуни», даже по названию («поднять деревянные части») связанный с каркасом. На «лимуни» собираются старики и почтенные люди селенья. Хозяин режет жертвенное животное (чаще всего барана), мясо которого идет на приготовление плова и других кушаний, которыми угощают собравшихся после коллективной укладки матицы. Имеется единичное указание на обмазку матицы кровью барана. Застройщик одаривает мастера одеждой. Подобный же обряд связан с выкладкой очага (а не устройством ворот, как у прочих дунган). В этом случае одаривание мастера одеждой настолько обязательно, что даже самый бедный застройщик одаривает мастера хотя бы тюбетейкой. Обычные блюда в угощении собравшихся — плов и лапша.

Второй тип дома планируется на три секции под единой крышей. Первая копирует обычное пахсовое строение; третья представляет собой одну каркасную камеру с камином и восемью нишами — для постельных принадлежностей и посуды. По внутренней стене комната имеет два окна. Дверь этой секции выходит во вторую секцию, представляющую собой пространство, пригодное для зимнего хлева или для летнего отдыха семьи. По типу уйгурского дома (кашкарча) здесь устраивается хауз с проточной (от уличного арыка) водой. В доме «кашкарча» стена, выходящая в сторону двора, имеет обычно раздвижные легкие створки.

Ошские дунгане применяют посуду и утварь узбекского образца; исключение составляют палочки для еды (куэйза). Как уже упоминалось, дунганами ошской группы сохранена национальная пища. Здесь

встречается хлеб типа «гокуй» (излюбленной формой, однако, являются лепешки), мясные супы (рутан), мучные вторые блюда типа «баньфан», будничные и обрядовые сладости (танмомо) и др. (в последнее время, за отсутствием своего «халвачи», пекут редко). Праздничным и обрядовым вторым блюдом является плов. Из напитков употребляют чай (преимущественно кокчай). Много пьют молока в сыром, кипяченом и особенно в кислом виде. В отличие от других дунган, сравнительно широко используют в пищу коровье масло. На кислом молоке замешивают хлеб. Лепешки пекут в печи (тондур). Тондур имеет здесь два горизонтальных рабочих цилиндра. Как и у других народов Средней Азии, с хлебом (и всем, что касается хлеба) у дунган ошской группы сопряжено представление о святости предмета. Печь хлеб можно только с чистыми руками и чистыми помыслами. Непочтение к хлебу считается тяжким грехом.

Даже золу из тондура и окалину его цилиндров некоторые ошские дунгане считают целебным средством против кашля, головных и легочных заболеваний и зубной боли. Против кашля «следует взять комок обмазки тондура и растереть с одной столовой ложкой сахара. Затем нужно вскипятить чай и, налив полпиалы, резко сверху влить его в пиалу с обмазкой. Затем прикрыть и дать настояться часа 2—3. Настой выпить перед сном. Кашель пройдет, так как потом прошибет так, что весь мокрый будешь» (рецепт сообщил Нунуза Айсаров). Отметим, что народная медицина дунган ошской группы лежит в плане общедунганской — та же травотерапия и массаж. Большую роль играют наговоры. Нами наблюдалось лечение головной боли массажем (натиранием солью с отрубями), сопровождавшимся серией наговоров.

В отношении верований ошские дунгане — мусульмане-сунниты «арзамитского толка». Сейчас жители пос. Кзыл-Шарк пользуются мечетью, общей с киргизами соседнего поселка. Службу ведет мулла-киргиз. Требы в пос. Кзыл-Шарк он выполняет с учетом некоторых особенностей дунганской обрядности. У него есть помощник из дунган. Круг обрядности ошско-карасуйских дунган уже обычного дунганского. Так, в обрядах, связанных с рождением ребенка, нет месячника, с которым связано оформление усыновления (маньюэ); нет малых подарков (сёлир) и отдарков при сговоре; нет шуток над постелью молодых в первую брачную ночь (фачуаньни); нет гостевания в период сёэрди и т. д.

Поразительным фактом является отрешение от запрета на брак с родичами ближе третьей степени и переход к кузенному браку. Анализ терминов родства, собранных в пос. Кзыл-Шарк, позволяет говорить о значительных отличиях от терминологии прочих ганьсуйцев в сторону полного совпадения терминов родства и свойства, что также указывает на резкое сужение брачного круга. Таким образом, эндогамность землячества оказалась сильнее брачных запретов внутри него. Строго соблюдается лишь запрет на выдачу женщины за иноплеменных. Мужчина мог взять второй женой уйгурку, киргизку, узбечку и даже русскую. Дети от этих браков осознавали себя дунганами и присоединялись к дунганской общине. Равным образом дунганами считали себя и дети дунганок, уведенных в рабство в период перехода группы в Россию. Этим, видимо, и объясняется значительное антропологическое отличие ошцев от прочих дунган-ганьсуйцев Киргизии.

В наибольшей полноте сохранился похоронный обряд. Здесь тот же белый траур и те же сроки его ношения, та же форма могилы и клад-

бища. Интересен тип «тапшяза» (от арабского «тобут» — гроб и китайского «сянза» — гроб, ящик). Если фрунзенские дунгане имели тапшяза в форме китайского полугроба, а узбеки — различные носилки (в зависимости от возраста покойного), в форме лестницы или плащаницы, то здесь носилки решетчатые (как бы состоящие из трех лестниц) с дугами над ними, позволяющими накинуть покров, превращающий носилки в закрытые. Любопытен факт оставления носилок на кладбище, объясненный мне так: «Обычно носилки и у нас были в мечети. В годы войны умирало много мусульман в округе. Тогда мулла решил, что причина тому — хранение тапшяза при мечети. Их и оставили на кладбище. Смерти и прекратились» (сравни китайское наказание изображений божеств за нерадивость: порка, выставление на солнцепеке при засухе и т. п.). Любопытно и объяснение обряда подсыпания к голове покойного семи кусочков глины: «Они будут у правоверного семью светильниками в период пути на суд Аллаха сквозь семь небес». Здесь мы встречаем то же представление о душе, отлетающей от тела в виде бабочки (летеза). Поэтому и огонь дома нельзя зажигать целую неделю. Однако допускается зажигание светильника на террасе дома семь вечеров (особенно в период сумеречный). В последующие годы светильник также зажигается в течение семи дней, но пораньше, засветло. Отступлением от дунганских норм является посещение кладбища женщинами на второй день после похорон.

Записи исторического порядка разделяются на материалы о переходе в Россию и материалы по социалистическому строительству. Сведения Цзинь Сы Маза, Ма Даира и Бохаветдин-ахуна, полностью совпадая с архивными данными (у всех трех информаторов имеет место смещение на 6 лет в сторону превышения, вызванное, видимо, разностью летосчислений европейского и арабского), позволяют идентифицировать группу Ма Дарына и нынешних ошско-карасуйских дунган. Выявляется и «землячество» их. Это кашгарские дунгане. В конце семидесятых годов XVIII в., после разгрома джунгарского царства, китайцы укрепляли новые владения устройством линии военных поселений. Первыми поселенцами были части бело-красного знамени — сибо, солоны, олёты. Для прокормления их в районы поселений были переброшены таранчи (уйгуры) в числе 300, а затем 6 тысяч семейств. Для трудовых работ и укрепления линии пикетов в то же время переселены были 3 тысячи семей дунган, составивших впоследствии пограничные части войск зеленого знамени. Вторичное крупное переселение дунган-ганьсуйцев в Кашгарию относится ко времени разгрома восстания Дженгир-ходжи (1829 и последующие годы). Восстание мусульман Северо-Западного Китая 1861—1878 гг. распространяется в 1863 г. на Илийский край и в 1864 г. на Кашгарию. Создав в пределах Урумчинского округа свое независимое государство (Урумчинский союз городов), повстанцы распространяют свое влияние на Северную и Южную Кашгарию. Дунгане городов Южной Кашгарии содействуют победам своих единоплеменников, уничтожая гарнизоны городов и открывая навстречу повстанцам городские ворота. В 1865 г. в г. Кашгаре появляется Якуб-бек, постепенно вытесняющий дунган-урумчинцев из Кашгарии. Дунгане Кашгарии ведут с ним упорную борьбу, а затем входят в контакт с ним.

Лидером кашгарских дунган выступает уже в то время Ма Дарын. Смерть Якуб-бека вынудила Ма Дарына, как чиновника, изменившего

в прошлом китайскому правительству, искать выхода в переселении в Россию. Однако отход запоздал и был проведен в трудных условиях ранней зимы, бескормицы, снегопадов, под непосредственным натиском правительственных войск.

Местные русские власти устроили беженцам встречу, защитив их от преследователей и разбойников, отнимавших у обессиленных людей имущество и уводивших в рабство женщин и девушек. В Сыры-Таш и Суфи-Кургане были устроены питательные пункты. Больных везли на лошадях и ослах. В пути и в г. Ош им была оказана медицинская помощь (по данным Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР, см. ф. 67/с; оп. № 1, д. № 1 и 3). Прибывших расселили в Шейхлар-гузаре г. Ош. Намечено было наделить их землей в Гульчинской долине. Началась долгая переписка с Петербургом. Ко времени прихода отказа в поселении беженцы, не имевшие средств ждать решения, разбрелись по городам Ферганской долины, батрача на узбекских баев, чиня посуду, нищенствуя. Часть их осела под г. Аулие-Ата (ныне г. Джамбул).

Только советская власть дала дунганам землю. В 1925 г. инициативная группа дунганской бедноты получает спорные земли по Саваю. На известие о земле стекаются отдельные семейства дунган из различных городов Ферганской долины. В борьбе с басмачами, в спорах с соседями дунгане закрепляются на отведенной земле, проводят оросительный канал, строят пос. Кзыл-Шарк. В 1929 г. здесь создается колхоз. Навыки коллективного труда облегчают первые шаги молодого колхоза. Принцип взаимосвязанности в землячестве, игравший в ряде случаев весьма положительную роль, в той же мере затрудняет борьбу за классовую чистоту его рядов.

К 1932 г., когда председателем колхоза стал т. Хайд-ахун Таширов, ряды колхоза очищены от торговцев, кулаков, контрреволюционно настроенного духовенства. Колхоз принимает основной сельскохозяйственной культурой хлопок, не снимая других культур. 14 лет упорной селекционной работы, борьбы за механизацию производства, за правильную расстановку сил принесли свои плоды. Особенно ярко проявилась устойчивость, экономическая жизненность колхоза в годы Великой Отечественной войны. Колхоз вдвое увеличил посевную площадь, поголовье скота увеличилось вдвое, а по овцам — втрое. В 1944 г. достигнута рекордная урожайность хлопка (187% к плановой). Колхоз получил первую премию по республике, 5 колхозников награждены орденами Союза ССР (председатель колхоза т. Таширов — орденом Ленина). Колхоз стал миллионером. В годы войны в колхозных работах ведущее место заняли женщины. Имена многих широко известны по республике. Уже 6 лет колхоз удерживает первое место в республике и Красное знамя за сбор и сдачу хлопка.

В колхозе — живом примере торжества ленинско-сталинской национальной политики — дружно работают представители восьми национальностей: дунган, уйгуров, украинцев, турок, карачаевцев и др.

Таков исторический путь ошских дунган. В плане дальнейшего изучения группы было бы интересно поставить антропологическое обследование в районе Карасу-Ош и этнографическое обследование в районе Джамбул-Мандалак.

В тот же выезд повторные посещения фрунзенских и милянфанских дунган позволили проверить ранее собранные материалы.

Интерес представили материалы, собранные в период кратковременного посещения с. Александровки (24 км от г. Фрунзе). Дунгане с. Александровки переселились в район г. Фрунзе на основании Петербургского договора о передаче Кульджи Китаю. Это относительно плановое переселение позволило в сравнительной сохранности переместить часть жилищ, полевые, садовые и огородные культуры, орудия труда, утварь и т. д. Равным образом, переселение родственными группами позволяло сохранить в большой чистоте социальные отношения. Весьма интересно наличие в 1946 г. большой семьи (31 человек), сохранившей в значительной мере основные черты этой социальной формы (общее владение приусадебными участками, общий амбар, общую кассу, куда вливаются и доходы по трудодням в колхозе, общий очаг для приготовления пищи, единое распределение работ и руководство со стороны главы семьи, одинаковость затрат на костюмы всех пяти парных семей и т. д.). Сравнительно недавно распалась семья, состоявшая из 67 членов. Интерес представляло бы и наблюдение за обрядностью дунган с. Александровки. Так, обряд «сыдомянь» — заключительный в круге брачных обрядов, представлявшийся прежде как свидание двух пар родителей молодых, по материалам с. Александровки, может быть принят скорее за проверку воспитанности и хозяйственности молодухи, причем ее семья деятельно помогает ей проявить себя перед семьей мужа в лучшем свете. Интересна и работа вышивальщиц с. Александровки, имеющих свой определенный круг трафаретов и т. п. Наконец, если не сохранились в полной мере одежда и утварь, то ознакомление с жилищем и сопоставление его с постройками прочих дунганских поселков представляют несомненный интерес.

С. П. РУСЯЙКИНА

ПОЕЗДКА В ТАДЖИКСКУЮ ССР

Моя командировка в 1946 г. в Таджикистан имела целью сбор и изучение материала по национальному костюму таджиков Гармской области.

В географическом отношении Гармская область представляет собой горную страну с многочисленными горными хребтами и тремя большими реками: Сурхоб, Обихингоу и Пяндж. Поселения таджиков расположены по долинам этих рек. Труднопроходимые горные перевалы способствовали в прошлом значительной изолированности жителей этой области от внешнего мира, что сохранило у них в сравнительно нетронутом виде старинные обычаи. В эту область по административному районированию 1929 г. вошли бывшие бекства Бухарского эмирата: Каратегин и Дарваз, населенные в основном таджиками.

Мне была оказана помощь со стороны местных партийных и советских организаций, проявивших большой интерес к моей работе и принявших участие в разработке моего маршрута, охватившего поселения, расположенные по среднему течению Сурхоба и левобережью р. Обихингоу до районного центра Тавильдара.

В результате проделанной работы мне удалось собрать материал по таджикскому мужскому, женскому и детскому костюму, бытующему в этой области последние 100 лет. Его можно охарактеризовать следующими чертами.

Женский костюм состоит из рубахи (курта), штанов (езори-занако), легкого или стеганого халата (джума), головного платка (дока) и обуви (кауш). Рубаха (курта) является одновременно и нательной, а верхней одеждой, как у всех народов Средней Азии. В прошлом она часто была и единственной одеждой женщины, которая в зимнее время надевала для тепла две-три рубахи сразу. Покрой рубахи туникообразный, основанный на прямых или скошенных линиях. Этот покрой сохраняется как в будничных, так и в праздничных рубахах для всех возрастов. Вырез ворота варьируется в зависимости от возраста хозяйки. На девичьих рубахах, начиная с малолетнего возраста и до замужества, делается горизонтальный вырез с одной или двумя застежками на плечах. Край ворота обшивается вышитой полоской (зияк) или бейкой из цветной материи. В селениях Езган и Кадора старухи говорили, что лет 50—60 назад на перед девичьей рубахи нашивался удлиненный квадрат, расшитый цветным шелком с орнаментальным мотивом, взятым с лицевых занавесок (рубанд, или рупушок). Если рубаха этого типа не изнашивалась хозяйкой до заму-

1. Свадебный наряд таджички
Гармский район Таджикской ССР.

2. Костюм девушки-таджички
Гармский район Таджикской ССР.

3. Праздничный наряд колхозницы-таджички
Гармский район Таджикской ССР.

жества, то она носила ее до тех пор, пока она не износится, делая в ней разрезы на груди при появлении ребенка. Ворот рубахи замужней женщины лет 30—40 назад отделывался вышитой полосой, а сейчас просто обшивается бейкой. Вышитая полоса в прошлом иногда накладывалась до подола, что сейчас сохранилось лишь в свадебном костюме (рис. 1). За последнее время стала входить в моду рубаха со стоячим воротником, часто собранным и застроченным на машине в мелкую складку (рис. 2). Рубаха такого покроя из белого материала особенно эффектна, когда поверх нее надевается цветная рубаха с вышивкой или сшитая из среднеазиатского шелка (рис. 3). Входят в обиход и платья на кокетке, распространенные в настоящее время в Таджикистане и занесенные сюда из Узбекистана.

Зимой поверх рубах надевается стеганый халат (джума). Халат такого типа часто делается из среднеазиатского шелка, без стежки, и входит в приданое невесты.

Женские штаны (езори-занако), в отличие от мужских, широкого покроя и доходят до щиколотки. Они шьются обычно из материи двух сортов: верхняя часть из местной ткани — карбоса, нижняя часть — из цветного ситца, сатина или адраса. По свидетельству местных жительниц, нижняя часть штанов лет 30—40 назад по однотонному фону часто покрывалась вышивкой в виде разбросанных мелких цветочков.

Головным убором женщины служит платок (дока), размером 2×2 м. В прошлом этот платок делался из белой кисеи, которая завозилась из Бухары и Самарканда, а также из Индии. В настоящее время он делается из марли; носят иногда и фабричный набивной шелковый платок. Платок складывается треугольником, и концы его забрасываются на спину. Лет 20—30 назад носили платки из местного шелка низкого качества, окрашенные в желтый или красный цвет. За последние годы, с проникновением в Таджикистан узбекского платья на кокетке, оттуда же пришла и мода носить тюбетейки из парчи или адраса. Иногда на эту тюбетейку набрасывают платок. Женщины, как правило, ходят с открытыми лицами и лишь при встрече с посторонним мужчиной прикрывают рот платком. Паранджа не была типичным элементом женского костюма для жительниц этой области; ее надевала лишь невеста вместе с лицевой занавеской при переезде из своего дома в дом мужа. Паранджа занесена сюда с равнины в период господства Бухарского эмирата. Лицевая занавеска (ру-пушок) является семейной реликвией и переходит от матери к дочери на протяжении многих десятков лет (рис. 4, 5).

Мужской костюм бытует в двух видах: 1) костюм городского типа, состоящий из брюк, пиджака и гимнастерки; последние особенно входят сейчас в обиход в связи с возвращением из армии демобилизованных; тюбетейка — необходимая принадлежность этого костюма; вместо пояса местные франты иногда подпоясываются вышитым платком; этот тип костюма характерен для районного и колхозного актива; 2) что касается основной массы колхозников, то она носит местный национальный костюм, состоящий из рубахи (куртаи-мардако), штанов (езори-мардако) и суконного халата (чагмани-рагза); на голове носят тюбетейку, расшитую ярким шелком; на ногах местная обувь — сапоги до колен (чорук-муза) или полусапоги (муккы) (рис. 6).

Наиболее распространенным видом нательной рубахи является легкий укороченный халат (яхтаи). Этот тип рубахи-халата, по свидетельству таджиков, занесен сюда отходниками из Ферганы, как и

4. Таджичка в парандже с вышитой лицевой занавеской
Гармский район Таджикской ССР

5. Женская лицевая занавеска (рубанд)
Гармский район Таджикской ССР

вышитые поясные платки. Вторым типом нательной одежды, представляющим для нас наибольший интерес, является рубаха-халат местного покроя (куртаи-яхта). Этот тип рубах характерен только для таджиков данной области. По покрою эта рубаха представляет собой халат с удлиненной на 30—50 см левой полой, скошенный кверху и имеющий вверху горизонтальный вырез наподобие выреза рубахи. Края этой рубахи-халата заделываются черной бейкой. Когда мужчина запахивает правую полу этой рубахи-халата на левую и подпоясывается куском карбоса, то создается впечатление, что он одет в рубаху и халат, тем более, что «куртаи-яхта» шьется обычно ниже колен. Этот тип рубахи-халата характерен для возраста от 40 лет и выше.

6. Верхняя одежда таджика
Гармский район Таджикской ССР

Кроме того, бытует еще несколько типов рубах, различающихся по вырезу ворота и по длине. В основном они представляют собой короткие, широкие туникообразные рубахи с рукавами до кисти рук. Встречаются рубахи с горизонтальными и вертикальными вырезами, с застежкой на плече и без застежки. Наиболее архаичной формой мужской рубахи считается рубаха (куртаи-катыфак) с горизонтальным вырезом, отличающаяся от женской рубахи в основном лишь длиной и шириной рукава. У женщин рукав такой рубахи широкий и прямой, спускается ниже кисти руки на 20—30 см, в мужской рубахе он чуть скошен и доходит только до кисти руки, хотя, по свидетельству стариков, в старину рукав бывал длиннее и шире.

В настоящее время рубаха-катыфак является необходимым элементом костюма духовенства и мальчиков 10—12 лет, в массе она не в ходу и шьется лишь для жениха.

Мужские штаны (езори-мардако) шьют из той же материи, что и рубаху. Их кроят суженными книзу и широкими в талии; штаны доходят до икр. Поверх штанов и рубахи надевают шерстяной халат (чагмани-рагза) темнокоричневого, черного или белого цвета. Пола запахивается на полу.

Зимой, особенно при переходах, на охоте, во время весенних полевых работ и при козлодрании надевают суконные штаны (езори-рагза), которые длиннее и шире, чем штаны из хлопчатобумажной ткани. Для удобства в таких случаях халат заправляют в штаны.

Пожилые колхозники зимой под чагман надевают стеганый халат (джума) или халат из овчины (пустин). Костюм мальчиков и юношей ничем не отличается от костюма взрослых мужчин.

Имущественные различия в прошлом сказывались лишь в качестве материала и в количестве надетых халатов. Что касается покроя, то он остается тем же последние 100 лет.

Головным убором для мужчин всех возрастов зимой и летом служит тюбетейка (тахья), украшенная крупным растительным орнаментом, вышитым ярким шелком (шов гульдузи) по белому, желтому и темно-красному фону. В холодную погоду вокруг тахьи обматывается поясной платок или специальная тонкая шерстяная «саля» местной выработки. Тюбетейка сюда занесена с равнины лет 60—70 назад. До этого времени основным головным убором была шерстяная шапочка (пакуль), занесенная на территорию Таджикистана из Индии (из Читрала), или круглая овчинная шапка мехом внутрь.

Чалма для таджиков не характерна. В настоящее время ее носит только духовенство. В прошлом ее надевали и чиновники. Сейчас в быту она имеет чисто ритуальное значение. Ее надевают жениху, когда он едет на бракосочетание в дом к невесте (в это время его называют «ша»).

Основным типом обуви у мужчин-таджиков являются упомянутые уже «муккы» и «чорук-муза». Эту обувь шьют из двух половин, со швом посредине, на мягкой подошве, часто из кожи горного козла. Она характерна для населения всего Таджикистана. Не менее широкое распространение имеют деревянные туфли, надеваемые в грязь на босую ногу или на шерстяной чулок. Чулки отличаются по длине и орнаментировке. В Каратегине носят короткие чулки, доходящие до колен, с более однообразным орнаментом, идущим полосами, в отличие от чулок Дарваза, которые длиннее и богаче по разнообразию орнамента. Наиболее распространенным орнаментальным мотивом на чулках является скорпион, а на рукавах женских рубах — цветочный орнамент.

Мужчины, как правило, бреют головы. Усы носят не все. Бороды носят те, кто уже достиг 40-летнего возраста. Стрижку и бритье производят в «легкие» дни — четверг и пятницу. В эти же дни и женщины моют голову. Женщины и девушки делят волосы прямым пробором с напуском на уши. Девушки заплетают волосы в три-четыре косы, две из которых обязательно выпускаются спереди. Невесте заплетают пять кос, затем до рождения первого ребенка она носит три, а после две косы. Чтобы косы выглядели толстыми и длинными, в них, начиная от корней волос, вплетают косоплетки (кокуль), которые делают из шерстяных или шелковых ниток. Девушки делают косоплетки красного цвета, а женщины — черного. Длина косоплеток у женщин доходит до колен. Девушки иногда нашивают на косы полоски материи, украшенные перламутровыми пуговицами. Девочек стригут всего 3—4 раза: при первой стрижке им по обеим сторонам головы оставляют по локону, которые никогда не стригут. Подросшие локоны заплетают в косички, украшенные косоплетками. Такой же локон оставляют по обету у мальчиков, и он сохраняется часто до женитьбы.

Характерным женским шейным украшением является ожерелье из мелкого цветного бисера, уложенного в сеточку, или ожерелье из кораллов с серебряным треугольным тумаром посредине. На руках носят кольца и браслеты. Эти украшения делают местные мастера и мастерицы.

Т. В. СТАНЮКОВИЧ

У РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

Целью поездки, совершенной осенью 1946 г., было изучение на месте жилищ переселенцев из России, тех видоизменений, которым они подвергаются под влиянием новых климатических условий и в результате применения иных строительных материалов, а также выявление на материалах жилища взаимосвязей между переселенцами и аборигенным населением.

Было намечено два небольших маршрута в Георгиевский и Сайрамский районы Южно-Казахстанской области и в Мирзачульский район Узбекской ССР. Полевая работа продолжалась 38 дней и охватила 18 селений — 14 в Южном Казахстане и 4 в Узбекской ССР.

До Октябрьской революции все эти три района входили в состав Сыр-Дарьинского переселенческого района. Заселение их началось с семидесятых годов XIX в. и приняло довольно обширные размеры. По переписи 1920 г. в Туркестане насчитывалось 294 413 русских, занимавшихся сельским хозяйством, причем на долю Сыр-Дарьинской области приходилось 96 754 человека, разместившихся в 268 поселках.

Статистические отчеты, а также сведения, собранные на месте, говорят о том, что большая часть переселенцев является выходцами из Центральной черноземной полосы и степных районов Украины. Благодаря смешанному составу переселенцев здесь наблюдается своеобразный русско-украинский говор.

Внешний вид переселенческого села в Южном Казахстане мало отличается от обычных степных украинских или великорусских сел, носящих в литературе название «линейных». Центром такого селения является площадь с церковью посредине, в которой теперь обычно помещается клуб. Вокруг группируются сельские учреждения. Улицы прямолинейны, широки и засажены по бокам сплошным рядом тополей. Села большей частью расположены вдоль по течению рек и вытянуты в одну улицу, иногда очень длинную, например, с. Георгиевское, протянувшееся на 7 км. Если встречается несколько улиц, то они идут строго параллельно и разбиваются проулками под прямым углом.

Что касается отдельных усадеб, то они имеют строго определенные размеры и план. Каждая усадьба имеет форму четырехугольника, обращенного узкой стороной к улице, и разбивается на две части: «двір» и «городчик». В первой из них, во дворе, находится жилище и все хозяйственные постройки, во второй, наиболее обширной, — огород

[1] Доклад, прочитанный на сессии Института этнографии в феврале 1947 г.

и плодовый сад. Наиболее типичный план усадьбы следующий: направо или налево от входа во двор располагается хата, обращенная узкой стороной к улице. С. Н. Могилянская в работе «Постройки украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии» утверждает, что положение хаты во дворе зависит от стран света: в частности, рассчитано так, чтобы окна не выходили на север. Для обследованных мною районов это не подтверждается. Положение хаты во дворе здесь зависит от направления господствующих зимних ветров. Окна устраиваются лишь на подветренной стороне. По приезде переселенцы прежде всего строили себе временное жилище — землянку, в которой семья ютилась до того времени, когда накапливались достаточные средства и материалы для постройки дома. Постройка дома производится обычно самим хозяином и членами его семьи.

Во многих селах сохранился еще ряд обычаев, связанных с закладкой и постройкой дома, как то: проверка места, избранного для постройки, хлебом и водой; пожелания обогащения будущим хозяевам дома, что символизируется подсыпкой под фундамент или закладкой под матицу серебряной монеты, шерсти скота и пуха домашней птицы. Другие обычаи не привожу, так как они были неоднократно описаны в этнографической литературе. После постройки дома возводят службы. За недостатком леса универсальным строительным материалом служит глина, из которой приготовляют кирпич-сырец; она также находит широкое применение и для возведения глиняных заборов, кормушек, закромов, широко бытующих в Южном Казахстане.

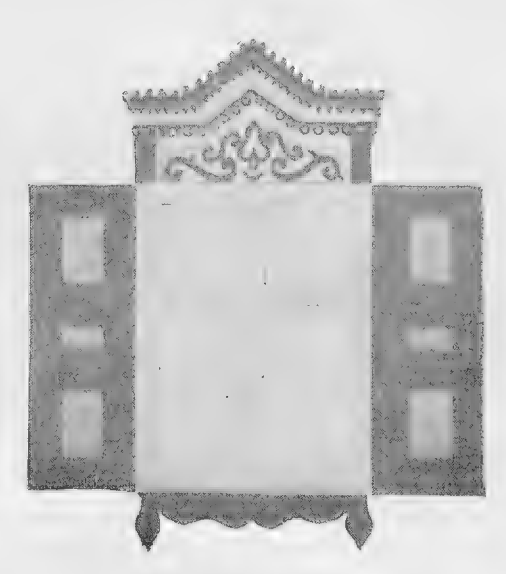
Основных типов жилых хат в обследованных районах выявлено два: двухкамерный и трехкамерный. Чаще встречается трехкамерный в различных вариантах. Непременным элементом жилища является небольшая терраса, окружающая дом с одной или двух сторон. Ф. К. Волков указывает, что этот тип жилища наиболее характерен для Херсонщины и Кубани, а также встречается в Галиции и на Буковине. Сходство состоит не только в наличии террасы, но и в типе крыши. Для всей Южно-Казахстанской области характерна четырехскатная гладкая камышевая крыша. Цифровой материал, собранный мною в районах, показывает, что такие хаты составляют большинство — 79%. Терраса играет большую роль в конструкции жилища: в летнее время она служит для предохранения жилища от перегрева, а в зимние месяцы защищает его стены от дождя и снега. В этом отношении исключение составляют лишь села Мирзачульского района Узбекской ССР. Здесь имеется ряд русско-украинских сел, расположенных вдоль канала им. Кирова, в районе солончаковых почв. Соленые грунтовые воды разъедают фундамент и делают жилища чрезвычайно недолговечными. Местные жители прибегают к ряду технических приемов с целью предотвратить разрушительное действие соли. Прежде всего жилище планируется так, чтобы оно оказывало равномерное давление на грунт — отсюда повсеместное исчезновение террас. Наиболее характерным в этом отношении является колхоз «Октябрь».

В селах, расположенных в том же районе, но на почвах с меньшим содержанием соли, например, в колхозе им. Крупской, излюбленный тип мазанок с террасой возникает вновь. Кроме того, вырабатывается особый тип каркасного жилища на просмоленных столбах и камышевом фундаменте.

Если в Южном Казахстане универсальным строительным материалом служит глина, то здесь она заменяется камышом. Камыш идет

не только на фундаменты, крыши и стены каркасных жилищ, но применяется и для хозяйственных построек, причем только в наиболее зажиточных дворах сараи, амбары и коровники обмазываются глиной. В большинстве случаев просто ставят толстый слой камыша, который ежегодно заменяют новым.

Непременной принадлежностью всякого двора переселенца является летняя печь, часто с навесом над ней, а также навесы для сушки фруктов, заменяющие в Мирзачульском районе отсутствующие здесь террасы. Печи чрезвычайно разнообразны — начиная от маленького очажка, так называемой «кабицы», и кончая большими русскими печами; все печи складывают сами хозяйки.

1. Наличники, украшенные резьбой великорусского типа

Южно-Казахстанская область

Широкое применение камыш находит в плетнях. Русские села в Южном Казахстане огораживают заборами, сделанными из глиняных вальков, или плетнями из хвороста. В Мирзачульском районе плетни плетут из речного полого камыша, тогда как местные узбеки чаще всего используют для этой цели горный камыш, камыш «с внутренним мясом», как говорят переселенцы. Он более тонок и ломок. По словам переселенцев, плетни из речного камыша держатся 10—20 лет, тогда как узбекские не более 2—3 лет. Аналогичные способы плетения встречаются, судя по литературе, в Херсонской, Киевской и Подольской областях и на территории Средней Азии в узбекских и каракалпакских селениях. Занесены ли они сюда русскими переселенцами или возникли самостоятельно, из-за недостатка времени выяснить не удалось. Ворота делают из того же камыша или из жердей. Сплошные ворота из досок являются исключением и встречаются лишь в домах, приближающихся к городскому типу. Такие дома в богатых селах Южного Казахстана можно встретить довольно часто (3—4% всех жилищ в каждом поселке). Внутреннее устройство их повторяет план обычного трехкамерного жилища, и лишь в виде исключения можно встретить иную планировку. За все время моей поездки было зафиксировано 12 таких домов: 2 из них имели коридорную систему городского типа, а остальные представляли собой удвоенный план трехкамерного жилища.

Жилищная архитектура переселенцев из южной России оказала благотворное влияние на строительную деятельность местного населения. Наиболее ярко это сказывается в южном Казахстане. Казахский колхоз «Еркенды» начал строиться в долине одного из притоков р. Бодама лишь в 1939 г. До этого колхозники жили разбросанно, в хижинах с плоскими земляными кровлями. Ныне из 120 домов этого колхоза 80 построено по образцу жилищ соседей-переселенцев. Вос-

принята не только конструкция жилища и способы его украшения, но и общая планировка села, построенного строго линейно.

Заимствовав от переселенцев манеру обводить оконные проемы и фундамент цветной глиной, казахи переработали этот способ на свой вкус и обрамляют окна причудливыми завитками в национальном стиле, а также именами владельцев дома. В других колхозах, например, в колхозе «Қзыл-Джылдус», процент заимствованного типа домов доходит до 40. Отметим, что в 1946 г., в связи с приходом мужчин из армии, строительная деятельность населения значительно оживилась.

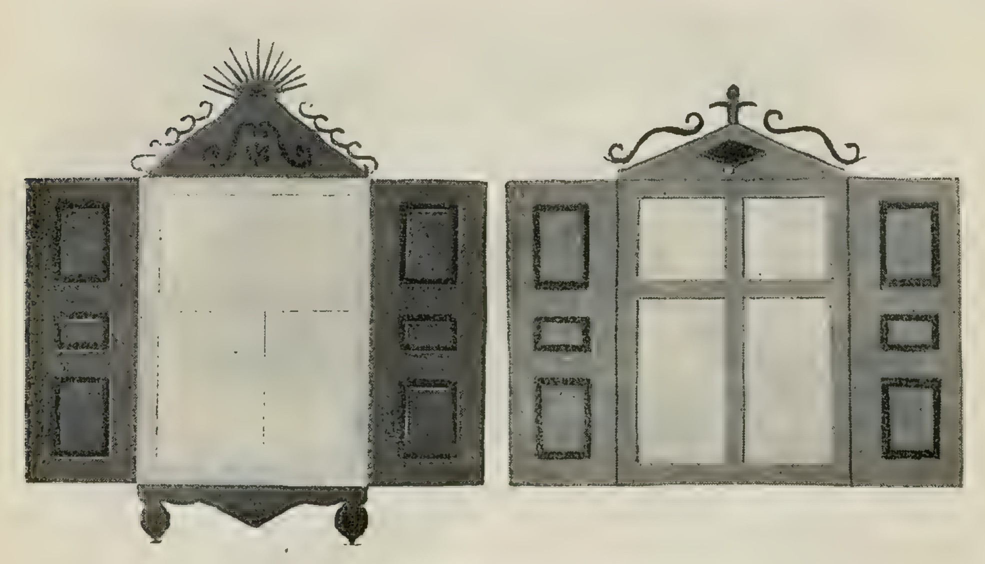
Внешние украшения домов переселенцев можно разбить на две группы. Первая из них типично украинская: хату расписывают цветной глиной вокруг окон и фундамента. Подводку производят глиной оранжеватого оттенка, что приятно расцвечивает белую гладь стены мазанки. Окна обрамляют со всех сторон прямыми полосками шириной 10—12 см. Фундамент также обычно подчеркивают прямой каймой шириной 25—30 см, но иногда поверх нее прокладывают рисунок в виде полукружий с белыми просветами в центре.

Другим видом украшений, склоняющимся к великорусскому источнику, служит резьба на подзорах, наличниках, а изредка на крылечках и колонках террас. Резьба исключительно пропильная. Излюбленные мотивы ее: треугольники, ромбы, серия ромбов, вписанных друг в друга, глухие полукружья и полукружья с прорезной серединой, сердечковый орнамент, S-образные завитки различной сложности, так называемая «византийская лилия», и пр.

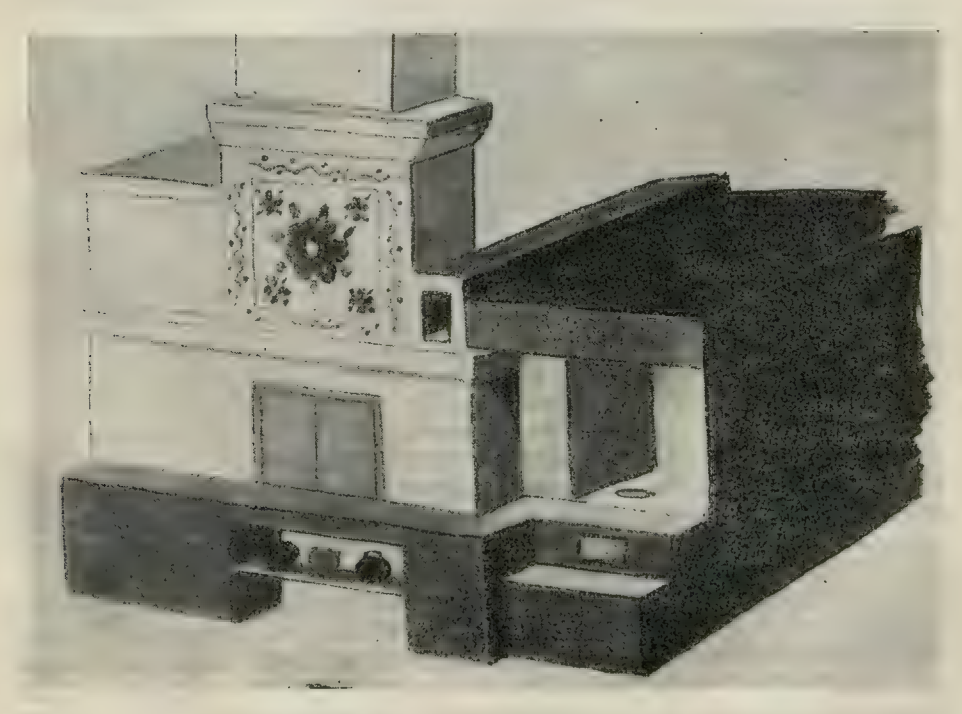
Наряду с перечисленными элементами, столь характерными для архитектурного убранства русских изб, мы встречаем ряд мотивов, появление которых можно объяснить лишь непосредственным влиянием казахского орнамента: орнамент в виде волны, орнамент, в основе которого лежит зигзаг, осложненный завитками, обращенными в одну сторону, в противоположность традиционному S-образному завитку, и, наконец, роговидные отростки. Кроме того, красочный среднеазиатский орнамент несомненно повлиял на окраску ставен, расцвечиваемых иногда в резко контрастные тона, по своей интенсивности превосходящие яркость раскраски русской архитектурной резьбы (рис. 1 и 2).

Печь помещается всегда у задней стены хаты, примыкающей к сеням. Передняя часть ее, возвышающаяся над отверстием, называется «комином». Формы его очень разнообразны. По бокам устраиваются различные углубления для хранения спичек и прочих хозяйственных мелочей, называемые «печурками», или «закопелками». Рядом с печью часто помещается «плитка», или «подтопок», имеющий также разнообразный вид. Иногда его украшают колонками и навесом. Конструкция печи и оформление ее типично украинские (рис. 3).

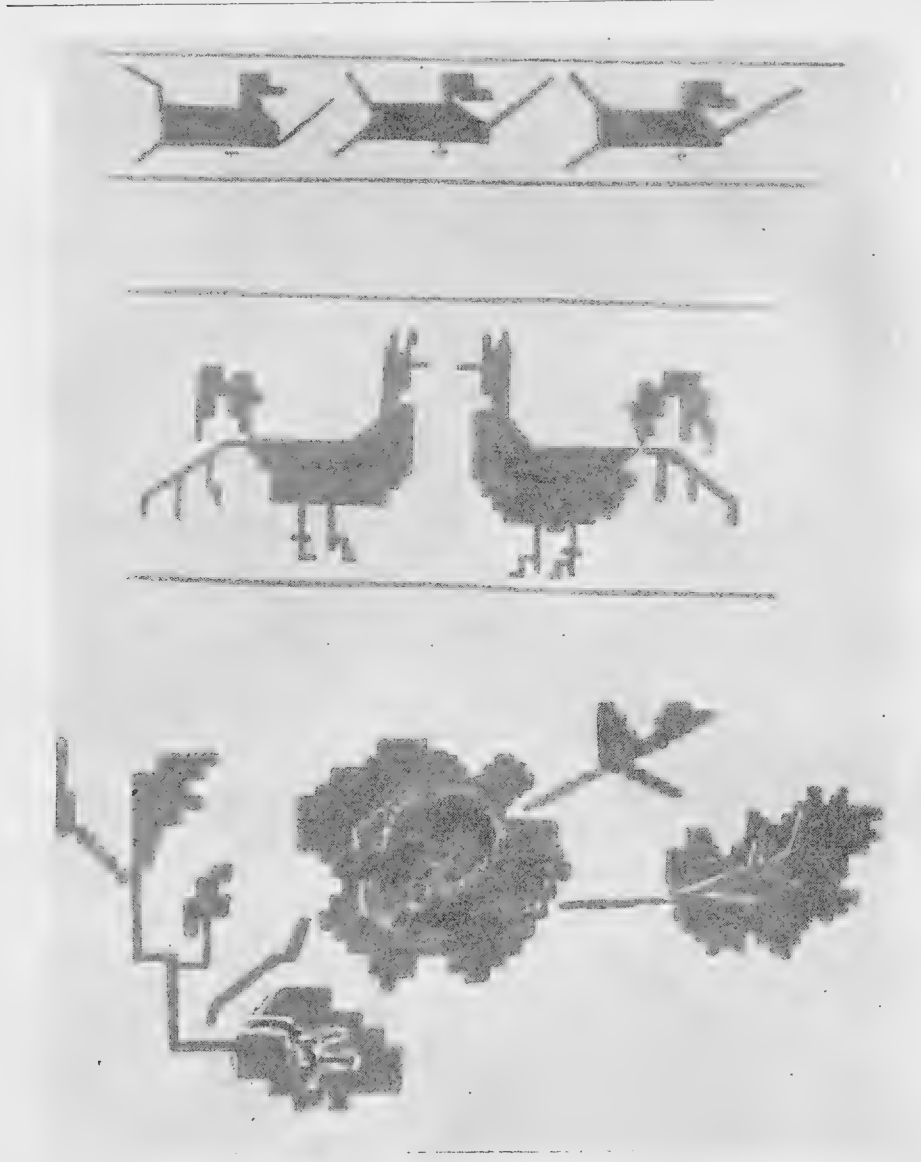
Перечислим способы украшения печи по мере их усложнения: 1) обводка цветной глиной; 2) простейшая орнаментация той же глиной, нанесенная томпоном из тряпок («ветошью»), в виде округлых пятен; 3) орнаментация печи при помощи штампов, сделанных из разрезанных пополам картофелин и свеклы, в виде разнообразных розеток и елочек; 4) роспись. Как узор, так и техника его нанесения типичны для Украины. Основные мотивы носят растительный характер и известны под названием «букета», «рожи» и «повитыцы». Мотив вьюнка, или «повитыцы», широко распространен не только в росписи, но и в вышивке, например, на рушниках, занимающих большое место в декоративном

2. Наличники с резьбой, включающей элементы казахского орнамента
Южно-Казахстанская область

3. Печь, украшенная росписью
Южно-Казахстанская область

4. Вышивка крестом, великорусского типа
Южно-Казахстанская область

убранстве хаты. Узоры, встречаемые здесь, разбиваются на три группы: геометрические, растительные и животные. Вышивка исполняется исключительно крестом, поэтому вторая и третья группы сюжетов также имеют традиционно геометризованные формы (рис. 4).

Заканчивая свой краткий обзор, считаю необходимым подчеркнуть безусловное преобладание украинской культуры, что является естественным следствием преобладания украинского элемента среди переселенцев. Далее отмечу несомненно прогрессивное воздействие более высоких форм русско-украинской архитектуры на тип жилища недавно еще кочевавших казахов и обогащение русско-украинского декоративного убранства жилищ мотивами местного казахского искусства.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИЙ

К. В. КУДРЯШОВ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В IX—XII вв.[1]

При выяснении местонахождения хазарского города Саркела в свете данных «Хождения» Пимена по Дону в 1389 г. необходимо было приурочить к современной географической карте по возможности все географические пункты (с верховьев Дона до его устья), упоминаемые в «Хождении» Пимена. Таким образом, географически приурочены к современной карте: Чур Михайловы, Острая Лука, Кривой Бор, р. Червленый Яр, горы Высокие, р. Белый Яр, горы Каменные Красные (около Кременской и Ново-Георгиевской станиц), Великая Лука (около Лучинского и устья р. Вертячей), горы Червленые и р. Бузук. Это дало возможность определить, что городище «Серклия», упоминаемое в «Хождении» между Каменными Красными горами и Великой Лукой, находилось между Ново-Георгиевской станицей и устьем р. Вертячей. Следовательно, если «Серклия» — это Саркел, то, согласно «Хождению», ни одно из цымлянских городищ нельзя считать Саркелом.

По сообщению Константина Багрянородного, именно Петрона, взяв мастеров и рабочих из Херсонеса, поднялся по Танаису до определенного места, где, «устроив печи и обжегши в них кирпич, воздвиг из него крепостные строения» Саркела. Следовательно, в постройке настоящего Саркела неминуемо должны были отразиться признаки византийского влияния, следы византийского зодчества. Между тем, по признанию проф. М. И. Артамонова, при изучении остатков Цымлянского городища, «специфически византийского в технике и формах открытых раскопками построек пока ничего не обнаружено»[2].

Отождествление Саркела с Цымлянским городищем иногда подкрепляют сопоставлением белых плит, найденных в этом городище, с переводом названия Саркел — «Белый дом», указывая при этом, что по-чувашски «шура» — белый, а «кил» — дом. Однако если перевести ближе к подлиннику, то по-турецки «сары» — желтый, рыжий, а «кил» — глина; в целом получается — «Желтая глина». По-чувашски «сара» — желтый, рыжий, а «кил» — дом; в целом — «Желтый дом». По-венгерски «сарга» — желтый. В свете этих данных Саркел уже не «белый»,

[1] Автореферат докторской диссертации, защищенной в Институте этнографии 19 ноября 1946 г. Отчет о защите см. «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 195.

[2] М. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии.— «Сов. археология», 1940, № 6, стр. 148.

а «желтый» город, и белые плиты ничего еще не доказывают. Поэтому выводы археологов, отождествляющих Саркел с Цымлянским городищем без дальнейшего уточнения и новых доказательств в пользу такого отождествления, мне представляются сомнительными.

При рассмотрении пути Игоря Северского на половцев в походе 1185 г. прежние исследователи, опираясь на неясные данные топонимики, относили поход Игоря или к нижнему течению Дона (Карамзин), или к верховьям Орели и верховьям Кальмиуса (Аристов), или к рекам Сухие и Мокрые Ялы (Лонгинов), или же к нижнему течению Сев. Донца (Афанасьев). Однако гипотезы эти нельзя принять ввиду противоречия их с источниками и неправильности в вычислениях, сделанных авторами. Чтобы установить путь Игоря, необходимо выяснить местонахождение рек Сальницы, Сюурлия и Каялы, через которые, согласно летописи, проходил Игорь с войсками.

Местонахождение р. Сальницы устанавливается по источникам точно: она впадала в Сев. Донец между Изюмом и Изюмцем. Река Сюурлий должна находиться южнее Сальницы, на расстоянии полуторадневного перехода от нее. «Суярлы» в переводе на русский язык обозначает место разветвления рек на рукава и притоки, а также вообще разлив воды. К месту слияния рек Голой Долины, Сухого и Казенного Торца вполне применимо понятие «Суярлы», так как в этом месте имеется не только разветвление рек, но наблюдается и разлив воды в виде пресноводного плеса, образуемого одним из рукавов Голой Долины.

От отождествления Кальмиуса с Каялой следует отказаться, так как русские, согласно летописи, будучи окружены половцами, упорно пробивались с боем к Сев. Донцу, а не к Кальмиусу, иными словами,— на север, а не на юг. «Каялы» — значит каменистая. «Слово о полку Игореве» называет Каялу «быстрой». Наиболее вероятно, что Каялой является река, обладающая каменистыми берегами и быстрым течением и протекающая вблизи Торских соляных озер, среди которых и надо искать то «езеро», где бился Всеволод. Каялой можно считать быструю и каменистую р. Макатиху, [1] впадающую в Голую Долину. По смысловому значению наименования к «Каяле» ближе всего подходили бы реки Каменка и Сухая Каменка, впадающие в Донец (южнее г. Изюма), но в этом районе не наблюдается «езера» Всеволода.

Для пути Игоря наиболее вероятным является следующее направление. Выйдя из Новгорода Северского, Игорь через Путивль по водоразделу между Сеймом и Псёлом (по Бакаевой дороге XVII в.) подошел к узлу путей в верховьях Псёла и Сев. Донца. Перейдя через Сев. Донец, Игорь вышел на водораздел между Донцом и Осколом, откуда, дождавшись Всеволода, подошедшего к нему из курских мест, двинулся (Изюмской сакмой XVII в.) на юг к Изюмскому перевозу, т. е. к р. Сальнице. Перейдя здесь Сев. Донец, миновав затем Изюмский курган («шеломя»), северские князья двинулись на юго-восток вдоль течения р. Голой Долины и подошли к месту слияния («Сюурлий») Голой Долины и Сухого Торца с Казенным Торцом. Здесь передовые северские полки, погнавшись за половцами, видимо, перешли через Сухой Торец, но поздно вечером из погони

[1] Такого мнения держался местный археолог Н. В. Сибилев, сообщивший мне характеристику р. Макатихи.

вернулись к главным силам Игоря и Всеволода. Поражение северских войск на их обратном пути произошло в районе Торских соляных озер, около которых надо искать и р. «Каялу».

Летописное сообщение о том, что во время бегства многие «в море истопоша», следует понимать в смысле «погибли в озере». Путь Игоря во время бегства из половецкого плена может быть намечен лишь гадательно. Допустимо, что упоминаемый Татищевым «Русский брод», до которого в два дня доскакали Игорь с Лавором, загнав коней, — это брод через Сев. Донец у Змиева, вблизи южной границы Переяславского княжества.

Изучение похода русских князей в 1103 г. в глубь половецких степей на Сутень позволяет установить, что Сутень в Половецкой земле — это р. Молочная, так как: 1) «Сутень» в переводе с турецкого языка обозначает «молочная»; 2) она находится на расстоянии четырехдневного перехода от Хортицы (в соответствии с летописью).

Изучение летописных данных о русских походах на половцев в 1152, 1170 и 1183 гг. приводит к заключению, что «Место, нарицаемое Ерель, его же Русь зовет Угол»,— это не есть побережье Орели, как думали прежние исследователи, а является действительно «местом», где реки Орель и Днепр, сливаясь, образуют довольно острый угол. К этому выводу приводит изучение карт Исаака Массы, а также карт из голландского атласа Блау. Полученный вывод подкрепляется и данными «Книги Большого Чертежа».

«Голубой лес», упоминаемый в описании русского похода на половцев в 1187 г., по своему названию с наибольшим основанием может быть отнесен к такой растительности, как тальники, ива, верба, лоза, осокорь. Эти породы покрывают значительное пространство в районе нижнего течения Самары и на восток от Днепровской Луки. В описании похода 1187 г., вероятно, имеется в виду Голубой лес, расположенный около д. Голубовки (вблизи урочища «Зеленая Дуброва») и тянувшийся к нижнему течению Самары.

Солоный, или Соляный путь XII в., упоминаемый летописью под 1170 годом, следует относить к путям, идущим от Киева на юг в Причерноморские степи. Наиболее вероятно, что Соляный путь, начинаясь от Крымских соляных озер, шел к Днепру (на Каховку), затем вдоль Днепра, через переправу у Никитина Рога и далее, продолжаясь по правой стороне Днепра, сливался с общим направлением Днепровского сухого пути на север.

Залозный путь XII в., уходя от Киева на юго-восток, отдалялся от Днепра ниже Канева, направляясь за «Лозы», расположенные на восток от Днепровской Луки, выходил затем к устью Кальмиуса или Дона и выводил в Азовское море и далее в Тмутаракань. Таково вероятное направление этого пути.

Несмотря на неоднократные попытки исследователей определить путь русских в известном походе 1111 г. на половцев, эту задачу доныне нельзя считать решенной, ввиду расхождения в показаниях летописей. Воскресенская летопись говорит, что русские подошли «к Донови» в «пятую неделю» поста, Ипатьевская же утверждает, что это произошло в «шестую неделю». Анализ этих летописных указаний приводит к выводу, что обе летописи в сущности говорят одно и то же, а именно: русские подошли «к Донови» 19 марта. Этой датой точно устанавливается количество дневных переходов от Переяславля «к Донови».

При определении пути похода 1111 г. наиболее вероятным представляется направление от Переяславля к переправе у Лукомля на р. Супое, отсюда через р. Хорол, через р. Псёл у с. Белоцерковки, через р. Голтву у с. Решетиловки (место слияния Голтвы Грузской и Ольховой), отсюда к переправе через Ворсклу у Лтавы (Полтавы), затем вдоль р. Коломака к ее верховьям, вдоль Адалага и Можа к Змиевской переправе через Сев. Донец, далее по левой стороне Донца к Сальнице и Изюмскому перевозу, вблизи устья р. Оскола.

Сопоставление географических и археологических данных в связи с количеством и величиной дневных переходов русского войска в походе 1111 г. дает основание г. Шарукань приурочить к городищу около с. Богородичного, а г. Сугров отождествить с городищем возле с. Сидоров.[1] Таким образом, Шарукань и Сугров располагались вблизи Сев. Донца.

Изучение историко-географических данных о Половецкой земле позволяет установить (по летописным известиям) местонахождение нескольких центров половецких веж.

В степях, примыкавших к Черноморской Луке, между Дунаем и Днепром кочевали «подунайские», или «лукоморские» половцы. По обе стороны Днепровской Луки за порогами были становища половцев приднепровских, или запорожских. Крупный половецкий центр находился в бассейне р. Молочной, входя, очевидно, в состав половцев приморских, кочевавших от Днепра до Нижнего Дона по берегам Азовского моря. Между Орелью и Самарой, ближе к их устьям, находились вежи половцев, которых по их местоположению относительно Киева можно назвать заорельскими. Между Сев. Донцом и Тором, где находились города Шарукань, Сугров и Балин, размещались половцы донецкие. В бассейне Дона кочевали половцы донские. Наконец, известны также половцы, обитавшие в степях Предкавказья.

На основании летописных данных можо наметить следующие основные направления русских походных путей в Половецкую степь в XII в.:

а) по киевской стороне Днепра путь пролегал от Киева за р. Рось по водоразделу между Гнилым Тикичем и Тясмином; он шел через верховья Ингульца и Саксагани к Днепровской Луке, к Хортичему острову и через Протолчьи выходил на Сутень-Молочную. Вариант этого пути сворачивал на юго-запад через верховья Ингула и переходил за Южный Буг; далее, пересекая в нижнем течении Чичаклею, вниз по Бугу выводил к Черноморской Луке;

б) по переяславской стороне Днепра путь шел через Переяславль вдоль Днепра, пересекая в нижнем течении Сулу, Псёл, Ворсклу и Орель;

в) из Северского Посемья путь шел по водоразделу между Сев. Донцом и Ворсклой к рекам Мерлу и Можу с Адалагом в район Сев. Донца и Нижнего Оскола; или же по водоразделу между Донцом и Осколом выводил к Изюмскому перевозу через Сев. Донец;

г) для походов суздальских и рязанских князей «на Дон» открывались пути по водоразделу между Осколом и Доном к нижнему течению Сев. Донца; или же по водоразделу между Доном и Хопром к Нижнему Дону.

---

[1] Обследование этого района произведено Н. В. Сибилевым, сообщившим мне об этом лично.

Ю. М. ЛИХТЕНБЕРГ

СИСТЕМА РОДСТВА о. РАГА И ВОПРОС О ГЕРОНТОКРАТИИ В МЕЛАНЕЗИИ[1]

В изучении развития социальной организации первобытного общества видную роль сыграла известная работа Риверса «The history of Melanesian Society». Значение этой работы не столько в том, что она дает историю развития меланезийского общества, сколько в методе, которым Риверс пользуется, чтобы показать развитие этого общества. В утверждении, что система родства отражает те общественные организации, которыми она некогда была порождена, Риверс является сторонником учения Моргана. Риверс полагает, что термины родства при возникновении в точности показывали те родственные отношения, которые мы выражаем этими терминами в настоящее время.

На основании сложных меланезийских систем родства Риверс устанавливает наличие в Меланезии дуальной организации, браков между лицами различных поколений, власть стариков, устанавливает происхождение перекрестно-кузенного брака и т. д.

Из всех меланезийских систем родства Риверс наибольшее внимание уделяет системе родства о. Рага, или Pentecost (Новые Гебриды), и утверждает, что терминология этой системы родства порождена аномальными формами брака, как, например, браком с дочерью дочери и браком с женой брата матери.

В истории изучения социального строя первобытного общества видное место принадлежит русскому этнографу Л. Я. Штернбергу.

Л. Я. Штернберг[2] не только открыл классификационную систему родства у гиляков, но и блестяще доказал, что эта система порождена особой формой брака, существование которого в прошлом подтверждается современными брачными нормами и обычаями у гиляков.

Анализ гиляцкой терминологии родства показывает также, что кроме классификаторских терминов родства, т. е. общих терминов для лиц различной категории родства, но одного поколения, у гиляков существуют общие «групповые» термины, т. е. общие термины для лиц различной категории родства и различных поколений.

Изучение «сложной и необыкновенной», по словам Риверса,[3] системы родства о. Рага на основе учения Штернберга показывает, что тер-

---

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 24 декабря 1946 г. Отчет о защите см. «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 213—214.

[2] Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933.

[3] W. H. Rivers. The history of Melanesian Society, Cambridge, 1914, vol. I, стр. 189.

минология родства о. Рага, как и гиляцкая терминология, порождена обязательной формой одностороннего перекрестно-кузенного брака и что большинство терминов (как и гиляцкие термины) носит групповой характер и, таким образом, происхождение их ничего общего с аномальными формами брака не имеет.

У Риверса нет никаких фактов о господстве стариков в Меланезии, и его теория геронтократии является лишь результатом логической необходимости найти такую власть, которая принуждала бы молодежь к аномальным формам брака; но так как существование в отдаленном прошлом в Меланезии аномальных форм брака Риверсом не доказано, то, следовательно, сам собою отпадает и вопрос о существовании там геронтократии.

Риверсу для его теории нужна рабочая гипотеза, что древней формой социальной организации в Меланезии была дуальная организация. Наличие этой дуальной организации Риверс[1] считает возможным реконструировать по общему термину родства для отца, брата отца и мужа сестры матери, по общему термину для матери, сестры матери и жены брата отца, а также по общему термину для детей тех и других. Этот метод Риверса для определения наличия дуальной организации неправилен, так как общие термины для указанных лиц объясняются принципом обязательного брака, открытого Л. Я. Штернбергом у гиляков.

Риверс[2] считает, что особенность терминологии родства как Банксовых островов, так и о. Рага, где перекрестные кузены называют друг друга терминами «родителей» и «детей», указывает на то, что там некогда существовал, как преобладающая форма брака, брак с женой брата матери. На самом деле анализ терминологии родства о. Рага показал, что термины для перекрестных кузенов являются групповыми и порождены обязательной формой брака. Таким образом, вопрос, известный в этнографической литературе как проблема крау-омаха, в свете учения Штернберга получает простое разрешение.

Анализ терминологии родства о. Рага показал далее, что группы — подразделения дуальных половин являются брачными группами (классами) и по своему происхождению подобны роду в трехродовой гиляцкой фратрии. Непонятые Риверсом группы «верана» являются материальной группой отца, и, таким образом, туземец о. Рага ведет двойной счет родства: он единовременно считает себя членом группы своей матери и членом группы «верана», т. е. материнской группы своего отца.

Основываясь на терминологии родства о. Рага, Риверс считает, что перекрестно-кузенный брак в Меланезии более позднего происхождения, чем дуальная организация, и произошел от брака с женой брата матери. Анализ системы родства о. Рага показал, что терминология родства порождена там перекрестно-кузенным браком, а не браком с женой брата матери, и поэтому нет никакого основания для утверждения, что перекрестно-кузенный брак более позднего происхождения. Отсюда следует, что установленный Риверсом хронологический порядок развития меланезийского общества неправилен. Порядок этот, по Риверсу, следующий:

---

[1] W. H. Rivers. The history of Melanesian Society, vol. II, стр. 16.
[2] Ibid., vol. I, стр. 196.

I. дуальная — аномальные — геронтократия
организация формы брака
↓
II. перекрестно-кузенный
брак

Дуальная организация, по Риверсу, была необходимым условием происхождения аномальных форм брака. Для осуществления их потребовалась власть стариков. Все это Риверс устанавливает, исходя из ошибочного толкования терминологии родства. Но аномальные формы брака, а следовательно, и существование геронтократии в Меланезии Риверсом не доказаны; из всей его концепции остается, таким образом, только дуальная организация (правда, методом Риверса также не доказанная) и, совершенно неизвестно, в каких отношениях к ней,— перекрестно-кузенный брак.

Л. Я. Штернберг[1] показал, что дуальное деление является не причиной двойного перекрестно-кузенного брака, а естественным следствием его; историю развития меланезийского общества следует тогда представить в следующем виде:

I. перекрестно-кузенный — дуальное — брачные группы
брак деление (классы)
↓
II. род

т. е. перекрестно-кузенный брак порождает дуальное деление и брачные группы (классы), из которых со временем развивается род.

Открытие Диконом[2] в 1927 г. брачных классов на о. Амбрим внесло новую струю в изучение Меланезии, и некоторые положения учения Риверса были взяты под сомнение.

Но анализ брачных связей на о. Амбрим показал, что в пределах этих брачных классов, по существующим на о. Амбрим брачным правилам, возможны только браки между лицами различных поколений, и поэтому предположение Риверса, что в Меланезии некогда существовали аномальные формы брака, осталось непоколебленным.

Изучение брачных связей о. Амбрим показывает, что в своем современном виде эта система брачных классов не может быть первоначальной, а, по всей вероятности, является остатком некогда существовавшей восьмиклассовой системы, потерявшей два класса. Та форма брака, которая была некогда обязательной и создала эту систему, потеряла свое исключительное значение, обязательный же характер ее сохранился в виде возможности брака только между лицами определенных групп.

Английский исследователь Джон Лейярд[3] также приходит к выводу, что деление общества не является «результатом деятельности разумной мысли». Но не понимая истинного характера естественного деления общества, того, что в основе его деления на брачные группы лежит принцип обязательного брака, Лейярд считает, что это деление происходит автоматически, наподобие деления клетки живого организма. В своих рассуждениях Лейярд непоследователен и не в состоянии объяснить автоматическое деление общества.

---

[1] Л. Я. Штернберг. Цит. соч., стр. 112.
[2] A. B. Deacon. The Regulation of Marriage in Ambrym.— JAI, 1927, vol. LVII, стр. 326.
[3] J. Layard. Stone Men of Malikula, London, 1942, стр. 103.

Правильное положение Моргана, что системы родства отражают те формы брака, которые их породили, Риверс довел до абсурда только потому, что он не понял группового характера некоторых терминов. Риверс искал объяснения современному значению этих терминов в формах брака первобытного общества. Это заставило его придумывать несуществующую ныне и невероятные в отдаленном прошлом формы брака.

Положение, которое Риверс занимал в области этнографии, и его большой научный авторитет оказали плохую услугу науке. Ошибочное толкование происхождения терминологии родства о. Рага привело к тому, что «The history of Melanesian Society» оказалась построенной на ложных выводах и не дает действительной картины развития меланезийского общества. Эта работа Риверса, признанная классической, является причиной дальнейшей путаницы и заблуждений в области этнографии.

Ссылаясь на работы Риверса, Б. Зелигман [1] «находит» «брачную геронтократию» в Африке. Пользуясь методом Риверса, Г. Гюрие [2] доказывает существование дуальной организации в Индии. Происхождение групповых терминов у мивок, одного из племен калифорнийских индейцев, Э. Гиффорд [3] приписывает, делая ссылку из Риверса, сложным и случайным формам брака.

Выводы Зелигман, Гюрие, Гиффорда и др., пользующихся в своих работах методом Риверса, не обоснованы и требуют пересмотра на основе учета принципа обязательного брака, открытого Л. Я. Штернбергом у гиляков, и группового характера терминов.

---

[1] B. Z. Seligman. Marital Gerontocracy in Africa.— JAI, 1924, vol. LIV, стр. 233.

[2] G. Ghurye. Dual organization in India.— JAI, 1923, vol. LIII, стр. 80—81.

[3] E. W. Gifford. Miwork Moieties.— Amer. Archaeology a. Ethnology, 1916, vol. XII, № 4.

С. Р. СМИРНОВ

ВОССТАНИЕ МАХДИСТОВ В СУДАНЕ[1]

Крупнейшее в Африке антиимпериалистическое национально-освободительное движение народов Судана, известное под названием махдистского восстания, возникло в последней четверти XIX в. (1881—1898 гг.). С 1820 г. (время завоевания Судана войсками Мухаммеда Али) Судан подвергся влиянию Египта, вставшего уже на путь капиталистического развития, а в дальнейшем — влиянию европейских держав, вовлекавших Судан в орбиту мировых торговых отношений. Это влияние способствовало образованию классов, ускорив процесс разложения первобытно-общинных отношений. К этим же результатам вело бурное развитие работорговли. Английский контроль над Маскатским султанатом сократил поступление рабов с восточно-африканского побережья в страны Ближнего Востока, и центр работорговли переместился в Судан. Баггара и некоторые другие племена Западного Судана первыми были втянуты в эту работорговлю. Баггарские отряды работорговцев, формировавшиеся ранее по родовому принципу, превратились в военные дружины, а руководители этих отрядов — родоплеменная знать, используя в своих интересах родовые институты и эксплоатируя прежних соплеменников, приобрели черты, свойственные феодалам.

Проникновение Англии в Судан шло одновременно с экспансией в Египет. Судан интересовал Англию как важная сырьевая база, дополнительный рынок для сбыта товаров и, наконец, как опорный пункт для захвата еще не поделенных африканских земель и стратегически важных территорий, обеспечивающих безопасность Красноморского пути.

Египет постепенно попадал в финансовую зависимость от европейских держав, в первую очередь от Англии. Большая часть государственных доходов страны шла на покрытие долгов по внешним займам. В 1876 г. была учреждена «Комиссия по государственному долгу», состоявшая из представителей ряда европейских держав. Учреждение этой комиссии ознаменовало начало открытого вмешательства Англии во внутренние дела не только Египта, но и Судана. С февраля 1877 г. англичанин Гордон стал губернатором всего Судана, а посты начальников отдельных провинций заняли английские ставленники.

Тяжелое финансовое положение Египта не могло не отразиться на Судане. Суданское население, испытывая империалистический гнет со стороны Англии, эксплоатируемое турецко-египетскими феодалами и туземной феодально-рабовладельческой верхушкой, в 1881 г. восстало, борясь за свою национальную независимость. Но и Египет, как уже

---

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 10 декабря 1946 г. Отчет о защите см. «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 196—197.

упоминалось, стал жертвой империалистической экспансии Англии. Национально-освободительное движение народов Судана и Египта (восстание махдистов и восстание Араби-паши), приняв различные формы, носило ярко выраженный антиимпериалистический, антибританский характер. Восстание в Судане возглавил выходец из народа, проповедник Мухаммед Ахмед. Объявив себя махди, т. е. посланником пророка, Мухаммед Ахмед сплотил вокруг себя широкие народные массы, призывая к вооруженной борьбе до полного освобождения страны. За свою короткую деятельность Махди провел ряд законов, облегчавших положение беднейших слоев населения. В ходе восстания оформились новые классовые отношения, зародившиеся в недрах суданского общества: возникло государство, вызванное к жизни также задачами национально-освободительной борьбы.

Однако общенародный характер начального этапа движения постепенно был утрачен. После освобождения страны от англо-египетских войск новая феодально-рабовладельческая верхушка баггарских племен захватила политическую власть с помощью хорошо обученных дружин и стала во главе государства. Махдистское государство и в дальнейшем последовательно отстаивало национальную независимость народов Судана, продолжая неравную борьбу с англо-египетскими войсками. Результат этого вооруженного столкновения был предрешен заранее. Причины поражения восстания мы должны также усматривать в той внутренней классовой борьбе, которая вела к ослаблению государства махдистов.

Судан, охваченный восстанием, создавал для Англии большие трудности. Поглощенная подавлением восстания, Англия постепенно теряла завоеванные ею позиции в Абиссинии, в Восточной и Западной Африке. Франция, умело используя выгоды сложившейся обстановки, энергично расширяла свои владения в Западном Судане, одновременно закрепляясь на Красном море в районе Обока. Чтобы не отстать от своего главного конкурента, Англия любыми средствами должна была восстановить в Судане свое былое господство.

Борьбу Англии с восстанием Махди мы считаем возможным разделить на три периода.

В первый период (1881—1885 гг.) усилия Англии были направлены на «мирный» захват Судана. В процессе подавления восстания Судан должен был отойти под эгиду Англии, но приобрести видимость самостоятельности, оформившись как некое самостоятельное государство, управляемое туземным проанглийским правительством, независимым от Египта. Этот план, рассчитанный на раскол единого махдистского движения, несмотря на трудности его осуществления, был выгоден Англии, так как не требовал ни войск, которыми Англия в то время не располагала, ни больших финансовых затрат. Кроме того, прямая интервенция могла вызвать противодействие со стороны европейских держав, обеспокоенных захватом Англией Египта. Истинные цели миссии Гордона, выехавшего по заданию британского правительства в Судан, сводились к осуществлению этого плана. Как известно, авантюристическая политика Англии успеха не имела. Махдисты захватили столицу Судана Хартум, освободив всю страну от англо-египетских войск.

Во второй период (от падения Хартума до разгрома итальянских войск под Адуа — март 1896 г.) Англия была вынуждена временно отказаться от самостоятельных активных действий, пытаясь натравить на махдистов Абиссинию, что ей в конце концов и удалось.

Война с Абиссинией, как и рассчитывала Англия, ослабила махдистское государство, подготовив его окончательное крушение.

Начало колониальной деятельности Италии также было положено в эти тревожные для Англии дни.

Предвидя затяжной характер восстания и надеясь найти в лице Италии союзника не только в борьбе с махдистами, но и против Франции, Англия отдала в 1885 г. Италии египетский порт Массауа. Единственный удобный порт, которым Абиссиния пользовалась по соглашению с египетским правительством, оказался для нее закрытым. Италия, создав в Массауа военно-морскую базу, заняла территорию современной Эритреи, угрожая вторжением во внутренние области страны. Созрели условия для первого вооруженного столкновения Италии с Абиссинией (1887 г.).

Начало третьего периода датируется мартом 1896 г. Разгром итальянцев под Адуа войсками абиссинского негуса Менелика резко изменил соотношение сил, боровшихся за восточный угол Африки.

Позиция Франции, помогавшей Менелику, сразу упрочилась. Англия, боясь окончательно потерять Судан, не колеблясь, приступила к подготовке захватнической войны против махдистского государства.

Франция, желая закрепить успехи последних лет, организовала экспедицию капитана Маршана из Убанги (Западная Африка) к верховьям Нила. Несколько экспедиций, направленных из Абиссинии, стремились соединиться с Маршаном. Около трех лет продолжалась гонка к фашодскому финишу.

В начале сентября 1898 г. в битве у Омдурмана махдисты потерпели решающее поражение от англо-египетских войск. Китченер (главнокомандующий англо-египетской армией), не задерживаясь в Омдурмане, срочно выехал в Фашоду, где в июле 1898 г. Маршан уже успел поднять французский флаг. Дело чуть было не кончилось войной, но Франция отступила. Фашодским инцидентом подытоживались результаты англо-французского соперничества за господство в восточном углу Африки.

Соглашение 1899 г., заключенное между Англией и Францией, признавало за Англией право на обладание нильским бассейном. С февраля 1899 г. Судан перешел под совместное управление (так называемый кондоминиум) Англии и Египта, но фактически английское влияние стало в Судане преобладающим.

Сейчас мы являемся свидетелями все еще продолжающейся борьбы за Судан, начало которой восходит к восьмидесятым годам прошлого столетия. Англия вплоть до настоящего времени не отказалась от своих планов безраздельного господства в Судане, постепенно отстраняя Египет от участия в совместном управлении. Договор 1936 г. дал право Англии содержать в Египте и Судане свои войска, строить военные аэродромы, использовать морские порты.

Сейчас, несмотря на окончание войны с Германией и ее сателлитами, Англия не торопится с эвакуацией войск, затягивая переговоры по пересмотру договора 1936 г.

Египет стремится к национальной независимости, к ликвидации этого неравноправного договора.

Одно из основных требований Египта — воссоединение с Суданом. Но Англия, видя, что ее позиции в Египте ослабевают, снова, как 65 лет назад, пытается отторгнуть Судан от Египта, добиваясь формальной его «независимости».

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. М. Розеноер.* Технический редактор *П. Н. Дунцов*
Обложка художника *Н. М. Лобанова*

РИСО АН СССР № 2991. Издат. № 1507. А-04162. Тип. заказ № 252. Подп. к печ. 16/VI 1948 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆ Печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 2500.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

Цена 7 руб.

